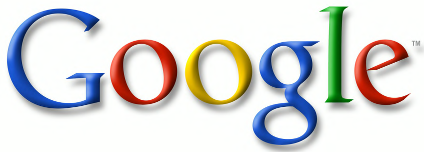

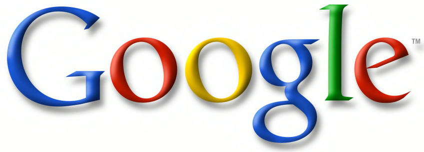

STANFORD UNIVERSITY
LIBRARIES

ЖИЗНЬ ЗАМѢЧАТЕЛЬНЫХЪ ЛЮДЕЙ
БІОГРАФИЧЕСКАЯ БИБЛІОТЕКА Ф. ПАВЛЕНКОВА

А. Д. КАНТЕМИРЪ

ЕГО ЖИЗНЬ И ЛИТЕРАТУРНАЯ ДѢЯТЕЛЬНОСТЬ

БІОГРАФИЧЕСКІЙ ОЧЕРКЪ

Р. И. Сементковскаго

Съ портретомъ Кантемира, гравированнымъ въ Лейпцигѣ Геданомъ

ЦѢНА 25 КОП.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Обертка печ. въ тип. высочайше утв. товарищества «Общественная польза»
Бол. Подъяческая, 39
1893

K3288

ИЗДАНІЯ Ф. ПАВЛЕНКОВА

Литература, исторія, законовѣдѣніе и пр.

Голодъ. Психологич. романъ. *К. Гамсуна.* Переводъ съ норвежскаго. Ц. 60 к.

Сочиненія Чарльза Диккенса. Полное собраніе. Цѣна каждаго тома (равнаго 75 журнальнымъ листамъ) 1 р. 50 к.

Герои и героическое въ исторіи. Публичныя бесѣды Карлейля. Пер. *В. Яковенко.* Ц. 1 р. 50 к.

Грядущая раса. Фантастическій романъ. *Эд. Бульвера.* Перев. съ англ. *Каменскаго.* Ц. 50 к.

Европейскіе монархи и ихъ дворы. *Politicos.* Перев. *В. Ранцовъ.* Съ 16 портрет. Ц. 1 р.

Литература и жизнь. *Н. К. Михайловскаго.* Ц. 1 р.

Черезъ сто лѣтъ. Соціологическій романъ *Э. Беллами* 2-е изданіе. Ц. 1 р.

Въ трущобахъ Англіи. (Планъ соціальной борьбы съ экономическими язвами современнаго общества). *Бутса.* Ц. 1 р.

Капитанская дочка. Повѣсть *А. Пушкина.* Роскошное изданіе, съ 188 рисунками. Ц. 60 к. Въ папкѣ 75 к. Въ перепл. 1 р.

Сочиненія Пушкина. Съ портретами, біографіей и 500 письмами. Полное собраніе въ 1-мъ и въ 10 томахъ. Цѣна 1-томнаго и 10-томнаго изданія одна и та же: безъ карт.— 1 р. 50 к. Съ 44 картин.—2 р. 50 к. На лучшей бумагѣ—на 50 к. дороже. За переплеты: для 1-томнаго изданія—40 к. и 1 р. Для 10-томн. (5 переплетовъ) 1 р. и 2 р.

Большой альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, 44 иллюстраціи. Ц. въ папкѣ 1 р. 50 к.

Малый альбомъ къ „Сочиненіямъ Пушкина“, Тѣ же иллюстраціи, но меньшаго формата. Ц. въ коленкор. переплетѣ—1 р. 25 к.

Сочиненія Лермонтова. Съ портретомъ, біографіей и 115 рисунками. Полное собраніе въ 1-мъ въ 4-хъ томахъ. Цѣна одна и та-же 1 рубль. Переплеты: для 1-томнаго 40 к. и 1 р., для 4-хъ т. (2 пер.) 50 к. и 1 рубль.

120 рисунковъ къ Лермонтову. Художествен. альбомъ *М. Малышева.* Цѣна въ папкѣ 50 к.

Исторія книги на Руси. *Вахтіарова.* Ц. 1 р. 50 к.

Русскіе фланёры въ Парижѣ. *Попова.* Ц. 1 р.

Наши офицерскіе суды. *Ф. Павленкова.* Ц. 35 к.

Очерки новѣйшей исторіи. (1815—1891 г.) *Григоровича.* Съ 58 порт. 6-е изд. Ц. 2

Новѣйшіе русскіе писатели. Хрестоматія для старшихъ классовъ гимназіи и книга для домаш. чтенія. *Цвѣткова.* Съ 72 портр. Ц.

Сочиненія Н. В. Шелгунова. Въ двухъ томахъ. Съ портротомъ автора и статьей *Н. Михайловскаго.* Ц. за оба тома 3 р., въ пер. 4

Повѣсти и разсказы И. Н. Потапенко. Четыре тома. Цѣна каждаго—1 руб. Перепл. для 2 томовъ вмѣстѣ по 50 к.

Исторія новѣйшей русской литературы. (1848—1890 гг.) *А. М. Скабичевскаго.* Цѣна 2 р.

Сочиненія Глѣба Успенскаго. Въ 2 большихъ томахъ, съ портретомъ автора и статьей *Н. К. Михайловскаго.* Цѣна за два тома—3 р.

Сочиненія Гл. Успенскаго. Томъ 3-й. Ц. 1 р. 50 к.

Сочиненія А. М. Скабичевскаго. Критическіе очерки и литературныя характеристики. Съ портр. Цѣна за все собраніе въ 2 том. 3 р.

Сочиненія Ѳ. М. Рѣшетникова. Въ 2 большихъ томахъ, съ портрет. автора. Ц. 2 р. 50 к.

Тургеневъ о русскомъ народѣ. Чтеніе для народа. Съ портретомъ *Тургенева.* Ц. 15 к.

Въ поискахъ за истиной. *Макса Нордау.* Перев. съ 4-го нѣм. изд. *Э. Зауэръ.* 3-е изд. Ц. 1 р.

Счастье и трудъ. *П. Мантегацца.* Ц. 75 к.

Больная любовь. Гигіеническій романъ *П. Мантегацца.* Изд. 2-е Ц. 50 к.

Роль общественнаго мнѣнія въ государственной жизни. Профес. *Гольцендорфа.* Цѣна 75 к.

Очерки самоуправленія—земскаго, городского и сельскаго. *С. Приклонскаго.* Ц. 2 р.

Борьба съ земельнымъ хищничествомъ. Бытовые очерки. *И. Тимощенкова.* Ц. 1 р. 50 к.

Брюхо Петербурга. Общественно-физіологическіе очерки. *А. Вахтіарова.* Цѣна 1 р.

Бесѣды о законахъ и порядкахъ. *Т. Горяской,* подъ ред. *Я. Абрамова.* Цѣна 15 к.

Законы о гражданскихъ договорахъ. Составилъ *Фармаковскій.* Ц. 1 р. 25 к.

Въ небесахъ. Астрономическій романъ *К. Фламмаріона.* Съ рисун. 2-е изд. Ц. 75 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ПУШКИНСКАЯ БИБЛІОТЕКА.

Русланъ и Людмила. Съ 8 картинками, ц. 10 к.—**Кавказскій плѣнникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Братья Разбойники.** Съ 3 карт. ц. 2 к.—**Бахчисарайскій фонтанъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Цыганы.** Съ 3 карт., 3 к.—**Полтава.** Съ 5 карт., ц. 6 к.—**Галубъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о царѣ Салтанѣ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Сказка о попѣ и работникѣ Балдѣ.** Съ 2 кар., ц. 2 к. **Сказка о мертвой царевнѣ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Сказка о золотомъ пѣтушкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Сказка о рыбакѣ и рыбкѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Пѣсни западныхъ славянъ.** Съ 3 карт., ц. 4 к.—**Евгеній Онѣгинъ.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Графъ Нулинъ.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Домикъ въ Коломнѣ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Мѣдный всадникъ.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Анджело.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Борисъ Годуновъ.** Съ 9 карт., ц. 10 к.—**Скупой рыцарь.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Моцартъ и Сальери.**—Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Каменный гость.** Съ 3 карт., ц. 2 к.—**Пиръ во время чумы.** Съ 2 к., ц. 2 к.—**Русалка.** Съ 4 карт., ц. 3 к.—**Выстрѣлъ.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Метель.** Съ 2 карт., ц. 3 к.—**Гробовщикъ.** Съ 2 карт., ц. 2 к.—**Станціонный смотритель.** Съ 3 карт., ц. 3 к.—**Барышня-крестьянка.** Съ 2 карт., ц. 4 к.—**Пиковая дама.** Съ 3 карт., ц. 5 к.—**Дубровскій.** Съ 5 карт., ц. 10 к.—**Арапъ Петра Великаго.** Съ 3 карт., ц. 6 к.—**Капитанская дочка.** Съ 11 карт., ц. 20 к.—**Исторія Пугачевскаго бунта.** Съ мног. карт., ц. 20 к.—**Всѣ поэмы.** Съ 21 карт., ц. 25 к.—**Всѣ сказки.** Съ 6 карт., ц. 10 к.—**Всѣ баллады и легенды.** Съ 4 карт., ц. 10 к.—**Всѣ драмат. произведенія.** Съ 17 карт., ц. 20 к.—**Повѣсти Бѣлкина.** Съ 7 карт., ц. 10 к.—**Всѣ письма.** Съ 26 портретами, ц. 25 к.

Дозв. ценз. Спб. 8 октября 1893 г. Тип. тов. „Общ. польза" Б. Подъяч., 39

А. Кантемиръ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

31-го марта 1894 г. исполнится 150 лѣтъ со дня смерти перваго русскаго сатирика и вообще перваго русскаго писателя въ современномъ значеніи этого слова, — князя Антіоха Дмитріевича Кантемира. Это—знаменательная годовщина, и во всякомъ цивилизованномъ обществѣ она была бы достойнымъ образомъ почтена. Не знаемъ, собирается-ли наше столь инертное общество отпраздновать эту годовщину, до наступленія которой осталось уже очень мало времени; но несомнѣнно заслуги Кантемира не только передъ роднымъ словомъ, но передъ родиною вообще очень значительны. Кантемиръ былъ, какъ мы уже отмѣтили, первымъ русскимъ писателемъ въ современномъ значеніи этого слова,—и какимъ писателемъ! Онъ сразу далъ ясный, опредѣленный отпечатокъ всей нашей литературѣ, съ необычайною точностью указалъ и основное ея направленіе, и основныя ея задачи. «По мнѣ,—говорилъ еще Бѣлинскій:—нѣтъ цѣны этимъ неуклюжимъ стихамъ умнаго, честнаго и добраго Кантемира». Бѣлинскій во время столь непродолжительнаго, къ сожалѣнію, литературнаго своего поприща въ началѣ колебался относительно истиннаго значенія кантемировыхъ сатиръ. Но незадолго до смерти онъ написалъ критическій разборъ сочиненій Кантемира, въ которомъ, уже не колеблясь, провозгласилъ нашего перваго сатирика родоначальникомъ всей новой русской литературы и съ паѳосомъ, столь сроднымъ его возвышенной душѣ, говорилъ о радости, которую испыталъ бы Петръ Великій, если-бы ему довелось прочесть кантемировы сатиры. И дѣйствительно, радость эта была-бы велика, потому что никто изъ русскихъ литераторовъ первой половины XVIII вѣка не далъ такого отчетливаго и краснорѣчиваго выраженія основному настроенію, видамъ и задачамъ великаго царя-преобразователя, какъ именно Кантемиръ. Не даромъ Бѣлинскій въ концѣ своей литературной дѣятельности пи-

салъ о Кантемирѣ: «Этотъ человѣкъ по какому-то счастливому инстинкту первый на Руси свелъ поэзію съ жизнью,—тогда какъ самъ Ломоносовъ только развелъ ихъ надолго». Петръ работалъ только для жизни: онъ былъ практикомъ въ лучшемъ значеніи этого слова, и тѣмъ-же практическимъ духомъ проникнуты и кантемировы сатиры. Если въ нихъ можно искать поэзіи, то только той, которая въ мѣткомъ и образномъ сопоставленіи ищетъ силу для бичеванія порока, и порокъ этотъ, противъ котораго направлены стрѣлы перваго нашего сатирика,—только отчасти общечеловѣческій, но главнымъ образомъ присущъ данной средѣ, данному народу. Просто изумляешься, какъ двадцати-лѣтній молодой человѣкъ могъ съ такимъ глубокимъ проникновеніемъ усвоить себѣ духъ русскаго языка, понять слабости и недостатки современнаго ему русскаго общества и съ такою силою, но вмѣстѣ и съ такою любовью отмѣтить ихъ. И въ какое время это было имъ сдѣлано: въ эпоху расцвѣта лжеклассицизма, когда даже такой сильный умъ, какимъ былъ Ломоносовъ, всецѣло ему подчинился и виталъ въ «заоблачныхъ превыспренностяхъ по случаю плошечныхъ иллюминацій», забывая «о живой дѣйствительности... о правахъ общества»! Кантемиръ ни на мигъ втеченіи всей своей дѣятельности не забывалъ о живой дѣйствительности: онъ собственно жилъ только для нея и даже вдали отъ пріемнаго своего отечества, вдали отъ Россіи, думалъ только о томъ, какъ бы ей служить, какъ бы искоренить въ ней путемъ злой насмѣшки или распространенія просвѣщенія тѣ пороки, которые такъ глубоко печалили его отзывчивую и любящую душу.

Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравныхъ плачу,

писалъ уже Кантемиръ: онъ былъ родоначальникомъ гоголевскаго «смѣха сквозь слезы», онъ сильною рукою указалъ русской литературѣ то направленіе, которое такъ пышно расцвѣло въ лицѣ Фонъ-Визина, Гоголя, Салтыкова, и которое составляетъ основную ноту русской поэзіи, преобладающее ея настроеніе. Онъ первый указалъ на долгъ гражданина, подавая въ этомъ отношеніи примѣръ. «Все, что я пишу,—таковы его слова:—пишу по должности гражданина». Таково было у него не только слово, но и дѣло. Въ смутное время, наступившее послѣ смерти Петра, въ тѣ тяжелые годы, когда произволъ достигъ небывалыхъ размѣровъ, когда даже сильные дрожали,

постоянно опасаясь за свое имущество и даже жизнь, онъ гнушался пользоваться оружіемъ, которое его враги пускали въ ходъ противъ него, и какъ онъ призывалъ подвластныхъ исполнять долгъ гражданина, такъ онъ говорилъ сильнымъ міра сего:

Чистъ быть долженъ, кто туды, не поблѣднѣвъ, всходитъ,
Куды зоркіе глаза весь народъ наводитъ.

Да, Кантемиръ былъ несомнѣнно первымъ нашимъ поэтомъ-гражданиномъ, и народился онъ въ такое время, когда, казалось, смѣшно было и говорить о гражданскихъ чувствахъ. Тѣмъ болѣе ему чести; тѣмъ менѣе намъ простительно забывать объ этомъ выдающемся труженикѣ на литературномъ поприщѣ.

Но много-ли нами сдѣлано для уясненія себѣ истиннаго значенія Кантемира? Стоитъ взять любой учебникъ по исторіи русской словесности, чтобы убѣдиться, какъ смутны еще, даже среди специалистовъ, взгляды на перваго русскаго сатирика. Такой признанный авторитетъ, какъ покойный Галаховъ, повторяя первоначальное сужденіе Бѣлинскаго, совершенно имъ отвергнутое впослѣдствіи, заявляетъ учащейся молодежи, что «нисшіе слои разныхъ сословій и званій оставались для Каитемира въ сторонѣ, пе знаемые имъ и не возбуждавшіе къ себѣ вниманія», что Посошковъ и Татищевъ, какъ истые русскіе, могли любить нашъ народъ и не обвинять безусловно разныхъ его сословій, но что Кантемира Тредьяковскій «имѣлъ право назвать чужестраннымъ человѣкомъ», не понимавшимъ духа русскаго языка. Въ томъ же смыслѣ высказывается и г. Порфирьевъ въ своемъ обширномъ учебникѣ исторіи русской словесности, составленномъ немного лѣтъ тому назадъ. И это говорится о писателѣ, если не родившемся, то съ двухъ-лѣтняго возраста жившемъ въ Россіи, преданномъ ей тѣломъ и душою, думавшемъ и заботившемся только о ней, усвоившемъ себѣ духъ русскаго языка въ такомъ совершенствѣ, что его стихи тотчасъ-же превратились въ ходячую монету, въ поговорки, которыя были въ восемнадцатомъ вѣкѣ у всѣхъ на устахъ, подобно тому, какъ въ девятнадцатомъ даже люди, плохо знакомые съ грибоѣдовскимъ «Горе отъ Ума», постоянно его цитируютъ. Такія выраженія, какъ «свѣтлый умъ», «чистая дѣвица», «чуткое ухо», «зоркій глазъ» и т. д., по вѣрному замѣчанію одного критика, впервые были введены Канте-

миромъ въ литературный языкъ,—такъ чутко онъ самъ прислушивался къ народной рѣчи и понималъ, въ чемъ ея сила и прелесть. Называть Кантемира, изгонявшаго впервые по возможности иностранныя слова изъ литературной рѣчи въ такое время, когда другіе писатели щеголяли ими, осмѣлившагося впервые, по мѣткому выраженію Батюшкова, «писать въ Россіи такъ, какъ говорятъ», называть Кантемира, всю свою душу положившаго на служеніе русскому народу, иностранцемъ, упрекать его за то, что онъ неумолимою рукою раскрывалъ пороки современнаго ему общества, объяснять это иноземнымъ его происхожденіемъ, а не глубокою любовью къ Россіи, — это представляется намъ столь же кощунственнымъ, какъ упрекать Гоголя въ его малороссійскомъ происхожденіи за то, что онъ сквозь жгучія слезы осмѣялъ русское общество.

Но какъ бы то ни было, Кантемиръ причисленъ къ нашимъ классикамъ. Ни пренебрежительный судъ знаменитаго въ свое время литературнаго критика, Полевого, категорически заявившаго, что кантемировы сатиры—«не громкій и звучный голосъ сильной души негодующій на порокъ своего вѣка, но мелкая насмѣшка надъ смѣшнымъ», и что сатиры Кантемира, «какъ поэтическія созданія, какъ самобытныя русскія произведенія, не имѣютъ никакого права на наше вниманіе», ни колебанія Бѣлинскаго, первоначально писавшаго, что Кантемиръ «былъ иностранецъ, слѣдовательно не могъ сочувствовать народу и раздѣлять его надеждъ и опасеній», что онъ поэтому «забытъ», не повредили въ концѣ концовъ громкой славѣ нашего перваго сатирика. Но можетъ быть именно въ этихъ приговорахъ выдающихся нашихъ критиковъ, въ неустановившемся на него взглядѣ слѣдуетъ искать причины почти младенческаго состоянія литературы, посвященной первому нашему писателю. Что касается до оцѣнки его произведеній, то лучшею и самою полною все еще остается статья Дудышкина, помѣщенная въ «Современникѣ» безъ малаго полвѣка тому назадъ. Дудышкинъ не смутился отрицательнымъ судомъ Полевого, не смутился и колебаніями Бѣлинскаго и съ большою силою аргументаціи доказалъ, что Кантемиръ «первый въ литературномъ мірѣ обратился къ русскому обществу и искалъ въ немъ предмета для стихотворства», что «онъ же первый открыто, неподдѣльно началъ сатирическую нашу литера-

туру», что «онъ... былъ человѣкъ... сознававшій потребности Россіи и благородно дѣйствовавшій на открытомъ ему поприщѣ, сколько позволяли силы». Кромѣ того Дудышкинъ выяснилъ, что въ кантемировыхъ сатирахъ составляетъ подражаніе Горацію, Ювеналу, Буало, и что въ нихъ есть оригинальнаго; онъ выяснилъ и всю несостоятельность мнѣнія Полевого, будто-бы кантемировы сатиры представляютъ собою только «мозаику, составленную на досугѣ умнымъ человѣкомъ», и, кромѣ плохого подражанія хорошимъ образцамъ, ничего въ себѣ не содержатъ; онъ выяснилъ истинное значеніе Кантемира, подтвердилъ блестящимъ образомъ мнѣніе Жуковскаго, что «по языку и стопосложенію нашъ сатирикъ долженъ быть причисленъ къ стихотворцамъ стариннымъ, но что по искусству онъ принадлежитъ къ новѣйшимъ и самымъ образованнымъ». Однако статья Дудышкина появилась, какъ я уже отмѣтилъ, почти полвѣка тому назадъ; съ тѣхъ поръ собраны матеріалы для болѣе полной оцѣнки Кантемира, а между тѣмъ эта статья до сихъ поръ является лучшею и почти единственною. Ни по достоинствамъ, ни по объему она до сихъ поръ въ нашей литературѣ не нашла себѣ даже равной. Что касается до біографическихъ работъ, то онѣ болѣе полны, но общей обстоятельной біографіи Кантемиръ все еще не дождался. Лучшими біографическими очерками остаются: біографія аббата Венути, составленная въ концѣ сороковыхъ годовъ прошлаго столѣтія, т. е. тотчасъ послѣ смерти нашего сатирика, и приложенная къ французскому переводу его сатиръ, и затѣмъ очеркъ покойнаго Стоюнина, составляющій предисловіе къ глазуновскому изданію сочиненій Кантемира, появившемуся въ 1867—68 гг. Монографій, касающихся отдѣльныхъ періодовъ жизни и дѣятельности Кантемира, больше. Но и тутъ серьезнаго вниманія заслуживаютъ собственно только работы Стоюнина: «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Лондонѣ» («Вѣстникъ Европы» 1867 г., т. I и II) и «Князь Антіохъ Кантемиръ въ Парижѣ» («Вѣстникъ Европы» 1880 г., т. IV и V). Кромѣ того за послѣднее время вышли двѣ монографіи, изъ которыхъ одна значительно дополняетъ наши свѣдѣнія о жизни и дѣятельности Кантемира. Во-первыхъ профессоръ варшавскаго университета Александренко приступилъ къ изданію всѣхъ реляцій Кантемира изъ Лондона, пользуясь для этого архивами, какъ нашими, такъ и иностран-

ными; но пока вышелъ въ прошломъ году только первый томъ этого изданія, въ который вошли реляціи 1732—33 гг., т. е. всего за два года пребыванія Кантемира въ Лондонѣ. Во-вторыхъ г. Шимко издалъ въ 1891 г. книгу: «Новыя данныя къ біографіи кн. А. Д. Кантемира и его ближайшихъ родственниковъ», составленную изъ писемъ самого Кантемира и его родственниковъ,—писемъ, найденныхъ авторомъ въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи. Они представляютъ чрезвычайно цѣнный матерьялъ для освѣщенія нѣкоторыхъ сторонъ жизни и дѣятельности перваго русскаго сатирика. Такимъ образомъ является возможность составить болѣе подробное и рельефное его жизнеописаніе, и было-бы крайне желательно, чтобы эта благодарная задача не была отложена въ долгій ящикъ. Съ своей стороны, я постараюсь собрать все существенное, написанное до сихъ поръ о Кантемирѣ, чтобы, насколько позволяютъ размѣры общедоступной біографіи, воспроизвести жизнь и дѣятельность Кантемира,—этого «честнаго, умнаго и добраго человѣка», какъ его называлъ Бѣлинскій, этого перваго русскаго гражданина-поэта, какъ его назовутъ съ благодарностью всѣ русскіе люди, когда снова установится общее убѣжденіе, что гражданскіе мотивы не составляютъ контрабанды въ поэзіи и что гражданскія чувства всегда и всюду, въ жизни и литературѣ, красятъ человѣка и придаютъ высшій смыслъ его труду, борьбѣ, радостямъ и страданіямъ.

I.

Родъ Кантемировъ.—Дѣдъ и отецъ нашего сатирика.—Дѣтство Антіоха.—Его воспитатели и наставники.—Антіохъ и княжна Марья.—Вліяніе на нихъ родителей.—Путешествіе по Россіи.—Культъ Петра.—Любовь къ наукѣ, литературѣ и искусству.

Пріѣздъ двухъ-лѣтняго Антіоха Кантемира въ 1711 г. въ Россію совпалъ съ очень печальными внѣшними событіями. Послѣ славнаго полтавскаго боя русская армія, созданная Петромъ Великимъ, оказалась окруженною въ пятеро болѣе сильнымъ непріятелемъ на берегахъ Прута. Это была также своего рода Плевна, но только еще болѣе прискорбная, потому что Россіи пришлось заключить немедленно миръ, не добившись побѣды, и возвратить Турціи Азовъ, т. е. отказаться отъ мысли о проложеніи себѣ дороги къ Черному морю. Вѣрнымъ союзникомъ нашего отечества въ эти тяжелые дни былъ молдавскій господарь князь Дмитрій Кантемиръ, отецъ нашего сатирика, имѣвшій громадное вліяніе на сына въ умственномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Ему нашъ сатирикъ въ значительной степени обязанъ тѣмъ, что онъ былъ однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ людей первой половины восемнадцатаго вѣка.

На нашемъ сатирикѣ не оправдалось правило, что выдающіеся дѣятели часто имѣютъ весьма посредственныхъ предковъ. Наоборотъ и отецъ, и дѣдъ Антіоха Кантемира были люди выдающіеся: дѣдъ прославился своею храбростью и военными дарованіями; отецъ — своею ученостью и нравственными качествами; самъ Антіохъ отличался литературными дарованіями. Но откуда взялся родъ Кантемировъ? Біографъ дѣда нашего сатирика, князя Константина Кантемира, одинъ изъ первыхъ русскихъ академиковъ, извѣстный историкъ Байеръ, сообщаетъ намъ, что фамилія: Кантемиръ— татарскаго происхожденія. За нимъ и митрополитъ Евгеній въ

своемъ извѣстномъ словарѣ говоритъ, что предки нашего сатирика произошли отъ татаръ Мунгальскаго поколѣнія и почитали родоначальникомъ своимъ Тамерлана. Фамилію Кантемиръ производятъ отъ двухъ словъ: Канъ и Тимуръ, т. е. родственниковъ Тимура. Но канъ-темиръ означаетъ также кровь-желѣзо,—эпитетъ, подходящій только къ дѣду нашего сатирика, выдающагося воина, но не имѣющій ничего общаго ни съ его отцомъ, мирнымъ ученымъ, ни съ нимъ самимъ, такъ какъ въ его характерѣ преобладали доброта и кротость. Какъ-бы то ни было, не подлежитъ, кажется, сомнѣнію, что родъ Кантемировъ дѣйствительно татарскаго происхожденія, но достовѣрныя свѣдѣнія мы имѣемъ только о дѣдѣ нашего сатирика, князѣ Константинѣ. Въ молодости мы его застаемъ на польской службѣ. Поляками-же онъ посланъ былъ въ 1665 г. полководцемъ противъ ногайскихъ татаръ; а возвращаясь изъ похода, онъ освободилъ Яссы отъ нападенія взбунтовавшихся 8 тысячъ молдаванъ и возвратилъ княженіе изгнанному господарю Дукѣ. Вообще онъ принималъ дѣятельное участіе какъ въ борьбѣ поляковъ, турокъ и крымскихъ татаръ, такъ и въ судьбѣ молдавскаго княжества.

Результатомъ всѣхъ этихъ военныхъ подвиговъ князя Константина было то, что родъ Кантемировъ во-первыхъ получилъ за вѣрную службу ханамъ и молдавскимъ правителямъ обширныя помѣстья въ килійской и измаильской областяхъ и во-вторыхъ добился княженія въ Молдавіи. Такъ, въ XVII столѣтіи отецъ и дядя нашего сатирика являются молдавскими господарями, избираемыми дворянами, но не всегда утверждаемыми Портою, потому что, какъ извѣстно, это утвержденіе часто зависѣло отъ такихъ значительныхъ подарковъ, что они могли въ конецъ разорить лицо, желавшее заручиться милостью турецкихъ правителей.

Чтобы проложить своему роду дорогу къ господарству, князю Константину пе требовалось много усилій. Его военныя дарованія доставили ему громкую славу и богатство. Кромѣ того онъ былъ женатъ на близкой родственницѣ молдавскихъ господарей, князей Дуки и Дабизы, Аннѣ Ѳедоровнѣ Бантышевой, женщинѣ, какъ ее аттестуетъ ея потомокъ, составитель извѣстнаго «Словаря достопамятныхъ людей», Бантышъ-Каменскій, «въ наукахъ очень знаменитой». Ей отецъ нашего сатирика, князь Дмитрій, и обязанъ первымъ образованіемъ ума и сердца. Но, можетъ быть, онъ не достигъ-бы такой значительной учености, доставившей ему европейскую извѣстность, преимущественно какъ историку (хотя онъ кромѣ того прекрасно изучилъ философскія и математическія

науки), и лестное избраніе въ члены берлинской академіи, если-бы ему не пришлось въ молодости долго прожить въ Константинополѣ въ качествѣ заложника. Какъ извѣстно, Порта пользовалась этимъ мало гуманнымъ средствомъ, чтобы держать въ рукахъ подвластныхъ ей правителей. Въ Константинополѣ князь Дмитрій усердно занимался изученіемъ языковъ (онъ свободно говорилъ на языкахъ: турецкомъ, персидскомъ, арабскомъ, греческомъ, итальянскомъ, русскомъ и молдавскомъ; кромѣ того зналъ языки: славянскій и французскій), наукъ и кромѣ того музыкой, такъ что даже сочинялъ разныя музыкальныя пьесы, имѣвшія успѣхъ въ столицѣ Турціи, а построенныя имъ впослѣдствіи въ русскихъ его помѣстьяхъ церкви и монастыри свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ любилъ и архитектуру. Въ общемъ онъ написалъ тринадцать сочиненій и оставилъ много другихъ неоконченными. Сочиненія эти посвящены магометанской религіи, возвышенію и упадку оттоманскаго двора, состоянію Молдавіи, турецкой музыкѣ, исторіи сотворенія міра съ «физическими примѣчаніями», разсужденію о монархіяхъ, логикѣ и философіи. Мы привели всѣ эти данныя объ отцѣ нашего сатирика, чтобы пояснить, какое благотворное вліяніе онъ могъ имѣть въ умственномъ отношеніи на своего сына. Наружность у него была пріятная, обхожденіе любезное, разговоръ увлекательный. Онъ велъ весьма умѣренный образъ жизни и вечера проводилъ всегда въ семьѣ, съ которою старался не разставаться и во время продолжительныхъ своихъ путешествій. Прибавимъ къ этому, что и женился онъ весьма удачно на гречанкѣ, предки которой были византійскими императорами, Касандрѣ Кантакузиной, женщинѣ, отличавшейся большимъ образованіемъ и всецѣло посвятившей себя воспитанію своихъ дѣтей.

Но то, что отразилось такъ выгодно на нашемъ сатирикѣ, т. е. ученость и нравственныя достоинства его отца, вѣроятно послужило помѣхою для упроченія молдавскаго княжества за родомъ Кантемировъ. Во всякомъ случаѣ намъ извѣстно изъ исторіи, что князю Дмитрію трудно было справиться съ интригами пронырливаго и хитраго валахскаго князя Бранкована, стремившагося захватить власть надъ обоими княжествами. Бранкованъ интриговалъ такъ удачно, что заручился довѣріемъ какъ Порты, такъ и Россіи, и передъ печальными событіями на Прутѣ Петръ довѣрялъ ему безусловно, не обращая вниманія на всѣ предостереженія князя Дмитрія. Уже въ 1692 г., когда умеръ князь Константинъ, молдавскіе бояре избрали его сына господаремъ, но Порта его не утвердила, и онъ

снова поселился въ Константинополѣ, гдѣ 10-го сентября 1709 г. и родился у него сынъ Антіохъ, нашъ знаменитый сатирикъ. Черезъ два года послѣ его рожденія Порта преложила гнѣвъ на милость и послала князя Дмитрія въ Молдавію управлять обоими княжествами, арестовавъ предварительно князя Бранкована. Возмущенная вѣроломствомъ послѣдняго, Порта даже освободила князя Дмитрія отъ дани и подарковъ, но какъ только онъ прибылъ на мѣсто, она, измѣнивъ своему слову, потребовала отъ него значительныхъ суммъ, постройки моста черезъ Дунай для переправы турецкой арміи, снабженія ея необходимымъ провіантомъ и выступленія въ походъ противъ Россіи. Князь Дмитрій на все это не согласился, перешелъ на сторону Россіи и затѣмъ остался ей вѣренъ въ постигшемъ ее несчастіи. Во всякомъ случаѣ этотъ историческій фактъ долженъ быть нами отмѣченъ, такъ какъ Россія обязана ему переселеніемъ семьи Кантемировъ въ ея предѣлы, а за гостепріимство, которое она ей оказала, та отблагодарила дарованіемъ ей такого виднаго дѣятеля и писателя, какимъ былъ нашъ первый сатирикъ.

Порта была глубоко возмущена измѣною князя Дмитрія и требовала отъ Петра его выдачи. Оффиціально Петръ отговаривался тѣмъ, будто-бы князя Дмитрія нѣтъ въ русскомъ лагерѣ, а своимъ приближеннымъ онъ говорилъ: «Я лучше уступлю туркамъ всю землю, простирающуюся до Курска, нежели выдамъ князя, пожертвовавшаго для меня всѣмъ своимъ достояніемъ. Потерянное оружіемъ возвращается; но нарушеніе даннаго слова не возвратимо. Отступить отъ чести — то-же, что не быть государемъ». А между тѣмъ искушеніе было велико, потому что русской арміи и русскому царю угрожалъ плѣнъ, и слѣдовательно надо было позаботиться о томъ, чтобы поскорѣе заключить миръ съ Турціею, а она сильно настаивала на выдачѣ князя Дмитрія, облегчившаго русскимъ войскамъ занятіе Молдавіи и снабдившаго ихъ провіантомъ. Для доставленія успѣха русскому оружію, князь Дмитрій далъ нашимъ комиссарамъ 10000 воловъ, 15000 овецъ и 10000 талеровъ, словомъ, онъ разорился и, прибывъ въ русскій лагерь, не имѣлъ уже никакого состоянія.

Всѣ эти жертвы должны были упрочить дружескія отношенія между Петромъ и княземъ Дмитріемъ. Петръ во что-бы то ни стало хотѣлъ спасти его отъ турецкаго гнѣва и прибѣгъ къ разнымъ хитростямъ, чтобы скрыть его отъ зоркихъ глазъ турецкихъ соглядатаевъ. Такъ, князю Дмитрію пришлось долго укрываться въ кухонномъ вагонѣ, гдѣ онъ нашелъ себѣ убѣжище за кастрюлями и

другою посудою. Но и это убѣжище оказывалось не вполнѣ надежнымъ, и изъ-подъ вѣдѣнія главнаго царскаго повара Фельтена князь Дмитрій перешелъ въ вѣдѣніе царскаго кучера, сбривъ предварительно бороду и замѣнивъ молдавскій костюмъ нѣмецкимъ. Онъ долго скрывался въ каретѣ царицы. Такимъ образомъ онъ перебрался въ Россію. Какъ извѣстно, съ Турціею миръ былъ заключенъ на весьма невыгодныхъ условіяхъ: о сохраненіи Молдавіи не могло быть и рѣчи, и поэтому князю Дмитрію вмѣстѣ съ его приближенными, 2.000 бояръ, офицеровъ, слугъ и пр. пришлось навсегда переселиться въ Россію и принять русское подданство. Петръ его однако щедро вознаградилъ за его потери, за утрату княжества и всего состоянія. Ему предоставленъ былъ титулъ свѣтлѣйшаго, ежегодная пенсія въ 6.000 руб., много вотчинъ подъ Харьковомъ, въ Московскомъ и Сѣвскомъ уѣздахъ и домъ въ Москвѣ; кромѣ того ему предоставлены были и владѣтельныя права, напримѣръ судъ надъ молдаванами, переселившимися съ нимъ въ Россію. Въ 1715 г. князь Дмитрій приговорилъ къ лишенію жизни трехъ молдавскихъ дворянъ, но потомъ смягчилъ это наказаніе, и Петръ утвердилъ его приговоръ. Извѣстна еще резолюція Петра: «Гдѣ его (князя Дмитрія) пребываніе будетъ, чтобъ былъ гарнизонъ Россійскій». Хотя исполненіе приказаній Петра о предоставленіи князю Дмитрію разныхъ недвижимыхъ имуществъ сильно замедлилось, тѣмъ не менѣе въ концѣ концовъ бывшій молдавскій господарь получилъ до 10.000 душъ крестьянъ и слѣдовательно жилъ въ большомъ достаткѣ. Все это даетъ намъ ясное понятіе о той обстановкѣ, въ которой росъ нашъ сатирикъ въ раннемъ дѣтствѣ.

Непосредственныхъ свѣдѣній о томъ, какъ жилъ и развивался Антіохъ Кантемиръ въ этотъ ранній періодъ, мы не имѣемъ, но въ общемъ можно составить себѣ довольно ясную картину тѣхъ вліяній, которымъ онъ подвергался. Отношенія между родителями были прекрасныя; оба они одинаково заботливо пеклись о воспитаніи дѣтей, какъ и о томъ, чтобы дать имъ самое лучшее и полное образованіе. Князь Дмитрій, заключая съ Петромъ условіе относительно своего поступленія въ русское подданство, выговорилъ себѣ право «послать сыновей своихъ для наукъ въ знатные городы и иныя христіанскія страны». Отсюда видно, какъ сильно его уже въ то время заботило образованіе дѣтей, хотя старшему изъ нихъ, княжнѣ Марьѣ, было всего одиннадцать лѣтъ. Кромѣ того мы имѣемъ и другія свѣдѣнія объ этой заботливости. Изъ Молдавіи князь Дмитрій привезъ съ собою ученаго священника, грека Анастасія Кон-

менной смерти много содѣйствовалъ чрезмѣрный умственный трудъ, потому что онъ дѣйствительно отъ книгъ и книжныхъ занятій съ ранняго дѣтства не отрывался ни на мигъ. По крайней мѣрѣ достовѣрно извѣстно, что онъ сильнѣйшимъ образомъ разстроилъ себѣ зрѣніе непрерывными кабинетными занятіями и по цѣлымъ днямъ не выходилъ изъ комнаты. Къ тому-же мы видимъ, что его сестра, княжна Марья, отличавшаяся вообще удовлетворительнымъ здоровьемъ, почти съ такою-же ревностью предавалась книжнымъ занятіямъ и находила въ нихъ высшее наслажденіе въ жизни. Мало того, мы должны констатировать, что между Антіохомъ и Марьей существовало тайное сродство душъ, что ихъ вкусы, склонности, настроеніе, даже привычки удивительно какъ совпадали: тотъ-же тихій нравъ, глубокая религіозность, преданность высшимъ интересамъ духа, стремленіе жить уединенною жизнью, нерасположеніе къ свѣту, къ участію въ политической борьбѣ, крѣпость семейнаго начала, домовитость,—все это въ одинаковой степени присуще брату и сестрѣ. Если Антіохъ, какъ мы увидимъ, рвался заграницу, чтобы усовершенствоваться въ наукахъ и мирно предаваться тамъ ихъ изученію на пользу пріемнаго своего отечества, то его сестра не менѣе чуждалась придворной жизни, хотя и была назначена Анною Іоанновною фрейлиной, и жила уединенною жизнью въ Москвѣ или подъ Москвою, предаваясь чтенію, живописи, музыкѣ, наукѣ и заботясь о мірскихъ дѣлахъ лишь настолько, насколько эта забота обусловливалась глубокимъ желаніемъ быть полезною нѣжно-любимому брату и вообще семьѣ.

Когда для нея выяснилось, что она собственнаго семейнаго очага имѣть не будетъ, она помышляла только о томъ, какъ бы соединиться съ любимымъ братомъ или въ крайнемъ случаѣ посвятить себя одному служенію Богу, создать мирную обитель, въ которой нашли-бы себѣ успокоеніе отрѣшившіяся отъ мірскихъ заботъ одинокія женщины. Чѣмъ-то возвышеннымъ, идеальнымъ вѣетъ въ этомъ отношеніи отъ брата и сестры, двухъ вполнѣ родственныхъ душъ по основному настроенію, если не по жизненнымъ задачамъ и силѣ умственныхъ способностей. Во всемъ ихъ образѣ мыслей и поступкахъ съ большою силою проявляется, какъ мы уже замѣтили, глубокая преданность высшимъ интересамъ духа и кромѣ того чрезвычайная заботливость о благополучіи близкихъ людей и вообще всѣхъ, съ кѣмъ сводила ихъ жизнь. Эта заботливость распространялась у нихъ не только на людей, но даже на животныхъ. Когда во время большого московскаго пожара 1737 г. у княжны Марьи

сгорѣлъ ея домъ, она пишетъ брату, что больше жалѣетъ о своей собачкѣ Перлѣ и двухъ кошкахъ, погибшихъ въ огнѣ, чѣмъ о домѣ. «Горько оплакала я ихъ смерть,—продолжаетъ она:—Кондоиди сочинилъ имъ надгробную рѣчь, подобную той, какая, если помните, была произнесена надъ Ромашкой, собакой нашего отца, а Ильинскій перевелъ эту рѣчь на русскій языкъ». Вообще домъ княжны Марьи былъ до такой степени наполненъ кошками и собаками, что она въ шутку называла его своимъ Ноевымъ ковчегомъ.

Столь-же любовно относились братъ и сестра къ старымъ слугамъ своего отца, на глазахъ которыхъ они выросли. Въ письмахъ княжны Марьи къ Антіоху встрѣчаются часто приписки этихъ слугъ вродѣ слѣдующихъ: «И я, сіятельный господинъ, смиренно кланяюсь вмѣстѣ съ служанкою вашей Екатериною, прося Бога увидѣть васъ здоровымъ и радостнымъ», или: «Не гнѣвайтесь на меня, ваше сіятельство, за то, что я давно вамъ не писалъ. Я все странствовалъ по горамъ и полямъ русскимъ». Эти приписки принадлежатъ вѣрному слугѣ князя Дмитрія, его дворецкому, Камарашу. Другой слуга, Гризавиди, дѣлаетъ слѣдующую приписку: «Выпиваю за ваше здоровье двѣ рюмки водки и прошу васъ не забывать меня и моихъ трудовъ». Какая-то Даниловна пишетъ князю, что записала его имя для поминовенія за здравіе, проситъ ему у Бога всякой милости, особенно, чтобы онъ поскорѣй женился и тогда устроилъ ее въ монастырь. Сама княжна Марья извѣщаетъ брата, что одна изъ ихъ служанокъ вышла замужъ за ефрейтора, или сообщаетъ, что Ефрему Богъ далъ сына, или проситъ разыскать въ Лондонѣ мать поступившей къ ней въ услуженіе нѣмки.

Эту-же заботливость о меньшей братьѣ Антіохъ и Марья распространяютъ и на своихъ крѣпостныхъ. Жалуясь на неплатежъ крестьянами оброка, что было особенно чувствительно для нашего сатирика, потому что его матерьяльное положеніе заграницею лишало его всякаго спокойствія, княжна Марья пишетъ: «Приходится терпѣть и сидѣть сложа руки. Что дѣлать! Не одни наши мужики такъ бѣдны. Я очень довольна тѣмъ, что долго прожила въ деревнѣ, такъ какъ тамъ меньше расходовъ, чѣмъ въ Москвѣ.... Жаль крестьянъ: ужъ третій годъ у нихъ неурожай». И княжна Марья не рѣшается взыскивать съ нихъ недоимки, а предпочитаетъ заложить у какого-то Игнатья Францовича свой крестикъ и не выслать брату денегъ заграницу. Чувства княжны Марьи къ крѣпостнымъ выразились и въ томъ краснорѣчивомъ фактѣ, что передъ смертью она дала всѣмъ дворовымъ отпускныя и завѣщала «до

пріисканія пропитанія кормить ихъ и давать имъ помѣщеніе, а при уходѣ выдать имъ жалованье и харчи на полгода». Что-же касается до чувствъ самого Кантемира въ этомъ отношеніи, то о нихъ свидѣтельствуютъ его стихи. Еще въ началѣ прошлаго столѣтія нашъ сатирикъ писалъ, что «пахарь и вельможа равны въ судѣ, и одна правда превосходна», что «та-же и въ свободныхъ, и въ холопяхъ течетъ кровь, та-же плоть, тѣ-жъ кости». Тогда уже нашъ сатирикъ негодовалъ на тѣхъ, «кто каменной душою бьетъ холопа до крови», и клеймилъ того, чью «храбрость одинъ лишь холопъ искушаетъ», потому что «онъ одинъ отвѣчать не посмѣетъ». Пышно расцвѣли въ нашемъ сатирикѣ эти чувства доброжелательства къ ближнимъ, которыми проникнута была его семья, расцвѣли и разрослись до просвѣщеннаго сознанія гражданскаго долга, до глубокой преданности общественнымъ и государственнымъ интересамъ, до готовности, не щадя силъ и здоровья, служить отечеству.

Но объ этомъ рѣчь у насъ впереди. Мы пока хотѣли только указать и по возможности выяснить тѣ семейныя вліянія, которыя окружали Антіоха въ дѣтствѣ. Если онъ вынесъ изъ семьи много плодотворнаго, то потому что у него была богато одаренная натура: душа его воспринимала, жадно поглощала добрыя сѣмена, посѣянныя родителями и наставниками. Только этимъ и можно объяснить себѣ, что изъ одной и той-же семьи вышли столь различныя дѣти. Марья и Антіохъ прониклись семейною атмосферою, окружавшею ихъ въ дѣтствѣ, и каждый по-своему взростилъ воспринятыя ими однородныя сѣмена. Остальныя братья какъ-бы вышли изъ другой семьи: Константинъ совсѣмъ выродился въ нравственномъ отношеніи; Матвѣй былъ самымъ зауряднымъ человѣкомъ, ничѣмъ не отличавшимся отъ сотни другихъ товарищей и офицеровъ, а Сергѣй (послѣдній представитель рода Кантемировъ, умершій въ Москвѣ въ 1780 г.) только подъ конецъ жизни проявилъ домовитость и нѣкоторую дѣловую практичность, благодаря которой сдѣлался собственникомъ очень значительнаго состоянія. Отмѣтимъ еще мимоходомъ, что дочь князя Дмитрія отъ второго брака съ Трубецкой, Екатерина Дмитріевна Голицына, завѣщала 22,000 р.,—сумму очень значительную для того времени, на проценты съ которой должны были получать медицинское образованіе молодые русскіе заграницею, преимущественно въ страсбургскомъ университетѣ. Россія обязана такимъ образомъ этой дочери князя Дмитрія многими врачами, въ томъ числѣ такими замѣчательными, какими были Тереховскій и Амбодикъ.

Касаясь тѣхъ вліяній, которымъ подвергался нашъ сатирикъ въ дѣтствѣ, мы не можемъ не упомянуть еще о двухъ обстоятельствахъ. Составители учебниковъ по русской словесности, упрекающіе Антіоха Кантемира въ его чужеземномъ происхожденіи, въ недостаточномъ знакомствѣ съ русскимъ народомъ и даже духомъ русскаго языка, забываютъ, что нашъ сатирикъ уже въ дѣтствѣ имѣлъ случай близко познакомиться съ пріемнымъ своимъ отечествомъ. Князь Дмитрій постоянно находился въ разъѣздахъ, жилъ въ своихъ вотчинахъ, о благоустройствѣ которыхъ онъ много заботился, въ Москвѣ, въ Петербургѣ, подъ конецъ жизни совершилъ еще путешествіе черезъ всю Россію въ Персію и постоянно бралъ съ собою свою семью, въ томъ числѣ и сына Антіоха. Уже двухъ-лѣтнимъ ребенкомъ Антіохъ былъ перевезенъ изъ Яссъ подъ Харьковъ, гдѣ онъ, кажется, прожилъ довольно долго въ помѣстьѣ своего отца, затѣмъ перевезенъ былъ въ Москву, а оттуда неоднократно совершалъ вмѣстѣ съ отцомъ поѣздки въ курскія и орловскія помѣстья, гдѣ тотъ подолгу проживалъ. Въ 1719 г. отецъ, вступивъ во второй бракъ, переселился окончательно въ Петербургъ, а изъ Петербурга тринадцатилѣтній Антіохъ совершилъ вмѣстѣ съ отцомъ путешествіе черезъ всю Россію въ Персію, хотя вслѣдствіе опасной болѣзни отца добрался только до Астрахани. Такимъ образомъ уже въ раннемъ дѣтствѣ нашъ сатирикъ постоянно былъ окруженъ русскою природою, русскими людьми, изъѣздилъ Россію вдоль и поперекъ, его глазъ и ухо ловили русскіе виды, русскіе звуки. Всѣ впечатлѣнія, которыя онъ вынесъ въ дѣтствѣ, были проникнуты русскимъ духомъ, а впечатлѣнія ранняго возраста бываютъ быть можетъ самыя сильныя въ жизни. Вотъ чѣмъ объясняется фактъ, отмѣченный однимъ критикомъ съ нѣкоторою, небольшою впрочемъ, неточностью въ цифрахъ и датахъ: «Съ двѣнадцати-лѣтняго возраста въ походахъ въ Персію, съ четырнадцати лѣтъ въ полу-русскомъ тогда Петербургѣ, съ двадцати-двухъ лѣтъ заграницею. Всего на все восемь лѣтъ въ Россіи. Но онъ понялъ геній языка русскаго... Онъ первый въ Россіи осмѣлился писать, какъ говорятъ».

Но удивляться тутъ нечему: съ двухъ-лѣтняго до двадцати-лѣтняго возраста, т. е. въ періодъ жизни, когда человѣкъ наиболѣе воспріимчивъ, когда онъ окончательно формируется физически и духовно, когда воспринимаетъ наиболѣе сильныя впечатлѣнія, нашъ сатирикъ постоянно разъѣзжалъ по Россіи и близко знакомился съ страною и людьми. Къ тому-же, какъ мы уже видѣли, однимъ изъ его учителей былъ Иванъ Ильинскій. Къ сожалѣнію, въ точности

неизвѣстно, съ какого года онъ жилъ въ семьѣ Кантемировъ. Извѣстно только, что уже въ 1716 г. Петръ требовалъ отъ князя Дмитрія, чтобы тотъ отпустилъ Ильинскаго для посылки его заграницу. Слѣдовательно Ильинскій находился въ домѣ Кантемировъ уже тогда, когда нашему сатирику было всего семь лѣтъ. Вліяніе на него Ильинскаго было громадное. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многіе факты: несомнѣнно, что отъ Ильинскаго Антіохъ перенялъ склонность писать стихи; какъ Ильинскій составилъ «симфонію» на четверо-евангеліе, такъ Антіохъ уже на четырнадцатомъ году составилъ «симфонію» на псалмы,—первый печатный трудъ нашего сатирика. Мало того, изъ замѣтокъ Антіоха въ его календарѣ за 1728 г. видно, что онъ находился въ дѣятельной перепискѣ съ своимъ бывшимъ наставникомъ, и мы знаемъ, что эта переписка продолжалась втеченіи всей жизни Ильинскаго. Такимъ образомъ въ самой семьѣ нашъ сатирикъ съ ранняго возраста подчинялся русскому вліянію и началъ уже мыслить и чувствовать по-русски. Хотя повидимому разговорнымъ языкомъ въ семьѣ Кантемировъ былъ греческій, но роднымъ своимъ языкомъ нашъ сатирикъ считалъ русскій. Съ своею горячо-любимою сестрою Марьею онъ переписывался на греческомъ и итальянскомъ языкахъ, но очевидно отчасти для усовершенствованія въ нихъ (итальянскимъ языкомъ Антіохъ началъ свободно владѣть только заграницею), отчасти-же, чтобъ скрыть содержаніе корреспонденціи отъ охотниковъ до чтенія чужихъ писемъ, которыхъ въ Россіи было и тогда много. Переписка на этихъ языкахъ представляла для него затрудненіе, и когда онъ чувствовалъ себя слабымъ, когда болѣзнь лишала его энергіи, онъ писалъ сестрѣ по-русски. Такъ, одно изъ его писемъ начинается слѣдующими словами: «Будучи я весьма слабъ, а наипаче сего дня, не въ состояніи много писать, для того отвѣтствую по-русски». Это письмо относится къ 1744 г., году смерти Антіоха; слѣдовательно оно написано послѣ того, какъ онъ провелъ заграницею двѣнадцать лѣтъ изъ 35, прожитыхъ имъ на свѣтѣ. Прибавимъ къ этому, что втеченіи этихъ двѣнадцати лѣтъ онъ почти исключительно встрѣчался съ иностранцами, ни разу не былъ въ Россіи, откуда онъ уѣхалъ двадцати-двухъ-лѣтнимъ молодымъ человѣкомъ, и мы поймемъ, какъ глубоко сроднился Кантемиръ съ русской рѣчью, и какъ онъ даже въ этомъ физіологическомъ, такъ сказать, отношеніи былъ русскимъ до мозга костей, хотя самъ и называлъ себя «породою иноземцемъ».

Чрезвычайно любопытно уяснить себѣ еще, какія чувства внушены были Кантемиру въ дѣтствѣ въ политическомъ отношеніи.

Дѣтство нашего сатирика болѣе или менѣе совпадаетъ съ первою четвертью восемнадцатаго вѣка, когда еще не было рѣчи о явныхъ признакахъ той бури, которая разразилась надъ Европою въ концѣ того-же вѣка. Отецъ Антіоха ставилъ монархическій образъ правленія очень высоко вообще и въ частности по отношенію къ Россіи. Вся просвѣщенная Европа восторгалась тогда неутомимою и геніальною дѣятельностью Петра, направленною къ пріобщенію нашего отечества къ остальному цивилизованному міру. Еще въ 1739 г. Вольтеръ въ письмѣ къ Кантемиру поздравлялъ его съ тѣмъ, что его семья отреклась отъ варваровъ турокъ и переселилась въ Россію, находившуюся подъ управленіемъ Петра, и съ паѳосомъ говорилъ о «великихъ идеяхъ» русскаго царя. Тѣми-же чувствами былъ проникнутъ и отецъ нашего сатирика. Это видно изъ его сочиненій, изъ той преданности, которую князь Дмитрій проявлялъ Петру, и подтверждается его готовностью служить великому царю, чѣмъ онъ только могъ, его жалобами на то, что Петръ не даетъ ему возможности проявить рвеніе къ службѣ государственной. «Близь десяти лѣтъ,—пишетъ онъ Петру: — аще я празденъ былъ, обаче не яко не хотѣлъ, но яко не имѣлъ повелѣнія».

Насъ не должны тутъ вводить въ заблужденіе вѣчныя жалобы князя Дмитрія на необезпеченность его матеріальнаго положенія, на лишенія, которымъ онъ подвергается въ Россіи, и пр. Не слѣдуетъ забывать, что онъ въ Молдавіи былъ богатымъ человѣкомъ и велъ жизнь владѣтельнаго князя. Переселеніе въ Россію было сопряжено для него съ большими лишеніями и убытками, несмотря на щедрое вознагражденіе, предоставленное ему Петромъ, тѣмъ болѣе, что воля Петра, несмотря на всю его энергію, какъ извѣстно, далеко не всегда въ точности исполнялась. Такъ, уцѣлѣли черновыя нѣсколькихъ донесеній за подписью бывшаго господаря о выдачѣ назначенной ему ежегодной 6-ти-тысячной пенсіи, отведеніи пожалованныхъ земель, обидахъ, чинимыхъ ему кіевскимъ губернаторомъ кн. Дм. Голицынымъ (разыгравшимъ впослѣдствіи, когда онъ былъ верховникомъ, такую непригляднуго роль въ жизни нашего сатирика) и курскимъ оберъ-комендантомъ Колтовскимъ, черновыя его прошенія на высочайшее имя объ огражденіи его отъ несправедливыхъ дѣйствій сената и того-же князя Голицына. Въ одномъ изъ этихъ прошеній говорится: «Загороднова двора, о котораго дачѣ тремя имянными указами правительствующему сенату повелѣно, еще не дано». Кромѣ того князь Дмитрій жалуется, что онъ не имѣетъ средствъ помочь старшему брату и племяннику, ко-

торые, живя въ Константинополѣ и Молдавіи, «едва повсядневную имѣютъ пищу, и то за мою причину, что вѣрность величеству вашему соблюлъ непорочную». Мы видимъ слѣдовательно, что и при Петрѣ, какъ впрочемъ хорошо всѣмъ извѣстно, «законы были святы, да исполнители лихіе супостаты», что даже троекратное высочайшее повелѣніе не исполнялось; но въ то-же время изъ всѣхъ сохранившихся документовъ видно, что отецъ нашего сатирика нисколько не сомнѣвался въ добрыхъ намѣреніяхъ самого царя и питалъ къ нему преданность и глубокое уваженіе. Въ этихъ чувствахъ былъ воспитанъ и Антіохъ. Это совершенно очевидно изъ тѣхъ восторженныхъ похвалъ, которыя онъ при всякомъ удобномъ случаѣ расточалъ по адресу великаго преобразователя. Для него Петръ былъ идеальнымъ правителемъ.

Онъ изображаетъ его «испытующимъ обиды, учиненныя люду», или ищущимъ способа облегчить нужды народа, или награждающимъ «сущихъ въ бѣдности».

Правда, онъ восхвалялъ въ стихахъ и правительницъ, смѣнившихъ Петра, но въ этихъ восхваленіяхъ дѣло не обходится безъ нѣкотораго ехидства. Такъ, въ рѣчи къ Аннѣ Іоанновнѣ онъ говоритъ:

Да, искусство требуетъ наше стихотворно,
Чтобъ межъ правдою было нѣчто и притворно,

и заключаетъ заявленіемъ, что лучше молчать, «нежели грубы похвалы писать», а въ посвященіи Елисаветѣ Петровнѣ съ неменьшимъ ехидствомъ включаетъ слѣдующіе стихи:

Явно бо, что книжку рабъ, дая ей такую,
Другомъ добродѣтели весь свѣтъ призналъ тую.

Въ стихахъ же, посвященныхъ Петру, нигдѣ не замѣтно ни слѣда той сатирической соли, которая такъ сродна душѣ Кантемира; въ нихъ вы не найдете ничего, кромѣ глубокаго чувства уваженія, иногда доходящаго до восторга. Въ каждомъ словѣ его стиховъ, посвященныхъ Петру, чувствуется беззавѣтная преданность, отношеніе благодарнаго ученика къ незабвенному великому учителю, и, какъ увидитъ читатель изъ дальнѣйшаго нашего очерка, Кантемиръ дѣйствительно старался идти только по стопамъ Петра на поприщѣ, ему наиболѣе свойственномъ и сродномъ.

Такимъ образомъ мы очертили тѣ условія, въ которыхъ росъ нашъ сатирикъ въ дѣтствѣ. Подведемъ теперь итоги. Родители его

принадлежали къ числу самыхъ образованныхъ людей своего вѣка, отличались большими нравственными достоинствами и съумѣли внушить дѣтямъ безграничную къ себѣ любовь, которую тѣ сохранили на всю жизнь. Когда Антіохъ прислалъ сестрѣ своей Марьѣ сочиненія Боккачіо, она, поблагодаривъ брата, слѣдующимъ образомъ отозвалась о новеллѣ «Фіамета»: «По моему мнѣнію, когда Боккачіо писалъ это сочиненіе, онъ... забылъ, что мать его—женщина». Съ такимъ-же уваженіемъ относился и самъ Антіохъ къ памяти своей матери, а объ отцѣ онъ постоянно отзывался, какъ о лучшемъ своемъ наставникѣ, самъ составилъ его біографію, заботился объ изданіи его сочиненій, о переводѣ ихъ на другіе языки и спѣшилъ исправить всѣ ошибки или опровергнуть обвиненія, которыя могли омрачить его память. Извѣстна напримѣръ по этому поводу его переписка съ Вольтеромъ, изобразившимъ въ своей исторіи Карла XII Дмитрія Кантемира измѣнникомъ. Это уваженіе къ памяти родителей, эта любовь, которую сохранили къ нимъ дѣти до конца жизни, были вызваны, понятно, не только достоинствами родителей, но и ихъ любовнымъ отношеніемъ къ дѣтямъ. Отецъ и мать никогда не разлучались съ своими дѣтьми; они окружали ихъ всевозможною заботливостью, развивали въ нихъ любовь къ знанію, къ просвѣщенію и дѣлали все, что̀ было въ ихъ силахъ, чтобы дать имъ возможно полное образованіе. Не всѣ дѣти князя Дмитрія воспользовались этими благопріятными семейными условіями, но нашъ сатирикъ и его сестра Марья вынесли изъ родительскаго дома глубокое уваженіе къ знаніямъ, наукѣ, искусству. Въ нихъ они усматривали не только высшее наслажденіе въ минуты отдыха отъ другихъ занятій, но, какъ видно изъ жизни обоихъ, даже вопреки словамъ самого Кантемира, что къ литературному труду только «въ лишнихъ часахъ прилѣжать позволено», они оба въ сущности жили только литературою, наукою, искусствомъ. Ихъ переписка была посвящена главнымъ образомъ указаніямъ на новыя книги. Антіохъ то и дѣло посылалъ сестрѣ разныя книги, преимущественно научнаго седержанія (по астрономіи, геометріи, космографіи), лучшія произведенія классической литературы, путешествія и т. п. Оба они занимались живописью и музыкою (картины Антіоха вызывали одобреніе со стороны знатоковъ). Не фразою въ устахъ Кантемира были его слова, что крайнія желанія его составляетъ проводить время,

Изслѣдуя всѣхъ вещей дѣйства и причины.

Душа его постоянно рвалась къ «тишинѣ», къ «малому дому»,

гдѣ-бъ онъ спокойно могъ предаваться научной и литературной работѣ, и въ этой его склонности нельзя не усмотрѣть вліянія тѣхъ впечатлѣній, которыя онъ вынесъ изъ родительскаго дома. Впослѣдствіи, когда онъ сталъ чувствовать себя общественнымъ дѣятелемъ, когда сознаніе гражданскаго долга проникло все его существо, онъ, согласно съ тѣми-же впечатлѣніями, давая волю своей склонности, усматривалъ благо и счастье близкихъ ему людей, а затѣмъ народа, съ которымъ онъ сроднился всею душою, своего пріемнаго отечества, къ свѣтлому будущему котораго онъ питалъ безграничное довѣріе и принадлежностью къ которому онъ гордился, ревниво оберегая добрую его славу и достоинство передъ другими народами, какъ писатель и какъ дипломатъ, впослѣдствіи, говорю я, онъ, примыкая къ традиціямъ царствованія Петра Великаго, усматривалъ счастье и благо Россіи въ распространеніи просвѣщенія среди русскаго народа, въ заимствованіи у другихъ народовъ всего, что они выработали хорошаго, критически относясь къ этому хорошему и не принимая мишуры за золото. Такъ, любовь къ просвѣщенію и любовь къ ближнему, а затѣмъ и къ соединенію ближнихъ, къ отечеству, уже съ малолѣтства развилась въ нашемъ сатирикѣ, и, въ связи съ чувствомъ безграничнаго уваженія къ Петру Великому, легла въ основу всей литературной, общественной и государственной дѣятельности Кантемира.

Въ общей я пользѣ собственную чаю.

Этотъ стихъ изъ письма къ кн. Н. Ю. Трубецкому сталъ какъ-бы девизомъ всей его жизни. Если крайнимъ его стремленіемъ было въ тишинѣ «изслѣдовать всѣхъ вещей дѣйствія и причины», то этимъ онъ не только хотѣлъ удовлетворить стремленію, присущему его душѣ, но и подѣлиться съ другими результатами этихъ изслѣдованій, воспользоваться ими для увеличенія благополучія и счастья своихъ соотечественниковъ, для которыхъ онъ мыслилъ, трудился и жилъ. Любовь къ научному труду, къ искусству, просвѣщенный патріотизмъ и глубокое религіозное чувство,—вотъ что Кантемиръ вынесъ изъ родительскаго дома. Религіозное чувство, которое ему было въ дѣтствѣ внушено, отличалось, какъ мы увидимъ, такимъ-же просвѣщеннымъ характеромъ, какъ и его патріотизмъ. Онъ далекъ былъ отъ всякой религіозной нетерпимости, находился въ дружескихъ отношеніяхъ съ людьми различныхъ вѣроисповѣданій и мало дорожилъ внѣшнею стороною религіи, оставаясь однако вѣренъ православной церкви, къ которой принадлежалъ отъ

рожденія. Заграницею друзьями его были довольно видные представители римско-католической церкви, и одинъ изъ нихъ, аббатъ Венути, даже написалъ его біографію, дышащую искреннимъ, почти восторженнымъ сочувствіемъ къ Кантемиру и втеченіи болѣе вѣка остававшуюся лучшею біографіею нашего перваго сатирика. Тѣмъ не менѣе, какъ ясно сознавалъ Кантемиръ всѣ недостатки и злоупотребленія римско-католическаго духовенства и какъ мѣтко онъ на нихъ указывалъ! Но съ той-же неумолимостью раскрывалъ онъ въ своихъ сатирахъ невѣжество и суевѣріе нашего духовенства, состоя при этомъ въ самыхъ дружескихъ отношеніяхъ съ лучшими его представителями, съ такими дѣятелями, какъ Ѳеофанъ Прокоповичъ и Ѳеофилъ Кроликъ.

II.

Раннее развитіе Кантемира. — Заиконоспасская академія. — Кантемиръ и Ломоносовъ. — Академикъ Гроссъ. — Характерный анекдотъ. — Самостоятельность Кантемира. — Лишеніе его отцовскаго наслѣдства. — Прокоповичъ и Кантемиръ. — Ихъ союзъ.

26-го октября 1719 г. на дворѣ знаменитаго Заиконоспасскаго монастыря былъ большой, торжественный съѣздъ; въ церкви происходила страшная давка: десяти-лѣтній преображенскій солдатъ, свѣтлѣйшій князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ, долженъ былъ произнести на греческомъ языкѣ похвальное слово святому великомученику Дмитрію Өессалійскому въ присутствіи Петра I.

Всѣ біографы нашего сатирика отмѣчаютъ этотъ фактъ, какъ-бы придавая ему существенное значеніе въ смыслѣ ранняго развитія Кантемира. При этомъ однако упускается изъ виду, что пятью годами раньше князь Дмитрій ѣздилъ въ Петербургъ вмѣстѣ съ семи-лѣтнимъ сыномъ Сергѣемъ, и что этотъ ребенокъ въ день Пасхи произнесъ въ присутствіи того-же Петра слово на греческомъ языкѣ, за что ему сдѣланъ былъ значительный подарокъ, и онъ былъ опредѣленъ въ Преображенскій полкъ. Такимъ образомъ оказывается, что семи-лѣтній Сергѣй Кантемиръ превзошелъ по раннему развитію своего младшаго брата, а между тѣмъ на всю свою жизнь остался заурядным человѣкомъ.

Намъ кажется, что если говорить о раннемъ развитіи Кантемира (а о немъ нельзя не говорить, потому что оно дѣйствительно составляетъ въ своемъ родѣ поразительный фактъ), то лучше уже начинать съ перваго печатнаго произведенія Кантемира, съ первой его рукописи, отданной въ типографію въ 1726 г., т. е. когда Кантемиру было всего семнадцать лѣтъ, и озаглавленной «Симфонія на Псалтирь». Но и въ этомъ трудѣ самостоятельности мало еще

видно. Во-первыхъ, это — трудъ чисто-механическій, свидѣтельствующій развѣ только о начитанности Кантемира въ псалмахъ или, какъ онъ самъ выразился, «трудокъ сей прилежности паче, неже устроумія указаніемъ есть»; во-вторыхъ, какъ мы уже отмѣтили, наставникъ нашего сатирика, Ильинскій, составилъ такой-же указатель для четверо-евангелія, а слѣдовательно молодой Кантемиръ въ этомъ отношеніи послѣдовалъ только его примѣру, работалъ подъ его руководствомъ, и даже предисловіе къ первому печатному труду Кантемира носитъ слишкомъ явные слѣды манеры и стиля Ильинскаго, чтобы его можно было приписать нашему сатирику.

Однако не подлежитъ никакому сомнѣнію, что уже во время составленія этого труда Кантемиръ въ умственномъ отношеніи и даже въ наблюдательности превзошелъ не только своихъ сверстниковъ, но и большинство образованныхъ людей своего времени. Въ «Симфоніи» трудно отыскать признаки этого необычайнаго развитія умственныхъ способностой и наблюдательности. Но если принять во вниманіе, что всего нѣсколько лѣтъ спустя онъ началъ писать свои сатиры, которыя доставили ему вѣчную славу, то мы вынуждены будемъ признать, что тщательпое образованіе, полученное Антіохомъ Кантемиромъ, его близкое знакомство съ Россіею и русскимъ народомъ, какъ послѣдствіе его путешествій и жизни въ деревнѣ, соединились въ пемъ съ совершенно необыкновенными умственными способностями и что все это вмѣстѣ дало ранній, но пышный цвѣтокъ на нивѣ нашего родного слова, нашей гражданственности и просвѣщеннаго нашего патріотизма.

Но, возвращаясь къ первымъ проблескамъ литературной дѣятельности Кантемира, мы должны отмѣтить, что въ томъ-же 1726 г., когда отдана была его «Симфонія» съ посвященіемъ Екатеринѣ I въ тинографію, онъ перевелъ съ французскаго «Нѣкое итальянское письмо, содержащее утѣшное критическое описаніе Парижа и французовъ». Неизвѣстно, по собственному-ли побужденію онъ принялся за этотъ переводъ, оставшійся ненапечатаннымъ. Онъ самъ говорилъ, что сдѣлалъ этотъ выборъ для упражненія въ французскомъ и славяно-россійскомъ языкахъ. Но если выборъ сдѣланъ имъ дѣйствительно самостоятельно, то переведенная имъ книга имѣетъ несомнѣнное біографическое значеніе. Дѣло въ томъ, что въ ней осмѣиваются французскіе нравы, съ которыми до извѣстной степени были знакомы и образованные русскіе того времени или по крайней мѣрѣ самъ Кантемиръ и его семья. Если онъ, составляя

«Симфонію», имѣлъ въ виду удовлетворить потребности болѣе удобнаго отысканія текстовъ св. Писанія, т. е. практической цѣли, то очевидно, переводя критическое описаніе Парижа, онъ давалъ волю собственной потребности осмѣивать то, что было въ людяхъ ненормальнаго или смѣшного. Въ этомъ отношеніи выборъ Кантемира интересенъ, какъ интересно и то, что онъ три года спустя, т. е. въ томъ году, когда написана была его первая сатира, перевелъ единственный сохранившійся до нашего времени философскій разговоръ ученика Сократа, Кебеса, озаглавленный: «Картина» и по содержанію своему составляющій разсужденіе о цѣляхъ человѣческой жизни. Въ этой «Таблицѣ Кевика философа» выражены взгляды на жизнь, во многомъ соотвѣтствующіе философскимъ взглядамъ, которыхъ придерживался втеченіи всей своей жизни самъ нашъ сатирикъ. Характерно, что въ предисловіи къ этой книгѣ 20-ти-лѣтній авторъ говоритъ, что «если-бы люди прилежно словамъ философа внимать хотѣли, могли-бы жить гораздо покойнѣе», что это побудило автора «издать на нашемъ языкѣ сей древней премудрости остатокъ», и что онъ «нарочно прилежалъ писать сколько можно простѣе, чтобы *всѣмъ вразумительно*». Отсюда видно, что уже въ ранней молодости Кантемиръ озабоченъ былъ мыслью о всевозможномъ распространеніи знаній, какъ самой вѣрной основѣ человѣческаго благополучія, и кромѣ того, что уже тогда въ немъ выработалось убѣжденіе, которымъ онъ руководствовался во всей своей дальнѣйшей дѣятельности, именно, что легче всего упомянутая цѣль можетъ быть достигнута путемъ распространенія правильныхъ взглядовъ на нравственность и осмѣяніе человѣческихъ слабостей. Отсюда и то расположеніе къ нравственной философіи, которое угасло въ немъ лишь съ жизнью.

Тутъ мы должны упомянуть еще объ одномъ изъ учителей Кантемира, имѣвшемъ наряду съ вышеуказанными несомнѣнно довольно значительное вліяніе на нашего сатирика. Говоря о тѣхъ вліяніяхъ, которымъ подвергался Кантемиръ въ дѣтствѣ, мы не упомянули о томъ, что онъ нѣкоторое время состоялъ ученикомъ знаменитой Заиконоспасской академіи. Мы не упомянули объ этомъ, потому что не могли собрать точныхъ свѣдѣній о томъ, сколько времени собственно онъ обучался въ этомъ разсадникѣ русской образованности, которому и Ломоносовъ обязанъ своимъ первоначальнымъ образованіемъ. Но мы не можемъ себѣ представить, чтобы оно продолжалось долго, отчасти потому, что Кантемиръ уже очень рано разстался съ этой академіей, а во-вторыхъ и потому,

что складъ его ума принялъ во многомъ совершенно иное направленіе, чѣмъ у Ломоносова. Оба они ставили науку чрезвычайно высоко, но и въ отношеніи къ наукѣ наблюдается между ними большое различіе: Ломоносовъ преклонялся предъ нею; для него не было высшаго наслажденія въ жизни, какъ воспринимать ее и работать въ этомъ направленіи; Кантемиръ-же смотрѣлъ на науку болѣе съ утилитарной точки зрѣнія; онъ искалъ въ ней указанія, какъ-бы осчастливить людей, а вмѣстѣ съ тѣмъ его гораздо больше, чѣмъ Ломоносова, занимала дѣйствительность. Отсюда и глубокое различіе въ чисто-литературныхъ трудахъ обоихъ писателей: въ одахъ Ломоносова русская дѣйствительность отражается весьма слабо; кантемировы-же сатиры являются первою попыткою воспроизвести русскую дѣйствительность въ художественной формѣ. Оба они были лириками, но лиризму Ломоносова свойственъ паѳосъ, восторженное преклоненіе предъ высшими благами человѣческаго духа; лиризму-же Кантемира свойственна умная, добрая по существу, хотя подчасъ ѣдкая по формѣ насмѣшка. При тождественности ихъ основного стремленія, направленнаго къ обезпеченію блага отечества, они должны были-бы придти къ однородной литературной дѣятельности, если-бы въ молодости и въ дѣтствѣ подчинены были однороднымъ вліяніямъ. Но они совершенно разошлись въ этомъ отношеніи, и поэтому мы не можемъ допустить, чтобы пребываніе Кантемира въ Заиконоспасскомъ училищѣ отразилось на немъ сколько-нибудь сильно. Даже вліяніе Ильинскаго, ученика того-же училища, оказалось въ этомъ отношеніи слабо. Его трескучія фразы могли, путемъ постепеннаго совершенствованія, дать въ результатѣ нѣчто вродѣ ломоносовскихъ одъ, но на Кантемирѣ онѣ отразились лишь въ его произведеніяхъ, посвященныхъ прославленію сильныхъ міра сего,—въ тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ самъ сатирикъ себя спрашиваетъ:

Какъ-же, не похлебствовавъ, составить пѣснь красну?

Въ его-же сатирахъ, эпиграммахъ и разныхъ другихъ стихотвореніяхъ трезвость мысли беретъ всегда верхъ надъ громкою фразою, а подчасъ даже доводитъ нашего сатирика, какъ и впослѣдствіи Салтыкова, до такихъ реальныхъ выраженій, которыя и въ разговорной рѣчи подчасъ неудобны. Когда сердце преисполнено ѣдкой горечи, когда душа глубоко возмущена, эстетическая фраза не приходитъ на умъ.

Такимъ образомъ вліяніе Заиконоспасскаго училища на Канте-

мира не могло быть значительно. Къ тому-же достовѣрно извѣстно, что уже на четырнадцатомъ году жизни Антіохъ Кантемиръ тотчасъ послѣ смерти отца, т. е. послѣ того, какъ онъ вмѣстѣ съ нимъ совершилъ путешествіе черезъ всю Россію въ Персію, обратился къ Петру съ собственноручнымъ прошеніемъ, въ которомъ ходатайствовалъ о разрѣшеніи ему отправиться заграницу для довершенія своего образованія. Насколько извѣстно, это прошеніе не было уважено. Во всякомъ случаѣ Кантемиръ остался въ Россіи. Предполагаютъ, что Петръ, занятый тогда мыслью объ основаніи въ Петербургѣ академіи наукъ, намѣревался воспользоваться блестящими способностями молодого Кантемира, чтобы придать своему новому учрежденію больше блеска. И мы видимъ, что тотчасъ послѣ открытія академіи при Екатеринѣ I нашъ сатирикъ является ея ученикомъ. Къ крайнему прискорбію и относительно занятій Кантемира въ академіи сохранились лишь весьма скудныя свѣдѣнія. Извѣстно только, что онъ занимался у Бернулли высшею математикою (къ математикѣ онъ всегда питалъ пристрастіе), у Больфингера—физикою, у Беера—исторіею, у Гросса—нравоучительной философіею. Извѣстно кромѣ того, что изъ всѣхъ академиковъ Кантемиръ съ особеннымъ уваженіемъ относился къ Гроссу и занимался его предметомъ съ особенной любовью. Вообще пристрастіе къ этикѣ онъ сохранилъ навсегда и впослѣдствіи охотно писалъ разсужденія по этикѣ и переводилъ авторовъ, сочиненія которыхъ представляли наиболѣе глубокія мысли нравственно-философскаго характера, какъ и сатиры его преисполнены подобнаго рода мыслями. Слѣдовательно и тутъ мы видимъ, что уже въ молодости, какъ и втеченіи всей своей жизни, Кантемиръ главнымъ образомъ интересовался тѣмъ, какъ стать полезнымъ обществу, и даже самъ прямо сознавался, что любитъ этику именно по этой причинѣ. Нельзя сомнѣваться, что въ этомъ отношеніи академикъ Гроссъ имѣлъ вліяніе на нашего сатирика. Онъ самъ признавалъ, что лекціи первыхъ русскихъ академиковъ принесли ему большую пользу. Академики удивлялись его способностямъ и выбрали его членомъ академіи, разсчитывая, что онъ со временемъ займетъ постъ ея президента. Съ точки зрѣнія интересовъ русской науки словесности нельзя не пожалѣть, что эта надежда не сбылась. Самъ Кантемиръ, какъ мы еще увидимъ, до конца жизни надѣялся, что ему удастся послужить на этомъ посту отечественной наукѣ и словесности. Но когда эта надежда была ближе всего къ осуществленію, смерть столь преждевременно прекратила дни нашего перваго писателя, и

въ то время, какъ Кантемиръ исправлялъ въ сущности несродныя ему дипломатическія обязанности, только что возникшая академія влачила довольно жалкое существованіе, ставя всевозможныя помѣхи первому нашему замѣчательному ученому Ломоносову.

Пребываніе Кантемира въ академіи наукъ принесло ему однако большую пользу. Онъ слушалъ въ ней лекціи по математикѣ, исторіи и этикѣ ученыхъ, вооруженныхъ истинными знаніями, стоявшихъ на высотѣ тогдашней науки; въ славяно-греческомъ-же училищѣ главными предметами были каноническое и гражданское право, грамматика, піитика, риторика, философія и богословіе. Конечно и эти предметы, если-бы они преподавались иначе, моглибы сослужить свою службу. Но риторика сводилась къ изученію чисто-механическихъ литературныхъ пріемовъ, къ набору громкихъ словъ и фразъ, къ уснащенію рѣчи миѳологическими терминами; логика была ни чѣмъ инымъ, какъ наборомъ силогизмовъ, совершенно не пригоднымъ къ жизни; въ психологіи ломали голову надъ такими вопросами, каковы: человѣкъ-ли женщина или отчего у нея не растетъ борода? въ физикѣ обсуждался вопросъ: росли-ли въ раю розы безъ шиповъ, существуетъ-ли донынѣ рай, и какимъ онъ былъ при Адамѣ и Евѣ? Заиконоспасская академія конечно была учебнымъ заведеніемъ, представлявшимъ собою, по мысли такого просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Симеонъ Полоцкій, большой шагъ впередъ на пути нашего просвѣщенія. Но въ рукахъ неискусныхъ преподавателей, жившихъ старыми традиціями, она не принесла той пользы, какой ожидалъ отъ нея ея знаменитый основатель. Если изъ нея вышли такія свѣтила родной науки и родного слова, какъ Кантемиръ и Ломоносовъ, то Россія этимъ обязана не столько ей, сколько духу времени, торжеству котораго такъ много содѣйствовалъ Петръ, великій преобразователь русской земли.

Какъ бы то ни было, мы видимъ, что Кантемиръ вездѣ, гдѣ ему представляется случай пріобрѣсти новыя знанія, пользуется имъ съ увлеченіемъ, и притомъ не только воспринимаетъ знанія, но старается ихъ переработать самостоятельно для достиженія тѣхъ цѣлей, которыя выдвигаются самою жизнью. Усидчивость въ трудѣ, прилежаніе характеризуютъ его столько-же, какъ и стремленіе быть полезнымъ обществу, въ которомъ онъ живетъ. Съ другой стороны онъ рѣшительно отвергаетъ, несмотря на тихій свой нравъ, на мягкость своего характера, все то, что представляется ему безполезнымъ, не соотвѣтствующимъ внутреннему его настроенію, его

стремленіямъ. Въ этомъ отношеніи довольно характеренъ извѣстный анекдотъ о томъ, какъ малолѣтній Кантемиръ заснулъ на караулѣ передъ дверью почивальни государыни. Должно быть, этотъ анекдотъ относится къ тому времени, когда Петръ обратилъ особенное вниманіе на Кантемира, вслѣдствіе чтенія имъ въ его присутствіи слова въ Заиконоспасскомъ монастырѣ. Кантемиръ уже раньше былъ зачисленъ солдатомъ въ Преображенскій полкъ, столь любезный сердцу Петра. Пораженный способностями будущаго сатирика, Петръ пожелалъ, чтобы онъ дѣятельнѣе занялся военною службою и изучалъ военныя науки. И вотъ результатомъ этого желанія было между прочимъ то, что ребенка въ мундирѣ поставили на караулѣ у дверей спальни императрицы. Отецъ Кантемира по прошествіи нѣкотораго времени пожелалъ убѣдиться, добросовѣстно-ли сынъ исполняетъ возложенную на него обязанность, и къ своему ужасу застаетъ его погруженнымъ въ глубокій сонъ. Князь Дмитрій вспылилъ и будто бы хотѣлъ его убить на мѣстѣ, но подошелъ Петръ и спасъ жизнь ребенка, хотя въ то-же время призналъ, что онъ повидимому къ военной службѣ мало способенъ. Анекдотъ этотъ, какъ всѣ анекдоты, страдаетъ конечно сильнымъ преувеличеніемъ. Нельзя думать, что такой любящій отецъ, какъ князь Дмитрій, могъ серьезно убить своего ребенка за такую въ сущности ничтожную провинность. Онъ вѣроятно только пригрозилъ ему, а Петръ вступился за него. Однако несомнѣнно, что послѣ этого случая юнаго Антіоха освободили отъ военныхъ наукъ и отъ военной службы, и хотя онъ продолжалъ числиться въ полку и даже постепенно дослужился до офицерскихъ чиновъ, но повидимому его служебныя обязанности въ этомъ отношеніи ограничивались стояніемъ на караулѣ во дворцѣ, и онъ имѣлъ полный досугъ предаваться литературнымъ и научнымъ своимъ занятіямъ. Въ этомъ отношеніи очень характерны его замѣтки въ календарѣ за 1728 г. Изъ нихъ мы узнаемъ, что Кантемиръ во время коронаціи Петра II пожалованъ въ подпоручики, что онъ часто стоялъ на караулѣ и въ то же время ревностно занимался литературою, потому что въ календарѣ то и дѣло указываются разныя книги, которыя Кантемиръ прочелъ или собирался прочитать, съ обозначеніемъ даже лицъ, у которыхъ онъ надѣялся получить ту или другую книгу. Кажется ни одно сколько-нибудь заслуживающее вниманія сочиненіе того времени не ускользало отъ зоркаго глаза девятнадцати-лѣтняго юноши. Его въ одинаковой степени занимаютъ книги, касающіяся Россіи, мемуары, историческія монографіи, классическая древность, философ-

скія и естество-историческія книги. Словомъ, видишь, что молодой Кантемиръ стоитъ, по роду чтенія и выбора книгъ, на высотѣ тогдашней образованности. Вѣроятно не только у насъ, въ Россіи, но даже и на Западѣ въ то время было мало людей, съ такимъ рвеніемъ предававшихся литературнымъ занятіямъ и такъ зорко слѣдившихъ за всѣми литературными явленіями. Но замѣтки календаря Кантемира интересны еще и въ другомъ отношеніи. За исключеніемъ быть можетъ разныхъ событій дня, касающихся придворной жизни, умъ молодого Кантемира занятъ единственно болѣе или менѣе серьезными вопросами; разныя же увлеченія, столь свойственныя молодости, не играютъ никакой роли въ его жизни. Онъ отмѣчаетъ заглавія книгъ, которыя прочиталъ или собирается прочесть, мѣткія выраженія, преимущественно народныя, семейныя событія, значительныя явленія въ природѣ (онъ дѣлаетъ напримѣръ рисунокъ солнечнаго затмѣнія); единственныя-же отмѣтки, касающіяся обыденной жизни, свидѣтельствуютъ развѣ о томъ, что нашъ сатирикъ, несмотря на необходимость бывать постоянно во дворцѣ, былъ чрезвычайно экономенъ. Эта черта очень гармонируетъ съ общимъ его нравственнымъ обликомъ и пришлась очень кстати, когда ему впослѣдствіи въ Лондонѣ и Парижѣ приходилось быть представителемъ такого государства, какъ Россія, и получать чрезвычайно скудное содержаніе, не располагая сколько-нибудь значительнымъ собственнымъ состояніемъ. Существенно для характеристики Кантемира и то, что эта черта врядъ-ли могла развиться въ родительскомъ домѣ, который былъ поставленъ на очень широкую ногу, въ особенности съ тѣхъ поръ, какъ шестидесяти-лѣтній князь Дмитрій вступилъ во второй бракъ съ княжной Трубецкою, дочерью Ивана Юрьевича Трубецкого, жившаго за все время шведскихъ войнъ въ Швеціи плѣнникомъ и сроднившагося тамъ съ европейскою образованностью и съ жизнью западной интеллигенціи. Княжна Настасья Ивановна была замѣчательная красавица и въ угоду ей князь Дмитрій Кантемиръ сбрилъ бороду, сбросилъ свой полу-азіятскій костюмъ, переселился окончательно въ Петербургъ и зажилъ здѣсь великосвѣтскою жизнью, правда, не надолго, потому что бракъ его состоялся въ 1719 г., а три года спустя онъ уже отправился въ персидскій походъ. Но трехлѣтняя жизнь въ Петербургѣ съ ея роскошью, забавами, вечерами, казалось, должна была произвести впечатлѣніе на нашего сатирика, соблазнить и увлечь его; на самомъ-же дѣлѣ она внушила ему только нерасположеніе къ роскоши и богатству, къ свѣтскимъ удовольствіямъ и

свѣтскимъ увлеченіямъ. Быть можетъ въ этомъ отношеніи на него подѣйствовало и то обстоятельство, что горячо любимый отецъ, не перестававшій, правда, дѣятельно заботиться о воспитаніи своихъ дѣтей, подъ конецъ своей жизни проявилъ такую слабость, разыгрывалъ роль ревнивца, нарушилъ всѣ свои привычки и вообще во многомъ утратилъ тотъ видъ внѣшняго достоинства, который болѣе всего соотвѣтствовалъ чувствамъ нашего сатирика. Несмотря на молодые годы, онъ при своей наблюдательности не могъ не замѣтить перемѣны, происшедшей въ отцѣ, и эта перемѣна, хотя не поколебала чувства любви къ нему, но повидимому внушила ему нерасположеніе ко всему, чѣмъ она обусловливалась, и притомъ не столько къ личности его мачихи, сколько къ суетности той жизни, которую она привыкла вести.

Словомъ, мы видимъ, что уже въ ранней молодости Кантемиръ не подчинялся внѣшнимъ вліяніямъ, а напротивъ началъ жить вполнѣ опредѣленною внутреннею жизнью и старался устроить внѣшнюю свою жизнъ такъ, чтобы дать возможно полное удовлетвореніе стремленіямъ своей богато одаренной души. Это пришлось ему очень кстати, потому что онъ уже въ такомъ возрастѣ, когда другіе еще всецѣло подчиняются окружающимъ ихъ условіямъ, воспринимаютъ, а не дѣйствуютъ, былъ вынужденъ обстоятельствами дѣйствовать болѣе или менѣе самостоятельно. Тринадцати лѣтъ отъ роду онъ, какъ мы видѣли, лишился уже отца. Трудно составить себѣ по сохранившимся отрывочнымъ свѣдѣніямъ сужденіе о томъ, насколько мачиха заботилась о своихъ пасынкахъ. Но впослѣдствіи отношенія между Антіохомъ и Марьею съ мачихою были не особенно дружелюбны, и поэтому надо полагать, что она далеко не относилась такъ заботливо и любовно къ Антіоху, какъ его мать. Тотчасъ послѣ смерти отца Кантемиръ обращается съ собственноручнымъ прошеніемъ къ Петру, ходатайствуя, чтобъ его отпустили заграницу для довершенія образованія. Но, какъ мы указывали, ему пришлось остаться въ Россіи, и онъ вскорѣ былъ охваченъ водоворотомъ тогдашнихъ бурныхъ политическихъ событій, придворныхъ интригъ, неумѣренной, страстной борьбы вліяній и лицъ. Ему былъ данъ поводъ, мало того, онъ былъ заинтересованъ въ томъ, чтобы принять участіе въ этой борьбѣ,—заинтересованъ во-первыхъ горячимъ стремленіемъ принести посильную пользу своему пріемному отечеству, и во-вторыхъ, какъ лицо, жестоко пострадавшее отъ несправедливостей временщиковъ. Когда умерла Екатерина I, Кантемиру было всего семнадцать лѣтъ. Это былъ третій годъ послѣ смерти

Петра Великаго и уже второе царствованіе,—царствованіе ребенка. Не даромъ Кантемиръ составилъ слѣдующую «эпиграмму» по поводу коронаціи Петра II:

Петръ прія свыше крѣпку власть на люди
Вѣнчаньемъ. Творче, помощь крѣпка буди.

Дѣйствительно, нужна была «крѣпкая помощь», чтобы этотъ ребенокъ могъ сколько-нибудь сносно управлять великою страною послѣ такого царствованія, какимъ было царствованіе его великаго дѣда, совершенно преобразившаго Россію, въ значительной степени расшатавшаго устои, на которыхъ она раньше покоилась, и замѣнившаго ихъ новыми, внушавшими многимъ сомнѣнія и чувствительно отражавшимися на интересахъ правящихъ и управляемыхъ. Надо было питать большое довѣріе къ установленному Петромъ государственному строю, чтобы оставаться ему вѣрнымъ при тѣхъ замѣшательствахъ, при томъ безотрадномъ положеніи, въ которомъ очутилась Россія послѣ его смерти. Это безотрадное положеніе дѣлъ, на которомъ мы не станемъ останавливаться, потому что оно всѣмъ извѣстно изъ исторіи, отразилось самымъ чувствительнымъ образомъ между прочимъ и на матеріальныхъ интересахъ Кантемира. Ребенокъ, возведенный на престолъ, подчиняясь вліянію Долгорукихъ, проявилъ вдругъ большую самостоятельность. Онъ свергъ несносную опеку всесильнаго временщика Меншикова, управлявшаго Россіею,—этою «недостроенною машиною», какъ выражался самъ знаменитый временщикъ,—только отчасти въ духѣ Петра, но собственно соблюдая болѣе свои личные интересы, чѣмъ интересы государственные. Всѣмъ было тяжело подъ этимъ управленіемъ, тяжело было и народу, и тѣмъ, кто желалъ имъ править для удовлетворенія личныхъ выгодъ, и представителямъ старины среди духовенства и боярства, и людямъ, дорожившимъ реформами Петра, и самому малолѣтнему царю, равно какъ и его товарищу, князю Ивану Долгорукому, «этому гостю досадному и страшному, который на лошадяхъ, окруженный драгунами, часто по всему городу необычнымъ стремленіемъ, какъ бы изумленный, скакалъ и врывался по ночамъ въ честные домы». Петру II и его сверстнику опека Меншикова была слишкомъ стѣснительна, и въ одинъ прекрасный день онъ рѣшительно провозгласилъ: «Я покажу, кто императоръ,—я или Меншиковъ». И грозный временщикъ лишился награбленнаго имъ громаднаго состоянія въ 100.000 крестьянскихъ душъ и умеръ на пустынныхъ берегахъ Оби. Но его вскорѣ замѣ-

нилъ другой временщикъ, котораго нѣкоторые историки силятся выставить просвѣщеннымъ дѣятелемъ, но который въ сущности даже не сочувствовалъ начинаніямъ Петра, а въ корыстолюбіи можетъ быть даже превзошелъ Меншикова. Это былъ князь Дмитрій Михайловичъ Голицынъ, человѣкъ образованный, знакомый съ нѣсколькими европейскими языками, собравшій обширную библіотеку въ своей подмосковной деревнѣ, въ знаменитомъ селѣ Архангельскомъ, и тѣмъ не менѣе приверженный старинѣ, симпатизировавшій злочастному царевичу Алексѣю и запятнавшій себя необычайнымъ корыстолюбіемъ. Отъ этого корыстолюбія сильно пострадалъ и нашъ сатирикъ. Дочь князя Голицына вышла замужъ за брата Антіоха, князя Константина Кантемира, и этого было достаточно, чтобы, вопреки завѣщанію отца, князя Дмитрія, выразившаго совершенно ясное желаніе, чтобы единственнымъ его наслѣдникомъ, въ виду закона о маіоратѣ, изданнаго Петромъ Великимъ, былъ назначенъ тотъ изъ его сыновей, который сдѣлаетъ наибольшіе успѣхи въ наукахъ, причемъ онъ прямо указывалъ на Антіоха, какъ на самаго способнаго и наиболѣе обѣщающаго, — чтобы, вопреки этому завѣщанію, все состояніе бывшаго молдавскаго господаря было предоставлено зятю князя Голицына, Константину Кантемиру. Покойный господарь довѣрилъ Петру исполненіе своего завѣщанія, но душеприкащикомъ оказался не Петръ, а князь Голицынъ, и нашъ сатирикъ изъ богатаго человѣка, изъ владѣльца состоянія въ 10.000 душъ, превратился въ бѣднаго офицера, жившаго исключительно на свое офицерское жалованіе.

Казалось бы, что такой вопіющій фактъ долженъ былъ бы озлобить нашего сатирика, заставить его принять дѣятельное участіе въ борьбѣ тогдашнихъ партій или по крайней мѣрѣ навсегда осудить тотъ государственный строй, при которомъ подобное насиліе могло имѣть мѣсто. Но на самомъ дѣлѣ это важнѣйшее событіе въ личной жизни Кантемира не отразилось ни на его образѣ мыслей, ни на его чувствахъ въ такомъ именно направленіи. Онъ несомнѣнно принялъ къ сердцу нанесенную ему несправедливость, но быть можетъ болѣе съ точки зрѣнія интересовъ своей семьи, чѣмъ своихъ собственныхъ. По крайней мѣрѣ впослѣдствіи, когда возникла надежда на возвращеніе отцовскаго наслѣдія, нашъ сатирикъ писалъ: «Злоба людская очень сильна: братья пожалуй могутъ подумать, что я, высказывая свои соображенія, стремлюсь только къ тому, чтобы закрѣпить за собою однимъ отцовскія вотчины или по крайней мѣрѣ сдѣлаться посредникомъ въ дѣлежѣ и назначить каж-

дому, что̀ мнѣ вздумается. Чтобы разсѣять столь несправедливое предположеніе, я заявляю и обязуюсь предоставить вамъ (т. е. сестрѣ и братьямъ) раздѣлить землю на равныя доли и назначить мнѣ часть по жребію». Такъ относился Кантемиръ къ своимъ родственникамъ въ концѣ жизни, а его переписка съ сестрою Марьею свидѣтельствуетъ о томъ, что таковы были его чувства и раньше. Изъ его-же дѣйствій въ концѣ двадцатыхъ годовъ ясно видно, что учиненная ему несправедливость не столько его озлобила, сколько опечалила, и притомъ преимущественно потому, что недостатокъ матерьяльныхъ средствъ лишалъ его возможности осуществить свою мечту, т. е. отправиться, согласно волѣ, выраженной его отцомъ, «въ знатные городы и иныя христіанскія страны» для довершенія своего образованія. Мечта его въ концѣ концовъ осуществилась, но, вслѣдствіе недостатка матерьяльныхъ средствъ, при условіяхъ, далеко не благопріятствовавшихъ его возвышеннымъ намѣреніямъ.

Насколько-же значительно было его участіе въ тогдашнихъ событіяхъ, другими словами, къ какой партіи примкнулъ онъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ? Чтобы уяснить себѣ этотъ вопросъ, рѣшеніе котораго не можетъ не бросить яркаго свѣта на нравственныя качества Кантемира, мы должны принять во вниманіе, что тогдашнія партіи состояли изъ людей, менѣе дорожившихъ, какъ выражался нашъ сатирикъ, «общею пользою, чѣмъ собственною». По большей части они боролись только ради «собственной пользы». Послѣ паденія Меншикова главными дѣйствующими лицами были Долгорукіе и князь Дмитрій Голицынъ. О Долгорукихъ и говорить нечего. Что-же касается до Голицына, то онъ, несмотря на свое образованіе, какъ мы уже замѣтили, былъ сторонникомъ правъ боярства, которымъ русскіе цари, начиная съ Іоанна III и кончая Петромъ, нанесли такіе сильные удары. Слѣдовательно въ дѣятельности этого временщика, насколько она обусловливалась не личными выгодами, а политическимъ принципомъ, проявилось недружелюбное отношеніе къ реформамъ Петра съ ихъ табелью о рангахъ, этимъ послѣднимъ рѣшительнымъ ударомъ, нанесеннымъ боярству. Великій нашъ преобразователь, дорожа общею пользою, призналъ основнымъ правомъ на государственный почетъ, вмѣсто родовитости, образованіе и заслуги. Самъ Меншиковъ, — врагъ, подъ котораго подкапывалось боярство,—вышелъ изъ народа и съ боярствомъ не имѣлъ ничего общаго. Князь Голицынъ и при Петрѣ дружилъ съ царевичемъ Алексѣемъ, а когда послѣдній умеръ, сталъ возлагать большія надежды на его сына. Надежды эти заключались въ томъ,

[illegible] ; [illegible] и [illegible] н-петровскіе порядки [illegible] аристократіи и сохранили [illegible]

Въ комъ-же нашли себѣ защитника петровскія реформы? Въ самомъ важномъ духовенствѣ, въ рукахъ котораго сосредоточивалось почти все народное образованіе.—надежнѣйшій и самый обильный источникъ фактическаго обновленія Россіи. —именно оно выдвинуло изъ своихъ рядовъ дѣятеля, который былъ столбомъ русскаго просвѣщенія въ смутное время, наставшее послѣ Петра. Если между первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ и незабвенной памяти Ѳеофаномъ Прокоповичемъ установились самыя близкія, самыя дружественныя отношенія съ первыхъ же шаговъ нашего сатирика на литературномъ поприщѣ, если ихъ связала судьба, если они сплотились и дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ, если умудренный житейскимъ опытомъ дѣятель сразу съ стремительною поспѣшностью протянулъ руку помощи юношѣ, только-что вступавшему въ жизнь, и отнесся къ нему, какъ равный къ равному, какъ къ товарищу по оружію, какъ къ брату въ духовномъ отношеніи, то это несомнѣнно былъ знаменательный моментъ въ исторіи русскаго просвѣщенія,—моментъ, когда свѣтская наука вступала въ наслѣдіе плодотворной задачи, завѣщанной ей всей прошлой просвѣтительной дѣятельностью нашего духовенства. Кантемиру негдѣ было искать себѣ покровителей среди вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, какъ въ той средѣ, которая до тѣхъ поръ одна лишь заботилась объ успѣхахъ просвѣщенія, и поэтому намъ представляется очень мелкимъ соображеніе, высказываемое нѣкоторыми біографами нашего сатирика, будто-бы Кантемира привела къ Прокоповичу несправедливость, учиненная надъ нимъ временщикомъ Голицынымъ. Голицынъ и Прокоповичъ правда никогда не могли быть друзьями, потому что ихъ политическіе принципы діаметрально расходились, и потому еще, что Прокоповичъ всѣми фибрами своего существа былъ человѣкомъ идеи, а Голицынъ былъ имъ только отчасти, въ мѣрѣ, соотвѣтствовавшей его личнымъ интересамъ. Они не могли быть друзьями, —это несомнѣнно, но столь-же несомнѣнно, что не вражда къ Голицыну, а нѣчто совершенно иное свело Кантемира съ Прокоповичемъ. Когда нашъ сатирикъ, съ страстнымъ рвеніемъ занимавшійся науками, отдыхая отъ караульной службы, излилъ въ тиши кабинета свою гражданскую скорбь на бумагѣ, жалуясь на печальное состояніе общества, и когда его стихи, его первая сатира попала въ руки Ѳеофана, тотъ немедленно въ свою очередь выразилъ свой

восторгъ стихами, и изъ глубины души у него вылились знаменитыя строфы:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы,

—строфы, въ которыхъ онъ прославляетъ Кантемира за то, что тотъ «перомъ смѣлымъ мечетъ порокъ явный на нелюбящихъ *ученой дружины*» и пророчитъ:

...сіе за верхъ твоей славы буди,
Что тебѣ злые ненавидятъ люди.

Другой-же просвѣщенный пастырь нашей церкви, воодушевленный тѣми-же чувствами, какъ и Прокоповичъ, привѣтствовалъ ту-же сатиру восторженными латинскими стихами, въ которыхъ встрѣчается слѣдующая строфа: «Пусть невѣжда, чуждый всего священнаго и коснѣющій въ своемъ невѣдѣніи, порицаетъ мудраго; пусть празднолюбецъ, гордящійся своею блестящею одеждою, издѣвается надъ познаніями, пріобрѣтенными неусыпнымъ трудомъ; пусть сластолюбивый богачъ, бѣдный среди кучъ золота, изрыгаетъ хулы на просвѣщеніе,—все это развѣваешь ты, какъ вѣтромъ, своимъ стихотвореніемъ и научаешь цѣнить достоинство наукъ. Какъ-же музамъ тебя, увѣнчаннаго мудростью, не назвать оплотомъ и украшеніемъ, пріятнымъ богу?»

На этой широкой почвѣ уваженія къ наукѣ и состоялся союзъ между лучшими представителями нашей церкви и первымъ свѣтскимъ писателемъ въ современномъ значеніи этого слова. Маститый пастырь, вѣрный помощникъ Петра, протянулъ руку двадцати-лѣтнему гвардейскому подпоручику и призналъ его силою плодотворною, равноправною: ихъ соединяло служеніе тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, выразителемъ которыхъ былъ въ такой высокой степени недавно почившій царь, надъ священнымъ дѣломъ котораго начали уже торжествовать враги науки, враги обновленія Россіи въ духѣ европейской цивилизаціи,—враги «ученой дружины». Съ этого момента и начинается видная роль нашего сатирика въ дѣлѣ успѣховъ нашей гражданственности. Антіоху Кантемиру принадлежитъ великая честь; онъ представляетъ собою крѣпкое звено, соединяющее, на почвѣ просвѣщенія и литературы, древнюю Русь съ новой; онъ сильною рукою указалъ всей нашей литературѣ, вплоть до послѣднихъ видныхъ ея представителей, истинный ея путь. Правъ былъ Жуковскій, утверждая, что Кантемиръ по формѣ принадлежитъ къ стихотворцамъ стариннымъ, а по искуству, и не только по искусству, а

чтобы упразднить реформы и возстановить до-петровскіе порядки, насколько они благопріятствовали аристократіи и сдерживали демократическую волну.

Въ комъ-же нашли себѣ защитника петровскія реформы? Къ чести нашего духовенства, въ рукахъ котораго сосредоточивалось тогда все народное образованіе,—надежнѣйшій и самый обильный источникъ фактическаго обновленія Россіи, —именно оно выдвинуло изъ своихъ рядовъ дѣятеля, который былъ столбомъ русскаго просвѣщенія въ смутное время, наставшее послѣ Петра. Если между первымъ русскимъ свѣтскимъ писателемъ и незабвенной памяти Ѳеофаномъ Прокоповичемъ установились самыя близкія, самыя дружественныя отношенія съ первыхъ же шаговъ нашего сатирика на литературномъ поприщѣ, если ихъ связала судьба, если они сплотились и дѣйствовали, какъ одинъ человѣкъ, если умудренный житейскимъ опытомъ дѣятель сразу съ стремительною поспѣшностью протянулъ руку помощи юношѣ, только-что вступавшему въ жизнь, и отнесся къ нему, какъ равный къ равному, какъ къ товарищу по оружію, какъ къ брату въ духовномъ отношеніи, то это несомнѣнно былъ знаменательный моментъ въ исторіи русскаго просвѣщенія,—моментъ, когда свѣтская наука вступала въ наслѣдіе плодотворной задачи, завѣщанной ей всей прошлой просвѣтительной дѣятельностью нашего духовенства. Кантемиру негдѣ было искать себѣ покровителей среди вліятельныхъ политическихъ дѣятелей, какъ въ той средѣ, которая до тѣхъ поръ одна лишь заботилась объ успѣхахъ просвѣщенія, и поэтому намъ представляется очень мелкимъ соображеніе, высказываемое нѣкоторыми біографами нашего сатирика, будто-бы Кантемира привела къ Прокоповичу несправедливость, учиненная надъ нимъ временщикомъ Голицынымъ. Голицынъ и Прокоповичъ правда никогда не могли быть друзьями, потому что ихъ политическіе принципы діаметрально расходились, и потому еще, что Прокоповичъ всѣми фибрами своего существа былъ человѣкомъ идеи, а Голицынъ былъ имъ только отчасти, въ мѣрѣ, соотвѣтствовавшей его личнымъ интересамъ. Они не могли быть друзьями,—это несомнѣнно, но столь-же несомнѣнно, что не вражда къ Голицыну, а нѣчто совершенно иное свело Кантемира съ Прокоповичемъ. Когда нашъ сатирикъ, съ страстнымъ рвеніемъ занимавшійся науками, отдыхая отъ караульной службы, излилъ въ тиши кабинета свою гражданскую скорбь на бумагѣ, жалуясь на печальное состояніе общества, и когда его стихи, его первая сатира попала въ руки Ѳеофана, тотъ немедленно въ свою очередь выразилъ свой

восторгъ стихами, и изъ глубины души у него вылились знаменитыя строфы:

Не знаю, кто ты, пророче рогатый,
Знаю, коликой достоинъ ты славы,

—строфы, въ которыхъ онъ прославляетъ Кантемира за то, что тотъ «перомъ смѣлымъ мечетъ порокъ явный на нелюбящихъ *ученой дружины*» и пророчитъ:

...сіе за верхъ твоей славы буди,
Что тебѣ злые ненавидятъ люди.

Другой-же просвѣщенный пастырь нашей церкви, воодушевленный тѣми-же чувствами, какъ и Прокоповичъ, привѣтствовалъ ту-же сатиру восторженными латинскими стихами, въ которыхъ встрѣчается слѣдующая строфа: «Пусть невѣжда, чуждый всего священнаго и коснѣющій въ своемъ невѣдѣніи, порицаетъ мудраго; пусть празднолюбецъ, гордящійся своею блестящею одеждою, издѣвается надъ познаніями, пріобрѣтенными неусыпнымъ трудомъ; пусть сластолюбивый богачъ, бѣдный среди кучъ золота, изрыгаетъ хулы на просвѣщеніе,—все это развѣваешь ты, какъ вѣтромъ, своимъ стихотвореніемъ и научаешь цѣнить достоинство наукъ. Какъ-же музамъ тебя, увѣнчаннаго мудростью, не назвать оплотомъ и украшеніемъ, пріятнымъ богу?»

На этой широкой почвѣ уваженія къ наукѣ и состоялся союзъ между лучшими представителями нашей церкви и первымъ свѣтскимъ писателемъ въ современномъ значеніи этого слова. Маститый пастырь, вѣрный помощникъ Петра, протянулъ руку двадцати-лѣтнему гвардейскому подпоручику и призналъ его силою плодотворною, равноправною: ихъ соединяло служеніе тѣмъ просвѣтительнымъ идеямъ, выразителемъ которыхъ былъ въ такой высокой степени недавно почившій царь, надъ священнымъ дѣломъ котораго начали уже торжествовать враги науки, враги обновленія Россіи въ духѣ европейской цивилизаціи,—враги «ученой дружины». Съ этого момента и начинается видная роль нашего сатирика въ дѣлѣ успѣховъ нашей гражданственности. Антіоху Кантемиру принадлежитъ великая честь; онъ представляетъ собою крѣпкое звено, соединяющее, на почвѣ просвѣщенія и литературы, древнюю Русь съ новой; онъ сильною рукою указалъ всей нашей литературѣ, вплоть до послѣднихъ видныхъ ея представителей, истинный ея путь. Правъ былъ Жуковскій, утверждая, что Кантемиръ по формѣ принадлежитъ къ стихотворцамъ стариннымъ, а по искусству, и не только по искусству, а

по всему содержанію своихъ произведеній, къ «самымъ образованнымъ, къ новѣйшимъ». Если мы сдѣлаемъ усиліе надъ собою и отрѣшимся отъ впечатлѣнія, которое производитъ на насъ устарѣвшая, нѣсколько архаическая форма твореній Кантемира, то мы должны будемъ признать, что они знаменуютъ собою исполинскій шагъ впередъ для даннагѡ времени и по содержанію до сихъ поръ еще отличаются замѣчательною свѣжестью, что надъ многими его мыслями намъ и теперь еще не мѣшаетъ серьезно призадуматься. Кантемиръ ясно предвидѣлъ, по какому пути пойдетъ Россія и ея литература, и поставилъ первыя вѣхи въ этомъ отношеніи, установилъ ихъ сразу такъ твердо, что, несмотря на всѣ усилія, никому не удалось ихъ опрокинуть.

Но объ этомъ рѣчь впереди, при общей оцѣнкѣ того, чтѡ сдѣлано Кантемиромъ. Теперь-же мы приступимъ къ характеристикѣ его дѣятельности на рубежѣ двадцатыхъ и тридцатыхъ годовъ,— этого важнѣйшаго момента въ его жизни, когда еще не достигшій совершеннолѣтія Кантемиръ, несмотря на тихій и скромный свой нравъ, сразу обратилъ на себя общее вниманіе и выступилъ родоначальникомъ новой русской литературы.

III.

Основная идея кантемировых сатиръ.—Голицынъ, «шляхетство» и государственная власть.—Челобитная, составленная Кантемиромъ.—Уничтоженіе «кондицій».—Роль Кантемира въ этомъ дѣлѣ.

«Кто надъ столомъ гнется, пяля на книгу глаза, большихъ не добьется палатъ»... «Бѣда, что многіе въ царѣ похваляютъ за страхъ то, что въ подданномъ дерзко осуждаютъ»... «Живали мы прежъ сего, не зная латыни, гораздо обильнѣе, чѣмъ мы живемъ нынѣ»... «Землю въ четверти дѣлить безъ Евклида смыслимъ; сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ»... «Епископомъ хочешь быть? Уберися въ рясу, сверхъ той тѣло съ гордостью риза полосата пусть прикроетъ, повѣсь цѣпь на шею отъ злата, клобукомъ покрой главу, брюхо бородою... Долженъ архипастыремъ всякъ тя въ сихъ познати знакахъ, благоговѣйно отцомъ называти»... «Что въ наукѣ? что съ нея пользы церкви будетъ?»... «Если жъ кто вспомнитъ тебѣ граждански уставы, иль естественный законъ, иль народны правы, плюнь ему въ рожу; скажи, что вретъ околесную»... «Къ намъ не дошло время то, въ коемъ предсѣдала надъ всѣмъ мудрость, и вѣнцы одна раздѣляла, будучи способъ одна къ высшему восходу»... «Науку невѣжество мѣстомъ ужъ посѣло. Подъ митрой гордится то (т. е. оно, невѣжество), въ шитомъ платьѣ ходитъ, судитъ за краснымъ сукномъ, смѣло полки водитъ. Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита, изо всѣхъ почти домовъ съ ругательствомъ сбита, знаться съ нею не хотятъ, бѣгутъ ея дружбы, какъ страдавши на морѣ корабельной службы»...

Съ такими мыслями, съ такою силою рѣчи двадцати-лѣтній преображенскій подпоручикъ выступилъ на широкую арену общественной дѣятельности. Онъ самъ быть можетъ не вполнѣ сознавалъ громадное значеніе своего почина. Онъ учился прилежно, наблюдалъ

внимательно, сопоставлялъ то, что вычитывалъ изъ книгъ, съ тѣмъ, что видѣлъ въ жизни, и изъ его души вырвался крикъ отчаянія, который онъ и занесъ на бумагу. Одинъ изъ близкихъ друзей Кантемира прочиталъ его стихи, познакомилъ съ ними цѣнителя литературныхъ произведеній Ѳеофана Прокоповича, и первая русская сатира пошла гулять по Россіи, будить русскую мысль и совершать великую свою службу передъ отечествомъ.

«Наука ободрана, въ лоскутахъ обшита», «сколько копѣекъ въ рублѣ, безъ алгебры счислимъ»,—если такіе мѣткіе стихи превратились въ поговорки, стали ходячею монетою, то вѣдь они возбуждали соотвѣтственныя чувства, составляли откликъ лучшихъ стремленій нашего общества, уясняли многимъ то, что смутно таилось въ ихъ душѣ. Трудно прослѣдить вліяніе слова, какъ трудно прослѣдить переходъ монеты изъ рукъ въ руки, пока она не изотрется, не сдѣлается негодною. Но сколько на нее будетъ куплено, сколькимъ потребностямъ она удовлетворитъ,—это остается скрытымъ, и тѣмъ не менѣе всякій сознаетъ, что она совершила свое дѣло. То-же можно сказать о мѣткихъ словахъ, пущенныхъ въ обращеніе нашимъ первымъ сатирикомъ. Сколько утѣшенія они доставили тѣмъ, кто томился духовною жаждою, кто искалъ отклика на лучшія стремленія своей души, кто съ упованіемъ и вѣрою ожидалъ болѣе свѣтлаго будущаго. Теперь монета, пущенная въ обращеніе Кантемиромъ, въ значительной степени истерлась, но монета эта была вычеканена изъ чистаго золота, изъ металла, по свойствамъ своимъ не уступавшаго металлу, изъ котораго чеканили свои монеты позднѣйшіе, болѣе сродные нашей душѣ, писатели, начиная съ Фонъ-Визина и кончая Салтыковымъ.

Если мы сдѣлали подробныя выписки изъ первой сатиры Кантемира, то потому, что въ ней отразились основныя стремленія автора. Дальнѣйшія его сатиры представляютъ только дополненіе, развитіе мыслей, положенныхъ въ основаніе первой сатиры. Кантемиръ былъ образованнѣйшимъ человѣкомъ своего народа и своего времени; мало того, онъ и въ нравственномъ отношеніи стоялъ высоко надъ окружавшими его людьми. Такой человѣкъ имѣлъ не только возможность, но и право подвергать критикѣ существовавшіе порядки и общество, въ которомъ онъ жилъ. Къ тому-же критика эта была не безцѣльна. Ясны были тѣ идеалы, во имя которыхъ онъ критиковалъ; ясны были стремленія, за которыя онъ боролся, ясна была цѣль, къ которой онъ шелъ. Поразительная же его наблюдательность служила порукою, что онъ не пропуститъ ни

одного существеннаго явленія, ни одного тормаза того просвѣтительнаго дѣла, которому онъ себя посвятилъ. Сатиры его служатъ яснымъ доказательствомъ всеобъемлющаго характера его критики. Прежде всего его занимаетъ народъ. «О безднѣ суевѣрій списать силы столько нѣту». «Мужикъ, который соху оставилъ недавно, аза въ глаза не знаетъ и болтнуть исправно, а прислушайся, что вретъ и что его вздоры». Не устаетъ Кантемиръ указывать на невѣжество народа, какъ на основную причину всѣхъ бѣдствій, имъ претерпѣваемыхъ. Вторая причина—пьянство, которое нашъ сатирикъ бичуетъ неослабѣвающею рукою. «При взглядѣ я первомъ чаялъ, что моръ у васъ былъ; да не пахнетъ стервомъ... Пьяны тѣ, кои лежатъ, прочи не трезвѣе, не обильнѣе умомъ, ногами сильнѣе». «Сегодня—одинъ изъ тѣхъ дней святъ Николаю, для чего весь городъ пьянъ отъ края до краю». Но если народъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, основной причинѣ всѣхъ его бѣдствій, то не вполнѣ-ли это понятно? «Петръ... училища основалъ... Былъ тотъ трудъ корень нашей славы... Но скоро полезныя презрѣнны бываютъ дѣла, кои лакомымъ чувствамъ не ласкаютъ». Дѣло Петра осталось недовершеннымъ, и послѣ него настало время, когда «наука ходитъ ободранная», школъ нѣтъ, просвѣщеніе не дѣлаетъ успѣховъ. Подаютъ-ли высшія сословія примѣръ народу? Если онъ коснѣетъ въ невѣжествѣ, если, какъ писалъ Посошковъ, «на Москвѣ развѣ сытый человѣкъ знаетъ, что то есть православная христіанская вѣра, или кто Богъ, или что есть воля Его, а если въ поселеніяхъ посмотрѣть, то истинно не чаю, изъ десяти тысячъ обрѣсти человѣка, который хотя малое что объ этихъ вещахъ зналъ»,—то можно-ли этому удивляться? «Да что симъ дивиться? — спрашиваетъ Кантемиръ: — Вонъ на пастырей взглянемъ, такъ тутъ-то ужъ развѣ дивиться устанемъ». Заглянемъ въ церковь. «Церковь иль пуста, иль полна однѣми, кои казаться пришли, иль видѣться съ тѣми, которыхъ индѣ нельзя видѣть столь свободно. Молитвы, что попъ ворчитъ, спѣша сумасбродно, самъ не знаетъ, что поетъ, кто-кто примѣчаетъ»... «Хочетъ-ли кто божьихъ словъ въ церкви поучиться отъ пастыря», то что онъ услышитъ? «Не ученьемъ здравымъ и умнымъ, но суевѣрнымъ и мозгомъ своимъ, съ вина шумнымъ, плететъ безъ разсмотру и безъ стыда враки». Въ сильныхъ выраженіяхъ и образахъ Кантемиръ клеймитъ и обжорство, и страсть къ вину современнаго ему духовенство. У него народъ ничему не можетъ поучиться. А купечество? «Не столько зернъ, что въ снопахъ мужикъ въ день навяжетъ, не столько купецъ божбы учинитъ въ продажѣ товаровъ черезъ цѣлый годъ»...

«Праздникъ въ пьянствѣ провождалъ, но продавалъ въ будни воду, что въ вино вливалъ въ праздникъ пополудни». Словомъ, обманъ—вотъ на чемъ держится торговля. Не лучше и дворянство. «О, когда бъ дворяне такъ наши свои знали дѣла, какъ чужіе онъ. Не столько-бъ ихъ крали дворецкой съ приказчикомъ и жирнѣе-бъ жили и должниковъ за собой толпу-бъ не водили». Къ практическому дѣлу онисовершенно неспособны, предаются, какъ и попы, обжорству и пьянству: «И сколь подобенъ скоту больше становится безсмысленну, столько онъ больше веселится». А между тѣмъ мнитъ себя и больше и лучше другихъ. «Мнитъ онъ, что вещество то, что плоть ему дало, было не такое же, но нѣчто сіяло предъ прочими; и была та фарфорна глина съ чего онъ, а съ чего мы—навозная тина». «Дивится не мало, что главно правленіе всего государства царь давно не далъ ему во знакъ благодарства». Какой примѣръ подаетъ наконецъ народу и администрація? «Сколько, знаешь-ли, въ подаркахъ исходитъ судьѣ, дьяку и писцу, кои пишутъ, правятъ и крѣпятъ указы мнѣ? И сколько заставятъ въ башмакахъ однихъ избить, пока тѣ достану?» Кантемиръ не останавливается на низшей администраціи: онъ бичуетъ и вершины. «Болваномъ Макаръ вчерась казался народу, годенъ лишь дрова рубить или таскать воду... И сегодня временщикъ: ужъ онъ всѣмъ подъ пару честнымъ, знатнымъ, искуснымъ людямъ становится». Мало того, какъ мы уже видѣли, Кантемиръ обращается съ словомъ правды и къ прямымъ представителямъ власти. «Маложъ пользуетъ тебя звать хоть сыномъ царскимъ, буде въ нравахъ съ гнуснымъ ты не разнишься псарскимъ». Ему чудится время, когда «чинъ и правда» будутъ цвѣсти «въ пользу люда», когда въ судѣ «страсти не будутъ качать вѣсы», когда «слезы бѣдныхъ не будутъ падать на землю», когда «всякій будетъ въ общей пользѣ чаять собственную».

Мы въ общихъ чертахъ возстановили въ памяти читателя содержаніе кантемировыхъ сатиръ. Онѣ написаны втеченіи десяти лѣтъ (съ 1729—1738 г.), но ихъ содержаніе одинаково; онѣ проникнуты однимъ и тѣмъ-же духомъ, который мы и старались охарактеризовать. Кантемиръ—гвардейскій подпоручикъ и Кантемиръ—представитель Россіи въ Лондонѣ и Парижѣ, это—одно лицо, ничѣмъ не измѣняющее себѣ ни въ общемъ, ни въ частностяхъ. Онъ былъ цѣльною натурою въ полномъ значеніи этого слова. Какъ онъ понялъ свою жизненную задачу въ ранней молодости, такъ онъ понималъ ее втеченіи всей жизни. Чужды ему были увлеченія. Рѣдкій писатель достигалъ уже въ молодые годы такого уравновѣшан-

наго ума. «Любовны пѣсни писать, я чаю, тѣхъ дѣло, коихъ столько умъ не спѣлъ, сколько слабо тѣло»... «Знаю, что когда хвалы принимаюсь писать, когда, муза, твой нравъ сломить стараюсь, сколько ногти не грызу и тру лобъ вспотѣлый, съ трудомъ стишка два сплету, да и тѣ неспѣлы... А какъ въ нравахъ вредно что усмотрю... чувствую самъ, что тогда въ своей водѣ плавлю, и что чтецовъ я своихъ зѣвать не заставлю; проворенъ, веселъ спѣшу, какъ вождь на побѣду, или какъ попъ съ похоронъ къ жирному обѣду».

Въ этихъ стихахъ самъ Кантемиръ чрезвычайно мѣтко охарактеризовалъ свою литературную дѣятельность. Его любовные стихи, писанные въ очень ранней молодости, пропали для потомства: они даже не найдены. Хвалы, которыя онъ писалъ сильнымъ міра сего по большей части въ видѣ посвященія, слѣдовательно съ цѣлью дать ходъ своимъ произведеніямъ, напоминаютъ собою оды прошлаго столѣтія или, точнѣе говоря, являются ихъ прототипомъ, хотя, въ отличіе отъ другихъ одъ, содержатъ въ себѣ, какъ мы видѣли, иногда и ѣдкую правду. Но его сатиры, эпиграммы, басни даютъ намъ точное представленіе о талантѣ и основныхъ цѣляхъ нашего сатирика. Чтобы яснѣе понять эти цѣли, мы возвратимся къ прерванному на мигъ жизнеописанію Кантемира.

Мы указывали уже, что въ царствованіе Петра II Кантемиръ несправедливо былъ лишенъ отцовскаго наслѣдства. Годы эти были тяжкими для него не только въ этомъ смыслѣ, но, какъ ясно видно изъ его произведеній, главнымъ образомъ потому, что дѣло Петра, которымъ онъ дорожилъ, какъ своимъ собственнымъ, было въ корню подорвано. Съ каждымъ новымъ царствованіемъ надежды Кантемира воскресали: онъ привѣтствовалъ каждое изъ нихъ, какъ зарю возрожденія петровской реформы. Когда умерла Екатерина I, когда свергнутъ былъ Меншиковъ, когда Долгорукій и Голицынъ захватили бразды правленія въ свои руки, казалось, что петровская реформа будетъ вычеркнута изъ исторіи, что восторжествуютъ тѣ элементы, которые усматривали въ ней одно лишь зло. Для такихъ дѣятелей, какъ Прокоповичъ или Кантемиръ, это было равносильно утратѣ всякой надежды на лучшее будущее, и притомъ не только съ ихъ личной точки зрѣнія, но и съ точки зрѣнія гражданскихъ успѣховъ отечества. Чтобы уяснить себѣ, на что они разсчитывали въ это смутное время, когда «сынъ царскій немногимъ разнился въ нравахъ съ гнуснымъ псарскимъ», мы должны ясно представить себѣ положеніе тогдашней Россіи, уяснить себѣ, отъ какихъ элементовъ общественныхъ и политическихъ она могла ожидать спасенія.

Много-ли было тогда въ ней образованныхъ людей, преданныхъ общественной пользѣ? И лучшій знатокъ тогдашняго времени насчитаетъ ихъ весьма мало. Прокоповичъ, Кроликъ, Посошковъ, Кантемиръ, Татищевъ и немногіе другіе,—вотъ всѣ болѣе или менѣе просвѣщенные люди того времени. Но государственная власть находилась не въ ихъ рукахъ; не они давали направленіе государственнымъ дѣламъ. Вся власть сосредоточивалась въ рукахъ верховнаго совѣта, состоявшаго изъ восьми членовъ: четырехъ Долгорукихъ, двухъ Голицыныхъ, Головкина и Остермана. Но управлялъ всѣми дѣлами собственно одинъ лишь Дмитрій Голицынъ, пользовавшійся, какъ орудіемъ, фаворитомъ Петра II, Иваномъ Алексѣевичемъ Долгорукимъ. Мы о послѣднемъ уже говорили, указывали, какъ онъ по ночамъ, «словно иступленный», врывался во главѣ драгуновъ «въ честные домы»—«гость досадный и страшный». Вотъ какъ съ своей стороны характеризуетъ его Кантемиръ:

Сей новый Менандровъ другъ Ксенонъ назывался,
Коему и власть, и чинъ высокій достался.
Въ двадцать лѣтъ, юность когда и въ уздѣ ретива...
Неумѣренъ въ похоти, самолюбивъ, тщетной
Славы рабъ, невѣжествомъ наипаче примѣтной;
На ловлѣ съ младенчества воспитанъ съ псарями,
Вѣкъ ничему не учась, смѣлыми словами
И дерзкимъ лицомъ о всемъ хотѣлъ разсуждати
(Какъ бы знаніе съ властію раздѣльно бывати
Не могло), надъ всѣми свой совѣтъ почитая,
И чтительныхъ сѣдиной молчать заставляя,
Хотя искусъ требуетъ и труды, и лѣта.

Довольно объ немъ; одна та его примѣта
Дуракомъ кажетъ.

Но этотъ «дуракъ» былъ, благодаря пристрастію къ нему Петра II, вліятельнѣйшимъ человѣкомъ въ государствѣ и слѣпымъ орудіемъ въ рукахъ Голицына. Всѣ остальные члены верховнаго совѣта, не исключая и умнаго Остермана, занимавшаго тогда выжидательное положеніе, трепетали передъ Голицынымъ, опасаясь за свое имущество и даже жизнь. Когда ребенокъ на престолѣ внезапно умеръ отъ оспы и рѣчь зашла объ его наслѣдникѣ, о томъ, кто займетъ его престолъ, князь Голицынъ на вопросъ, кого избрать, отвѣтилъ: «Кого изволите, только надобно себѣ *полегчить*», и когда его спросили, что онъ подъ этимъ разумѣетъ, пояснилъ: «Такъ полегчить, чтобы *воли себѣ прибавить*». Слова эти могли быть истолкованы

въ различномъ смыслѣ. Возникалъ вопросъ, кому собственно надо «воли прибавить?» Всякому предоставлялось думать, что именно ему. Но Голицынъ, какъ ясно видно изъ кондицій, предложенныхъ Аннѣ Іоанновнѣ, имѣлъ въ виду тайный верховный совѣтъ, т. е. себя самого. Онъ опасался, что со вступленіемъ на престолъ герцогини курляндской можетъ восторжествовать нѣмецкая партія. Анна Іоанновна правда будетъ обязана ему престоломъ, но чувство благодарности не всегда прочно, или, какъ говоритъ нашъ историкъ, «Голицынъ зналъ, что сначала будутъ благодарны, но потомъ какой-нибудь сынъ конюха русскаго или курляндскаго черезъ фаворъ оттѣснитъ перваго вельможу на задній планъ; надобно дать вельможеству самостоятельное значеніе». Въ такомъ духѣ и были составлены знаменитыя кондиціи, предложенныя будущей императрицѣ; власть ея была подчинена верховному совѣту, т. е. Голицыну, и только для виду была сдѣлана ссылка на «шляхетство», т. е. дворянство. Кондиціи были посланы Аннѣ Іоанновнѣ въ такой моментъ, когда въ первопрестольной столицѣ собралось по случаю ожидавшагося бракосочетанія Петра II съ сестрою его фаворита, княжною Екатериною Долгорукой, все знатное «шляхетство». И что-же мы видимъ? Какъ только разнеслась вѣсть о затѣѣ тайнаго совѣта, тотчасъ же произошло сильнѣйшее волненіе, и обнаружилось большое неудовольствіе. Но Голицыну удалось сдержать это неудовольствіе. Сенатъ, генералитетъ, представители дворянскихъ фамилій, все это собиралось, волновалось, кричало, но оказывалось безсильнымъ предъ волею Голицына. Вотъ что пишетъ Прокоповичъ по поводу собранія, въ которомъ одобрены были кондиціи: «Никого, почитай, кромѣ верховныхъ не было, кто бы, таковыя слушавъ, не содрогнулся, и сами тіи, которые всегда великой отъ сего собранія пользы надѣялись, опустили уши, какъ бѣдные ослики; шептанія нѣкія во множествѣ ономъ прошумливали, а съ негодованіемъ откликнуться никто не смѣлъ. И нельзя было не бояться, понеже въ палатѣ оной, по переходамъ, въ сѣняхъ и избахъ многочисленно стояло вооруженное воинство». Таково было собраніе, одобрившее кондиціи. Понятно, что при такихъ условіяхъ одобреніе это не могло быть прочнымъ, и тотчасъ же начались сомнѣнія, колебанія. Сенаторы, генералы, шляхетство раздробились на кружки, изъ которыхъ главные были кружокъ князя Барятинскаго и князя Черкасскаго; душою-же перваго былъ нашъ извѣстный историкъ Василій Никитичъ Татищевъ, а второго—Кантемиръ. Но были и многіе другіе кружки, и всѣ они съ одинаковою горячностью обсуждали возбужденный вер-

ховнымъ совѣтомъ вопросъ. Вопросъ этотъ собственно касался будущей формы правленія, на самомъ же дѣлѣ рѣчь шла о томъ, какъ бы «себѣ полегчить», по мѣткому выраженію Голицына, а «полегчить» себѣ означало не только «прибавить себѣ воли», но и главное—свалить съ себя многочисленныя государственныя повинности, возложенныя на дворянство русскими царями вообще и въ особенности Петромъ I. Это отлично понялъ Голицынъ, который, ограждая въ кондиціяхъ права верховнаго тайнаго совѣта, въ то-же время выговаривалъ облегченіе повинностей, возложенныхъ на шляхетство, ни единымъ словомъ не упоминая о томъ, что и остальныя сословія несутъ тяжкія повинности. Во всемъ этомъ движеніи, вызванномъ знаменитыми кондиціями, нѣтъ духа солидарности всей земли русской передъ государственною властью; есть лишь забота шляхетства о своемъ благополучіи. Голицынъ думалъ опереться именно на шляхетство, вызвать въ немъ убѣжденіе, что онъ, т. е. верховный тайный совѣтъ, съумѣетъ оградить матеріальное его положеніе полнѣе и лучше, чѣмъ царская власть, налагавшая на дворянство все новыя тягла и сокращавшая его права и привилегіи. Но тотчасъ-же обнаружилось, что дворянство именно Голицыну не довѣряетъ и относится чрезвычайно скептически къ дѣятельности верховнаго совѣта. Этому нельзя было удивляться. Несомнѣнно Голицынъ составлялъ плоть отъ плоти, кость отъ костей древне-русскаго боярства, несомнѣнно онъ сознавалъ солидарность его интересовъ; мы даже не станемъ отрицать, что до извѣстной степени Голицынъ, какъ одинъ изъ самыхъ образованныхъ представителей этого дворянства, былъ человѣкомъ идеи, защитникомъ и поборникомъ аристократическаго принципа; но въ то-же время онъ далеко не былъ безупречнымъ въ нравственномъ отношеніи человѣкомъ: онъ запятналъ свою личность корыстолюбивыми поступками, въ томъ числѣ такою вопіющею несправедливостью, какъ лишеніе нашего сатирика принадлежавшаго ему по праву отцовскаго наслѣдія. Несмотря на троекратное постановленіе сената о выдачѣ изъ наслѣдства князя Дмитрія Кантемира четвертой части вдовѣ его, благодаря проискамъ того-же Голицына, и мачиха нашего сатирика не могла добиться своего законнаго права. Мы не станемъ приводить здѣсь другихъ аналогичныхъ фактовъ, такъ какъ и упомянутые достаточно характеризуютъ всемогущаго временщика. Очевидно не такой дѣятель могъ возбуждать къ себѣ довѣріе, и дѣйствительно дворянство отнеслось къ нему скептически, предпочитая рѣшить назрѣвшій вопросъ самостоятельно. Мы видимъ, что въ многочислен-

ныхъ кружкахъ, обсуждавшихъ его, были составлены разнообразные проэкты пересозданія политическаго устройства нашего отечества: проэктъ сената и генералитета, Мамонова, Алабердеева, Мусина-Пушкина и т. д.; кромѣ того сюда же относятся конспектъ шляхетскихъ совѣщаній, проэктъ тринадцати и «способы, коими, какъ видитца, порядочнѣе, основательнѣе и тверже можно сочинить и утвердить извѣстное, толь важное и полезное всему народу дѣло» съ добавленіями къ нему. Мы не можемъ входить здѣсь въ обсужденіе всѣхъ этихъ проэктовъ, но должны указать на основную ихъ мысль. Прежде всего насъ поражаетъ, что ни одинъ изъ нихъ не касается сущности власти Анны Іоанновны и не упоминаетъ ни о самодержавіи, ни объ ограниченіи монархической власти. Съ другой стороны видно, что составители этихъ проэктовъ чрезвычайно озабочены другимъ вопросомъ, именно вопросомъ о томъ, какъ бы предотвратить наложеніе на шляхетство новыхъ повинностей, и только съ этой точки зрѣнія предлагаютъ разныя формы организаціи центральнаго правительства. Ихъ занимаетъ еще и другой вопросъ: какъ бы оградить себя отъ произвола нѣсколькихъ аристократическихъ фамилій. Такимъ образомъ мы видимъ, что движеніе приняло практическій характеръ. Съ одной стороны, у дворянства живы были въ памяти повинности, наложенныя на него царскою властью, особенно Петромъ I; съ другой стороны, оно убѣдилось, что не удастся «прибавить себѣ воли» и въ томъ случаѣ, если во главѣ правительства будутъ стоять представители самого дворянства. Слѣдовательно надо было искать выхода, и этотъ выходъ многіе усматривали въ томъ, чтобы само шляхетство приняло участіе въ управленіи государственными дѣлами. Но на этомъ и обрывается ясно-сознанная цѣль. Вопросъ поставленъ былъ на почву практическую, но очевидно составители проэктовъ не знали, какъ осуществить свою практическую мысль. Въ чемъ должно было заключаться ограниченіе монархической власти, чтобы оградить себя отъ произвола одного лица или нѣсколькихъ лицъ,—вотъ на этотъ вопросъ составители проэктовъ не въ силахъ были дать себѣ ясный отвѣтъ.

Намъ не слѣдуетъ забывать, въ какое время все это происходило. Это было тогда, когда въ западной Европѣ вопросъ о конституціонной формѣ правленія еще не возбуждался, когда Монтескьё, будущій другъ нашего сатирика, только еще писалъ свое знаменитое сочиненіе, въ которомъ онъ воспользовался англійскимъ государственнымъ строемъ, весьма и ему впрочемъ еще мало знакомымъ, чтобы положить начало конституціонному движенію, нашедшему

себѣ столь яркое выраженіе почти шестьдесятъ лѣтъ спустя во время первой французской революціи. Ни Гуго Гроцій, ни Пуффендорфъ, на сочиненіяхъ которыхъ воспитывались тогдашніе образованные политическіе дѣятели, еще не касались этого впослѣдствіи столь жгучаго вопроса. Объ общественномъ договорѣ, о знаменитомъ «contrat social» не было еще и рѣчи. Вообще-же политическая теорія не играла и сотой части той роли, какую она играла впослѣдствіи, когда восторжествовали принципы философіи восемнадцатаго вѣка. Народы или, точнѣе говоря, правящіе классы: бюрократія, духовенство, дворянство, рѣшали разные государственные вопросы, сообразуясь не съ той или другой теоріей и даже рѣдко съ общими государственными интересами, а лишь съ собственными интересами, которые отождествлялись съ общегосударственными. Въ частности въ Россіи существовало слѣдующее положеніе дѣлъ: все, что было просвѣщеннаго въ странѣ, все, что умѣло забывать о себѣ и жить для пользы народной, сомкнулось вокругъ Петра I, увлеченное его грандіозною реформаторскою, скажемъ даже, революціонною дѣятельностью, потому что онъ одинъ выступилъ рѣшительнымъ борцомъ противъ вѣковыхъ предразсудковъ, вѣкового неустройства, вѣковыхъ несправедливостей, нарушая во многомъ завѣты, преданія и законы старины. Какъ въ ранней молодости онъ не испугался стрѣльцовъ и расправился съ ними, такъ онъ всю жизнь боролся съ отжившею стариною во имя просвѣщенія, во имя общегосударственныхъ интересовъ, во имя цивилизаціи. Его геніальный образъ воодушевлялъ и всѣхъ, кто боролся за тѣ же блага. Много-ли было въ Россіи однако такихъ людей? Кантемиръ, одинъ изъ этихъ немногочисленныхъ борцовъ, озирался вокругъ и испытующимъ окомъ высматривалъ единомышленниковъ, товарищей по оружію. Но гдѣ было ихъ найти? Въ дворянствѣ, которое онъ такъ горько осмѣялъ, которое «каменной душою било холопа до крови» и не понимало, что «и въ свободныхъ, и въ холопяхъ течетъ та-же кровь», что въ нихъ «та-же плоть, тѣ-же кости»; въ духовенствѣ, среди котораго было такъ мало представителей истиннаго просвѣщенія, и которое нравами своими не отличалось отъ остальныхъ классовъ населенія; въ купечествѣ, которое жило однимъ обманомъ; въ народѣ, когда на Руси господствовало еще рабство въ очень тяжелой формѣ? Кантемиръ вывелъ въ своихъ сатирахъ цѣлую галерею общественныхъ дѣятелей, списанныхъ съ натуры. Онъ не преувеличивалъ, не впадалъ въ шаржъ, а между тѣмъ что это были за дѣятели? И теперь еще они въ его изображеніи стоятъ, какъ живые,

передъ нами. И гдѣ-же они дѣйствовали? Въ столицѣ, въ тѣхъ общественныхъ сферахъ, которые имѣли наибольшее вліяніе на правительство. Итакъ, съ одной стороны величественная фигура Петра, съ другой—вся эта масса людей, жизнь которыхъ представляла такую безотрадную картину внизу, въ глубинѣ народныхъ массъ, и возмущала душу нашего сатирика на поверхности, въ общественныхъ кружкахъ; вліятельныхъ, блиставшихъ богатствомъ и роскошью, внѣшними признаками цивилизаціи, но не истиннымъ просвѣщеніемъ, не нравственными качествами, не тѣмъ, чѣмъ только и дорожилъ нашъ сатирикъ.

Не забудемъ кромѣ того, что, когда рѣчь заходила о формѣ правленія, о предоставленіи дворянству болѣе широкихъ правъ политическихъ, русскіе просвѣщенные люди обращали вниманіе не столько на теорію, сколько на живой примѣръ сосѣдней страны, Польши. Въ этой странѣ дворяне, которые именно тамъ назывались шляхетствомъ, довели уже во второй половинѣ семнадцатаго вѣка государство до анархіи, и даже такимъ выдающимся королямъ, какъ Іоаннъ Собѣсскій, не удалось спасти страну, вслѣдствіе вольностей, предоставленныхъ дворянству въ прямой ущербъ общегосударственнымъ интересамъ и народному благу. Представители нашего «шляхетства» могли съ завистью поглядывать на польскую шляхту, но истинно-просвѣщенные русскіе люди не могли не содрогнуться при мысли о томъ, что Россію постигнетъ судьба Польши. Къ числу такихъ людей принадлежалъ и Кантемиръ. Онъ сердцемъ сокрушался при видѣ того, что̀ сталось съ властью, которая въ рукахъ Петра дала такіе блестящіе результаты; но тѣмъ не менѣе онъ не извѣрился въ этой власти: съ каждымъ новымъ царствованіемъ возрождались его надежды, что воскреснетъ духъ великаго Петра, «его-же сердцами великимъ и отцомъ звалъ больше, чѣмъ устами народъ»,—тотъ народъ, для котораго боролся и самъ Кантемиръ, громко возвысившій голосъ за «равенство пахаря и вельможи въ судѣ», за «превосходство одной правды». Онъ вѣрилъ въ эту власть, вѣрилъ, что рано или поздно она окажется въ рукахъ достойныхъ, или во всякомъ случаѣ сомнѣвался, чтобы шляхетство, владѣвшее крѣпостными, могло обезпечить равенство всѣхъ гражданъ (Кантемиръ первый заговорилъ у насъ о гражданинѣ) въ судѣ и передъ закономъ. Онъ самъ слишкомъ близко присмотрѣлся къ этому шляхетству, слишкомъ сильно пострадалъ лично и въ своихъ самыхъ священныхъ чувствахъ, любви къ просвѣщенью и отечеству, отъ его управленія государственными дѣлами, чтобы желать его политиче-

скаго торжества. Тогда Бирона еще не народилось; онъ правда стоялъ уже у порога, но не вступилъ въ управленіе. Притомъ-же вопросъ заключался въ томъ, кому быть правителемъ, Голицыну или отпрыску Петра?

Вотъ въ этотъ моментъ мы видимъ, что еще не достигшій совершеннолѣтія Кантемиръ принимаетъ рѣшительное участіе въ государственныхъ дѣлахъ. Когда въ разныхъ кружкахъ начали составлять проэкты переустройства государственной власти, потребовались люди пера, а ихъ было такъ мало тогда въ Россіи. Главнымъ дѣйствующимъ лицомъ въ этомъ отношеніи выступилъ Татищевъ, и къ нему немедленно всею душою присоединился Кантемиръ. Самый полный и обстоятельный проэктъ будущей политической организаціи Россіи представленъ Татищевымъ; адресъ объ упраздненіи верховнаго тайнаго совѣта и объ отмѣнѣ кондицій написанъ Кантемиромъ. Оба дѣйствовали въ тѣсномъ союзѣ съ Ѳеофаномъ Прокоповичемъ. Такимъ образомъ просвѣщеннѣйшіе люди той эпохи соединились, чтобы отвергнуть кондиціи, предложенныя временщикомъ Голицынымъ для упроченія власти верховнаго совѣта.

Мы не можемъ остановиться здѣсь подробно на мнѣніи Татищева. Онъ рѣшительно высказался противъ кондицій и ограниченія монархической власти путемъ такого учрежденія, какимъ былъ верховный тайный совѣтъ. Онъ доказывалъ, что съ Рюрика до Мстислава Великаго, съ Іоанна III до Петра, т. е. въ такое время, когда государственная власть была сильна, страна процвѣтала, и наоборотъ, что въ удѣльно-вѣчевой періодъ, въ смутное время она находилась въ упадкѣ. Идеалъ-же государственнаго устройства онъ видѣлъ въ преобразованной Петромъ Великимъ Россіи. Эти мысли вполнѣ раздѣлялись Кантемиромъ. Татищевъ составилъ проэктъ рѣшенія вопроса въ этомъ смыслѣ. Въ кружкѣ-же князя Черкасскаго этотъ проэктъ былъ встрѣченъ не совсѣмъ дружелюбно, но тутъ Кантемиръ долго убѣждалъ членовъ принять проэктъ, «довольно съ многими разсуждая», и уговорилъ нѣкоторыхъ членовъ подписать челобитную въ духѣ Татищева, которую онъ тутъ-же набросалъ. Эта челобитная была привезена въ домъ князя Барятинскаго, гдѣ ее подписали 74 человѣка; затѣмъ уже поздно ночью оба кружка соединились въ домѣ князя Черкасскаго, гдѣ шляхетство ожидало исхода подписи челобитной. Тутъ собрался и генералитетъ, и челобитная быстро покрывалась новыми подписями. Кромѣ того Кантемиръ и графъ Матвѣевъ отправились въ гвардейскія и кавалергардскія казармы и собрали тамъ новыя подписи. На другой день въ

аудіенцъ-залѣ дворца собралось все знатное шляхетство и подъ предводительствомъ князя Ивана Юрьевича Трубецкого, отца второй жены бывшаго молдавскаго господаря, вручило императрицѣ составленную и прочитанную тутъ-же Кантемиромъ челобитную слѣдующаго содержанія:

«Всепресвѣтлѣйшая, державнѣйшая, великая Государыня, императрица Анна Іоанновна, самодержица всероссійская. Когда ваше императорское величество всемилостивѣйше изволили пожаловать всепокорное наше прошеніе своеручно для лучшаго утвержденія и пользы отечества нашего сего числа подписать, недостойныхъ себѣ признаемъ къ благодаренію за превосходную вашего императорскаго величества милость. Однако-жъ усердіе вѣрныхъ поданныхъ, какое отъ насъ должность требуетъ, побуждаетъ насъ по возможности нашей не показаться неблагодарными; для того въ знакъ нашего благодарства всеподданѣйше приносимъ и всепокорно просимъ всемилостивѣйше принять самодержавство таково, каково ваши славные и достохвальные предки имѣли, а присланные къ вашему императорскому величеству отъ верховнаго совѣта и подписанные вашего величества рукою пункты уничтожить. Только всеподданѣйше ваше императорское величество просимъ, чтобы соизволили сочинить вмѣсто верховнаго совѣта и высокаго сената одинъ правительствующій сенатъ, какъ при его величествѣ блаженной памяти дяди вашего императорскаго величества Петрѣ I было и исполнить его довольнымъ числомъ 21 персоною; также нынѣ въ члены и предь на упалыя мѣста въ оный правительствующій сенатъ и въ губернаторы, и въ президенты повелѣно бы было шляхетству выбирать баллотированіемъ, какъ при дядѣ вашего величества его императорскомъ величествѣ Петрѣ I установлено было; и притомъ всеподаннѣйше просимъ, чтобы по вашему всемилостивѣйшему подписанію форму правительства государства для предбудущихъ временъ нынѣ установить». Конецъ челобитной гласитъ: «Мы напослѣдокъ вашего императорскаго величества всепокорнѣйшіе рабы надѣемся, что въ благоразсудномъ правленіи государства, въ правосудіи и въ облегченіи податей по природному величества вашего благоутробію призрены не будемъ, но во всякомъ благополучіи и довольствѣ тихо и безопасно житіе свое препровождать имѣемъ. Вашего императорскаго величества всенижайшіе рабы» (слѣдуютъ подписи 166 человѣкъ).

Послѣдняя фраза этой челобитной о «тихомъ и безопасномъ житіи во всякомъ благополучіи и довольствѣ» ясно выдаетъ автора сатиры, начинающейся словами:

Тотъ въ сей жизни лишь блаженъ, кто малымъ доволенъ,
Въ тишинѣ знаетъ прожить...

Въ этотъ рѣшительный моментъ Кантемиръ, несмотря на бурю, разыгравшуюся вокругъ него, несмотря на тревожное и грозное время, такъ тяжело отразившееся на немъ, мечтаетъ о тихой и

безопасной жизни, мечтаетъ о ней въ дни Меншикова, Долгорукихъ, Голицына и приближавшагося уже Бирона! И что служитъ ему гарантіею этой «тихой и безопасной жизни?» Онъ вѣритъ, что чувство благодарности обезпечитъ «благоразсудное правленіе, правосудіе и облегченіе податей»; онъ вѣритъ, что нѣтъ болѣе совершенной формы государственнаго устройства, какъ придуманная великимъ нашимъ преобразователемъ. Основной смыслъ челобитной заключается въ томъ, чтобы возвратиться къ порядкамъ, установленнымъ Петромъ I, къ правительствующему сенату, къ выборнымъ губернаторамъ и президентамъ, къ тому государственному строю, который начертанъ былъ для Россіи величайшимъ ученымъ и философомъ своего времени, Лейбницомъ. Интересенъ еще и слѣдующій фактъ. Результаты челобитной вскорѣ выяснились: настала бироновщина, правительственная власть оказалась въ рукахъ внука курляндскаго конюха, правосудіе было попрано, вмѣсто облегченія податей наступило время выколачиванія ихъ правежемъ, и тѣмъ не менѣе, какъ Татищевъ, такъ и Кантемиръ остались вѣрными выраженному, первымъ въ проэктѣ, а вторымъ въ челобитной, принципу. И Татищеву, и Кантемиру пришлось не мало лично пострадать отъ бироновщины, въ особенности первому. Какъ люди умные, образованные и наблюдательные, они не могли не видѣть вреда, вызваннаго ихъ политическими тенденціями, но они остались себѣ вѣрны до конца жизни. Чѣмъ это объяснить? Какъ мы уже указывали, примѣры другой политической организаціи еще не существовали; затѣмъ они все надѣялись, что народится новый Петръ, т. е. что государственная власть окажется опять въ рукахъ людей даровитыхъ. Такія надежды лелѣяли не только Татищевъ и Кантемиръ, но и все просвѣщенное русское общество, возлагая ихъ и на Анну Іоанновну, и на Елизавету Петровну, пока онѣ отчасти не оправдались на Екатеринѣ II. Кромѣ того ни Прокоповичъ, ни Татищевъ, ни Кантемиръ не видѣли еще въ русскомъ обществѣ тѣхъ элементовъ, которые могли бы принять на себя нормальное управленіе страною, не видѣли достаточнаго контингента лицъ, всецѣло преданныхъ общественному и государственному благу; они чувствовали полное свое одиночество въ этомъ отношеніи и сознавали, что существуетъ только одна сила, которая могла народить достаточно многочисленный контингентъ такихъ лицъ, что эта сила создана исторіею, что она заключается въ государственной власти, и что разумнѣе всего сдѣлать эту власть достояніемъ не того или другого общественнаго класса, преслѣдующаго болѣе или менѣе своекорыст-

ныя цѣли, вродѣ духовенства, политическое вліяніе котораго было подорвано отмѣною патріаршества, или «шляхетства», которое, какъ показывалъ примѣръ другихъ странъ, въ особенности Польши, доводитъ государство до разложенія, а лицъ, исключительно заинтересованныхъ въ общемъ благополучіи, какъ основѣ собственнаго вліянія. Наконецъ ихъ уму въ отдаленномъ будущемъ рисовалась уже картина уравненія «пахаря и вельможи» передъ закономъ, и они смутно сознавали, что эта коренная реформа не можетъ быть совершена мирно или будетъ отсрочена навѣки, если все государственное могущество сосредоточится въ рукахъ «шляхетства», и надъ нимъ не будетъ существовать силы высшей, олицетворяющей собою все то, что́ живетъ для общей пользы.

Какъ-бы то ни было, мы видимъ, что въ этотъ важный моментъ, впервые быть можетъ въ Россіи, свѣтское образованіе, люди литературы и науки выступаютъ въ нѣкоторомъ родѣ вершителями судебъ царства и царей. Петръ Великій, какъ представитель монархическаго принципа, не имѣлъ въ гробу причинъ раскаиваться, что онъ всю силу своей власти основалъ на просвѣщеніи. Кто отстоялъ въ смутное время Петра II, въ эпоху разнуздавшихся шляхетскихъ страстей, достоинство и прерогативу государственной власти, кто были эти люди, вышедшіе изъ ничего и постоявшіе за нее? Гвардейскій подпоручикъ полу-иноземнаго происхожденія, горный чиновникъ, только благодаря знаніямъ достигшій поста губернатора. И вотъ въ моментъ, когда государственная власть поколеблена, когда государственныя дѣла приходятъ въ полное разстройство, эти люди вдругъ выступаютъ и упрочиваютъ ее. Не ихъ вина, если руки, которымъ она была довѣрена, не съумѣли на первыхъ порахъ ею воспользоваться на благо отечества, если наступило не продолженіе царствованія Петра, а бироновщина, если новый временщикъ оттѣснилъ отъ государственнаго вліянія тѣхъ, кому онъ косвенно былъ обязанъ своимъ незаслуженнымъ возвышеніемъ. Противъ Татищева, какъ извѣстно, былъ возбужденъ позорившій его процессъ, а Кантемира поспѣшили почетнымъ образомъ удалить заграницу, разлучивъ его навсегда съ отечествомъ. Но, вспоминая эту страницу русской исторіи, мы должны признать, что не просвѣщеніе, а «шляхетство» возстало противъ государственной власти, какъ просвѣщеніе и въ позднѣйшее время не возставало противъ нея, а оказывало ей всевозможное содѣйствіе всякій разъ, когда успѣхи цивилизаціи были основною ея цѣлью.

IV.

Расцвѣтъ литературной дѣятельности Кантемира. — Преслѣдованіе его книги «О множествѣ міровъ».—Какъ Кантемиръ былъ вознагражденъ за участіе въ государственномъ переворотѣ.—Эзоповскій языкъ.—Девятая сатира.—Кантемиръ и княжна Черкасская.—Почему ихъ бракъ не состоялся.—Отъѣздъ Кантемира въ Лондонъ.

1730 годъ былъ годомъ наибольшаго развитія таланта и литературной дѣятельности Кантемира. Въ этомъ году онъ написалъ третью сатиру: «О различіи страстей человѣческихъ», посвященную Прокоповичу (двѣ первыя—«На хулящихъ ученье» и «На зависть и гордость дворянъ злонравныхъ» — написаны имъ уже въ концѣ 1729 г.), нѣсколько эпиграммъ, равно какъ «Петриду или описаніе стихотворное смерти Петра Великаго» (написана только первая книга). Въ этомъ-же году онъ перевелъ книгу Фонтенеля «Разговоры о множествѣ міровъ», снабдивъ ее обстоятельными примѣчаніями, переложилъ два псалма и написалъ отвѣтъ въ стихахъ на знаменитое стихотвореніе Прокоповича: «Плачетъ пастушекъ въ долгомъ ненастіи». Такимъ образомъ конецъ 1729 г. и 1730 годъ являются годами наибольшей плодовитости Кантемира, и во всякомъ случаѣ въ этотъ ранній періодъ своей жизни онъ проявилъ наиболѣе кипучую дѣятельность.

Большой біографическій интересъ представляетъ въ связи съ событіями того времени его отвѣтъ на упомянутое стихотвореніе Прокоповича. Въ немъ знаменитый пастырь нашей церкви, какъ извѣстно, жалуется на то, что «ни съ какихъ сторонъ свѣта не видно, все ненастье», что «прошелъ день пятый (т. е. пятый годъ послѣ смерти Петра), а водъ дождевыхъ нѣтъ отмѣны». Кончаетъ свою элегію Прокоповичъ слѣдующимъ воплемъ:

Потчися, Боже, насъ свободити
От печали,

Наши насъ дѣти къ Тебѣ вопити
Научали.

Въ своемъ отвѣтѣ, озаглавленномъ: «Epodos consolotoria», Кантемиръ утѣшаетъ Прокоповича наступленіемъ шестого дня и пророчитъ ему седьмой день, «полный любаго покоя». Самъ о себѣ онъ говоритъ, что онъ, «лишенный стадца, хижины, нивы, бродитъ межъ пастушками, несчастливый» и проситъ Прокоповича, когда настанетъ этотъ седьмой день, «не забыть и намъ, пастушкамъ малымъ, помогать». Изъ этихъ двухъ стихотвореній пастыря церкви и сатирика видно, какъ они томились «ненастьемъ», наступившимъ послѣ Петра, и съ какимъ нетерпѣніемъ ожидали, чтобы государственная власть опять оказалась въ рукахъ надежныхъ. Эта общность ихъ печали (Прокоповичъ, какъ извѣстно, лично не пострадалъ отъ политическихъ перемѣнъ), это единеніе двухъ лучшихъ представителей духовнаго и свѣтскаго происхожденія, церкви и литературы, служитъ, какъ и вся послѣдующая дѣятельность нашего сатирика, неопровержимымъ доказательствомъ, что не личныя цѣли руководили имъ, когда онъ возсталъ противъ Голицына и «шляхетства», на которое тотъ думалъ опереться. Дальнѣйшее тому доказательство мы видимъ и въ трудахъ Кантемира того времени. Чѣмъ занятъ его умъ въ моментъ, когда происходилъ переворотъ, который могъ измѣнить всю его судьбу? Только-что написавъ двѣ сатиры, въ которыхъ прославляетъ просвѣщеніе и осмѣиваетъ «дворянъ злонравныхъ», онъ принимается за третью, въ которой продолжаетъ пятнать «злой нравъ» общественныхъ дѣятелей своего времени. Наряду съ этимъ Кантемиръ прославляетъ въ «Петридѣ» царя-преобразователя, указывая на него, какъ на примѣръ для подражанія. Въ то-же время онъ находитъ досугъ перевести довольно объемистый трудъ Фонтенеля, чтобы противодѣйствовать суевѣрію и распространить вѣрныя свѣдѣнія о мірозданіи. Переводъ этой книги составилъ своего рода литературное событіе,—такъ выводы ея противорѣчили распространеннымъ суевѣріямъ и нелѣпымъ разсказамъ, лежавшимъ въ основѣ космографіи русскаго общества. Книга Кантемира впослѣдствіи, при Елисаветѣ Петровнѣ, подверглась гоненію, какъ «противная вѣрѣ и нравственности». Въ своемъ докладѣ синодъ просилъ запретить ее Высочайшимъ указомъ «во всей имперіи, дабы никто отнюдь ничего писать и печатать, какъ о множествѣ міровъ, такъ и о всемъ другомъ, вѣрѣ святой противномъ и съ честными нравами несогласнымъ, подъ жесточайшимъ за преступленіе наказаніемъ не отважился, а находящуюся-бы

нынѣ во многихъ рукахъ книгу о множествѣ міровъ Фонтенеля, переведенную княземъ Кантемиромъ... указать вездѣ отобрать и прислать въ синодъ». Тридцатью годами раньше, когда въ синодѣ засѣдалъ Прокоповичъ, та-же книга была встрѣчена имъ весьма сочувственно, потому что Прокоповичъ прекрасно понималъ, что бороться съ суевѣріями не значитъ подрывать религіозное чувство. Напротивъ, Кантемиръ имѣлъ въ виду, какъ онъ самъ поясняетъ это въ предисловіи къ переводу, только распространить элементарныя свѣдѣнія по физикѣ и астрономіи, т. е. содѣйствовать просвѣщенію, и поэтому посвятилъ свой трудъ академіи наукъ, которой онъ самъ до нѣкоторой степени обязанъ былъ своимъ образованіемъ и въ которой, соотвѣтственно намѣреніямъ Петра, видѣлъ будущую разсадницу просвѣщенія въ Россіи. Такимъ образомъ и въ это бурное время, когда нашъ сатирикъ принялъ непосредственное участіе въ государственныхъ дѣлахъ и когда рѣшалась его дальнѣйшая судьба, онъ, какъ оказывается, былъ главнымъ образомъ озабоченъ просвѣтительными задачами и продолжалъ, наряду съ самостоятельными литературными работами, дѣло, начатое еще на семнадцатомъ году жизни, т. е. ознакомленіе русскихъ читателей съ наиболѣе, по его мнѣнію, замѣчательными трудами западной науки и письменности. «Разговоры о множествѣ міровъ» были уже третьею работою этого рода нашего сатирика, только-что достигшаго гражданскаго совершеннолѣтія.

Изъ самостоятельныхъ работъ Кантемира мы должны указать, какъ относящіяся къ этому періоду, еще на переложеніе двухъ псалмовъ,—36 и 72. И эти переложенія свидѣтельствуютъ о тогдашнемъ настроеніи Кантемира,—настроеніи, удрученномъ, скорбномъ. Воцареніе Анны Іоанновны, послѣ минутной надежды на лучшее будущее, грозило превратиться въ простое продолженіе прежнихъ двухъ царствованій. Одинъ изъ біографовъ нашего сатирика и родственниковъ его, Бантышъ-Каменскій, пишетъ, что «Императрица, разорвавъ подписанное ею въ Митавѣ условіе, предоставила Кантемиру назначить себѣ желаемую награду, но что онъ по скромности своей отказался отъ всякихъ наградъ». Такъ-ли это было на самомъ дѣлѣ,—не знаемъ, потому что сообщаемыя Бантышъ-Каменскимъ свѣдѣнія оказываются въ другихъ отношеніяхъ недостовѣрны. Такъ, онъ передаетъ, что денежныя затрудненія нашего сатирика прекратились тотчасъ по вступленіи Анны Іоанновны на престолъ, давая этимъ какъ-бы чувствовать, что Кантемиръ все-таки былъ достойнымъ образомъ награжденъ. Но изъ другихъ

источниковъ оказывается, что награды вовсе не послѣдовало. Естественная награда могла заключаться въ устраненіи той вопіющей несправедливости, которой подвергся Кантемиръ въ предыдущее царствованіе, т. е. въ возстановленіи его правъ на отцовское наслѣдство. Но объ этомъ даже не заходила рѣчь. Очевидно, Анна Іоанновна или ея совѣтники не рѣшались еще навлекать на себя неудовольствіе только-что свергнутаго временщика Голицына, нуждаясь на первыхъ порахъ въ его поддержкѣ. Съ другой стороны, они очевидно не довѣряли Кантемиру, не смотря на то, что онъ подписалъ челобитную о возстановленіи самодержавія: должно быть, они не признавали его своимъ человѣкъ, а можетъ быть даже опасались его способностей, широкаго образованія и политическихъ тенденцій. Это предположеніе представляется тѣмъ болѣе вѣроятнымъ, что уже въ царствованіе Петра II зашла рѣчь о томъ, чтобы удалить Кантемира заграницу, назначивъ его представителемъ Россіи при одномъ изъ западныхъ дворовъ. Но тогда эта мысль была оставлена, потому что было положительно неловко назначить восемнадцати или девятнадцати-лѣтняго юношу на такой видный постъ. Какъ-бы то ни было, мы видимъ, что о награждспіи Кантемира за его участіе въ дѣлѣ уничтоженія кондицій не было и помину, а что тотчасъ-же по вступленіи Анны Іоанновны па престолъ снова зашла рѣчь объ удаленіи Кантемира изъ Петербурга. Мы имѣемъ на это указаніе въ четвертой его сатирѣ, написанной въ началѣ 1731 года. Въ первоначальной своей редакціи эта сатира заключается слѣдующими словами:

Въ чужестранствѣ-ль буду жить или надъ Москвою,
Хоть муза моя всѣмъ сплошь имать досаждати,
Богатъ, нищъ, веселъ, скорбенъ,— буду стихи ткати...
Проче въ сатиру писать во вѣки не престану,
Развѣ въ жидахъ не станетъ денегъ и обману,
Развѣ пьяныхъ въ масляной недѣли не будетъ
И цѣловальникъ въ вино воду лить забудетъ.

Значитъ, Кантемиръ уже въ началѣ 1731 г., т. е. вскорѣ послѣ вступленія Анны Іоанновны на престолъ, чувствовалъ, что его намѣрены удалить, что ему придется жить въ «чужестранствѣ». Вообще эта сатира, въ которой авторъ обращается къ своей музѣ съ вопросомъ: не пора-ли уже бросить сатиры, такъ какъ онѣ многимъ непріятны и кажутся черезчуръ смѣлыми,— проникнута элегическимъ тономъ и опасеніемъ, что придется умолкнуть, что времена настали неблагопріятныя. Уже въ обращеніи къ читате-

лямъ онъ проситъ ихъ «не гнѣвиться его стихами», такъ какъ онъ говоритъ только съ своею музою и до другого ему нѣтъ дѣла. Затѣмъ, продолжая обращаться къ своей музѣ, онъ говоритъ:

Всякое злонравіе тебѣ непріятно,
Смѣло хулишь, а къ тому и говоришь внятно;
Досаждать злымъ вся жадна, — то твое веселье;
А я вижу, что въ чужомъ пиру мнѣ похмѣлье.

Дѣйствительно Кантемиръ, говорилъ слишкомъ «внятно», особенно въ этой сатирѣ, въ которой онъ спрашиваетъ свою музу,— не пора-ли умолкнуть?

Музо, свѣтъ мой, стиль твой мнѣ, творцу, ядовитый,
Кто бить всѣхъ нахалится, часто живетъ битый;
И стихи, что чтецовъ всѣхъ на смѣхъ побѣждаютъ,
Часто слезъ издателю причина бываютъ.
Знаю, что правду ищу и именъ не значу,
Смѣюсь въ стихахъ, а въ сердцѣ о злонравияхъ плачу.
Да правда рѣдко люба и часто не кстати,
Кто-же отъ тебя когда хотѣлъ правду знати?

Затѣмъ сатирикъ указываетъ на Персія, Ювенала, Горація, называетъ ихъ стихи, въ противоположность своимъ, «дозрѣлыми, а не сырыми».

Въ нихъ шутки вмѣстѣ съ умомъ цвѣтутъ превосходнымъ
И слова гладко текутъ, какъ рѣка природнымъ
Токомъ, и что въ рѣчахъ кто себѣ зритъ досадно,
Не въ досаду себѣ мнитъ, что сказано складно.

И, обращаясь снова къ своей музѣ, авторъ спрашиваетъ:

А въ твоихъ что таково? Безъ всякой украсы
Болкнешь, что не дѣлаютъ чернца однѣ рясы.
Такъ-ли теперь говорятъ, такъ-ли живутъ въ людяхъ?
Медъ держи на языкѣ, а желчь всю прячь въ грудяхъ,
И недругъ сущій смертный, тщись другомъ казаться,
Если хочешь нѣчто быть и умнымъ назваться.

Авторъ сознаетъ свое безсиліе. Онъ не можетъ «прятать желчь въ груди»:

Не могу никакъ хвалить, что хулы достойно;
Всякому имя даю какое пристойно;
Не то въ устахъ, что въ сердцѣ имѣть я не знаю:
Свинью свиньей, а льва львомъ просто называю.

Но тѣмъ не менѣе, какъ ни опасно, какъ ни не выгодно называть

«льва львомъ, а свинью свиньею», авторъ не намѣренъ отказаться отъ сатиры.

Есть о чемъ писать, была-бъ лишь къ тому охота.
Было-бъ кому работать,—безъ конца работа.

Ни одна сатира не дышетъ такимъ сильнымъ гражданскимъ чувствомъ, не исполнена, несмотря на элегическій свой тонъ, такимъ мужествомъ; ни въ одной сатирѣ сила и образность рѣчи не проявляются съ такимъ блескомъ, какъ въ этомъ простомъ обращеніи Кантемира къ своей музѣ, въ этой твердой его рѣшимости «ткать стихи», писать сатиру, несмотря на всѣ невзгоды до тѣхъ поръ, пока «на масляной не будетъ пьяныхъ», на томъ простомъ основаніи, что «не писать мнѣ нельзя: не могу стерпѣти».

Но что Кантемиръ именно въ это время завелъ рѣчь о томъ, что благоразумнѣе было-бы бросить перо, служитъ подтвержденіемъ нашей мысли о полномъ разочарованіи, постигшемъ его послѣ воцаренія Анны Іоанновны. Но мы должны и тутъ замѣтить, что это разочарованіе, какъ по всему видно, касалось не столько его лично, сколько того направленія, которое приняли государственныя дѣла. Онъ правда самъ не принималъ въ нихъ участія, оставаясь лишь гвардейскимъ поручикомъ, но онъ конечно хорошо былъ освѣдомленъ обо всемъ, чтó происходило при дворѣ, и его взглядъ на тогдашнее положеніе дѣлъ ясно выразился въ переложенныхъ имъ псалмахъ. И тутъ проявляется угнетенное состояніе духа. Поэтъ не довольствуется простымъ переложеніемъ псалмовъ, а вплетаетъ въ нихъ многія мысли, имѣющія тѣсную связь съ тогдашнимъ положеніемъ дѣлъ. Именно въ это время онъ пишетъ, что «сильно злонравные давятъ бѣдныхъ безъ причины», что «ядомъ устъ ихъ и клеветами земли полны»; именно въ это время онъ вспоминаетъ, какъ «злобныхъ караетъ жестоко гнѣвъ божій».

Я не одного видѣлъ истукана
Гордаго, яко кедръ съ горы Ливана,
И только прошелъ (сіе правда иста),
Искалъ, гдѣ онъ былъ, и не сыскалъ мѣ(и)ста *).

Значитъ, въ это время уже Кантемиръ предусматриваетъ нарожденіе Бирона. На его глазахъ дѣйствительно падалъ не «одинъ истуканъ, гордый, какъ кедръ Ливана», палъ и Меншиковъ, и Го-

*) По примѣру малоросса Прокоповича, и Кантемиръ въ первыхъ своихъ произведеніяхъ придерживался малороссійскаго произношенія буквы ѣ.

лицынъ, и Долгорукій,—и Кантемиръ утѣшаетъ себя тѣмъ, что такъ же свергнутъ будетъ и нарождающійся новый «истуканъ».

Но еще болѣе, чѣмъ въ переложеніи псалмовъ, выразился взглядъ Кантемира на тогдашнее положеніе дѣлъ въ сочиненныхъ имъ въ то время басняхъ. Этими баснями онъ проложилъ путь дальнѣйшимъ нашимъ баснописцамъ, Хемницеру, Измайлову, Крылову, былъ, такъ сказать, родоначальникомъ новаго у насъ вида поэтическаго творчества и въ то же время эзоповскаго языка, къ которому по неволѣ пришлось такъ часто прибѣгать нашимъ писателямъ вплоть до новѣйшаго времени. Вступленіемъ къ этимъ баснямъ служитъ написанная въ эти же годы десятая эпиграмма, озаглавленная: «На Езопа». Въ ней встрѣчаются между прочимъ слѣдующіе стихи:

Не прямъ будучи, прямо все говорить знаю,

и другой, еще болѣе выразительный въ этомъ отношеніи стихъ:

Много думъ исправилъ я, уча правду ложно.

Очевидно, Кантемиръ убѣдился, что невозможно «всякому давать имя, какое пристойно», и «просто называть свинью свиньей, а льва львомъ». И вотъ онъ началъ прибѣгать къ эзоповской рѣчи, чтобы учить «правдѣ ложно». Съ этой точки зрѣнія его басни чрезвычайно характерны. Истинный смыслъ ихъ такъ ясенъ, если принять во вниманіе тогдашнее положеніе дѣлъ, что мы удивляемся, какъ такой тонкій цѣнитель произведеній Кантемира, какимъ былъ покойный Стоюнинъ, могъ придать имъ совершенно невѣрное толкованіе. Первая изъ этихъ басенъ озаглавлена: «Огонь и восковой болванъ». Искусный восколей чрезвычайно удачно и съ затратою большого труда отлилъ восковую фигуру, до неузнаваемости походившую на человѣка. Но бѣда въ томъ, что онъ забылъ отставить свое произведеніе отъ огня,—и воскъ растаялъ. Такимъ образомъ «пропалъ трудъ, пропало все дѣло». Стоюнинъ объясняетъ эту басню такъ, будто бы Кантемиръ хотѣлъ этимъ сдѣлать намекъ на необходимость удаленія Голицына; но судьба Голицына была вѣдь уже рѣшена въ тотъ моментъ, когда Анна Іоанновна разорвала кондиціи, и только осторожность заставляла ее не вызывать немедленно разрыва съ бывшимъ временщикомъ. Поэтому намъ кажется гораздо вѣрнѣе толковать эту басню въ томъ смыслѣ, что Кантемира волновали опасенія, какъ бы совершенное имъ дѣло, т. е. предоставленіе всей власти одному, въ сущности мало извѣстному лицу, не привело къ результатамъ, прямо противоположнымъ тѣмъ, которые имѣлись въ виду имъ самимъ и его союзниками, Прокоповичемъ и Татище-

вымъ. Такое толкованіе басни вполнѣ подтверждается и слѣдующею за нею второю баснею, озаглавленною: «Пчельная матка и Змѣя». Змѣя подкралась къ царицѣ пчелъ и даетъ ей совѣты, какъ ей управлять подданными. Она ей говоритъ, что беззлобье царицы ободряетъ сердца злобныхъ, ибо они видятъ, что Богъ, давъ ей корону, не далъ ей противъ враговъ защиты, и что поэтому всѣ твари могутъ ей вредить. Въ виду такихъ обстоятельствъ змѣя совѣтуетъ царицѣ пчелъ испросить себѣ у Бога жала и заключаетъ свою рѣчь словами:

Никому такъ, какъ царю, лютость не пристала.

Но царица не внимаетъ этимъ совѣтамъ и отвѣчаетъ:

Отъ внѣшнихъ враговъ щитятъ меня мои дѣти;
Внутреннихъ любовь къ своимъ не дастъ мнѣ имѣти.
Изрядно-жъ Богъ въ образъ мя царямъ хотѣлъ дати,
Чтобъ, будучи добрыми, какъ злымъ быть не знати.

Этотъ сильный заключительный стихъ, гдѣ только-что вступившей на престолъ царицѣ нашъ сатирикъ совѣтуетъ избѣгать злобы, быть «доброй» въ отличіе отъ другихъ совѣтниковъ, требовавшихъ «лютости», какъ естественнаго свойства царской власти, показываетъ, что Кантемиръ до извѣстной степени предвидѣлъ будущее, что онъ сильно опасался возрожденія тѣхъ правительственныхъ пріемовъ, которыми опозорили себя и Меншиковъ, и Долгорукіе, и Голицынъ. Предвидѣлъ это и послѣдній, сказавъ, что «тѣ, которые заставили его плакать, поплачутъ еще долѣе, чѣмъ онъ самъ».

Словомъ, всѣ произведенія Кантемира, написанныя въ это время, ясно свидѣтельствуютъ о томъ, что онъ самъ относился съ недовѣріемъ къ положенію, созданному при его непосредственномъ участіи, и что это недовѣріе имѣло источникомъ своимъ не столько заботу о личныхъ интересахъ, сколько опасеніе, что дѣло Петра не найдетъ себѣ и на этотъ разъ достойныхъ и умѣлыхъ руководителей. Подтверждается это и послѣдними двумя сатирами, написанными въ этотъ періодъ, т. е. въ окончательной редакціи пятой и девятой. Въ этихъ двухъ сатирахъ ѣдкость пера Кантемира достигаетъ быть можетъ наибольшей степени. Въ своихъ примѣчаніяхъ къ пятой сатирѣ онъ говоритъ, что она «почти вся сдѣлана на подражаніе Боаловой сатирѣ восьмой съ тѣмъ различіемъ, что Боало доказываетъ, что изъ всѣхъ животныхъ человѣкъ глупѣе, а нашъ авторъ тщится показать, что не только онъ глупѣе всѣхъ скотовъ,

но еще злѣе всѣхъ звѣрей и дичѣе всякаго урода, котораго-бы умъ вымыслить могъ». И затѣмъ у него вырываются стихи вродѣ слѣдующихъ:

Къ свободѣ охотники, впилась въ насъ неволя,

или:

Рѣчь мою про себя крой, буде въ ней какую
Пользу чаешь; не ищи употреблять тую
Къ исправленію людей: мала къ тому сила
Наша съ тобой; исправитъ горбатыхъ могила.

А въ девятой сатирѣ онъ выражается еще сильнѣе:

Что-жъ ужъ сказать о нашемъ житьѣ межъусобномъ?
Какъ мы живемъ другъ другу во всякомъ дѣлѣ злобномъ?
Тутъ глаза потемнѣютъ, голова вкругъ ходитъ,
Рука съ перомъ отъ жалю, какъ курица, бродитъ.

и кончаетъ сатиру слѣдующимъ воплемъ:

Такъ-то сей свѣтъ состоитъ, такъ всѣмъ злымъ пристрастный,
Всѣхъ бѣдствъ, мерзости во всемъ полонъ, суестрастный.
Еще-жъ то тутъ у насъ нѣтъ милліонной доли,
Ибо тое все списать нѣтъ силы и воли.

Девятая сатира была послѣднею, которую написалъ Кантемиръ до своего отъѣзда заграницу. Затѣмъ его литературная дѣятельность прерывается на нѣсколько лѣтъ. Чтобы окончить нашу характеристику этого наиболѣе замѣчательнаго періода жизни Кантемира, намъ остается прибавить немного. За свое участіе въ дѣлѣ о кондиціяхъ онъ не получилъ никакого вознагражденія. Только впослѣдствіи, благодаря неусыпнымъ стараніямъ его сестры, княжны Марьи, ей удалось выхлопотать у начинавшаго вступать въ силу Бирона матеріальное обезпеченіе для ея братьевъ. Семьѣ Кантемировъ было пожаловано въ нынѣшнихъ Нижегородской и Орловской губерніяхъ 1.030 крестьянскихъ дворовъ (но, какъ водилось въ то время, недодано 280 дворовъ), принадлежавшихъ прежде Меншикову и отобранныхъ у него при его паденіи. Эти вотчины были пожалованы семьѣ Кантемировъ вообще, за исключеніемъ, понятно, князя Константина, который уже раньше, какъ мы видѣли, получилъ все состояніе отца. Въ живыхъ тогда были князья Матвѣй и Сергѣй, княжна Марья и нашъ сатирикъ. Такимъ образомъ на долю послѣдняго пришлось приблизительно 200 крестьянскихъ дворовъ, т. е. состояніе болѣе, чѣмъ умѣренное, особенно въ виду большихъ расходовъ, которое ему пришлось нести, какъ представителю Россіи

при первоклассныхъ европейскихъ дворахъ, получавшему весьма недостаточное содержаніе. Если же имѣть въ виду, что князья Матвѣй и Сергѣй не принимали никакого участія въ дѣлѣ уничтоженія кондицій, и что другіе участники въ этомъ переворотѣ были щедро вознаграждены (князь Черкасскій напримѣръ получилъ безчисленныя помѣстья въ нынѣшней Петербургской губерніи, хотя и безъ того уже былъ очень богатымъ человѣкомъ), то мы убѣдимся, что нашъ сатирикъ вовсе не воспользовался государственнымъ переворотомъ для личнаго своего обогащенія и вообще, думая о государственной пользѣ, какъ онъ ее разумѣлъ, забылъ о себѣ.

То же пренебреженіе къ своимъ матеріальнымъ интересамъ онъ проявилъ и въ другомъ, чрезвычайно для него важномъ, вопросѣ,— въ вопросѣ о бракѣ съ княжною Черкасскою. Вопросъ этотъ, по недостатку точныхъ данныхъ, оставался не разъясненнымъ до послѣдняго времени. Такъ напримѣръ, Стоюнинъ не можетъ уяснить себѣ, почему этотъ бракъ не состоялся, и какъ бы удивляется, что нашъ сатирикъ съ одной стороны словно его желалъ, а съ другой подсмѣивался надъ своею невѣстою въ извѣстныхъ стихахъ седьмой сатиры:

Сильвія круглую грудь рѣдко покрываетъ,
Смѣшкомъ сладкимъ всякому льститъ, очкомъ мигаетъ,
Бѣлится, румянится, мушекъ съ двадцать носитъ;
Сильвія легко даетъ, что кто ни попроситъ,
Боясь досаднаго въ отказѣ отвѣта,—
Такова и матушка была въ ея лѣта.

Дѣйствительно все это можетъ казаться на первый взглядъ неяснымъ или противорѣчивымъ. Но бумаги, найденныя въ московскомъ архивѣ министерства юстиціи, бросаютъ много свѣта на весь этотъ вопросъ о несостоявшейся женитьбѣ нашего сатирика. Если судить по перепискѣ между Антіохомъ и Марьею, то дѣло представляется въ такомъ свѣтѣ, какъ будто мысль объ этой женитьбѣ принадлежала не столько самому Кантемиру, сколько его сестрѣ. Не слѣдуетъ забывать, что княжна Марья была собственно виновницею и столь печальнаго по своимъ послѣдствіямъ для нашего сатирика брака его старшаго брата Константина съ княжною Голицыною. По крайней мѣрѣ въ одномъ изъ своихъ писемъ она себя упрекаетъ въ томъ, что содѣйствовала этому браку, или даже что онъ состоялся именно по ея почину. Не слѣдуетъ кромѣ того забывать, что княжна Марья, какъ старшая сестра, послѣ смерти своей матери вообще приняла на себя роль покровительницы всей семьи и устроительницы ея дѣлъ. Мы видимъ, что въ письмахъ къ нашему

сатирику она постоянно возвращается къ вопросу о его женитьбѣ на Черкасской. Бракъ этотъ дѣйствительно не могъ не представляться заманчивымъ для ея любящаго сердца. Княжна Варвара Алексѣевна Черкасская была въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія одною изъ самыхъ богатыхъ невѣстъ въ Россіи. Ея приданое оцѣнивалось въ 75.000 душъ, не считая драгоцѣнностей и бриллiантовъ, составлявшихъ также цѣлое состояніе. Кромѣ того она отличалась красотою и, какъ утверждаютъ современники, нравственными достоинствами. Отецъ ея по воцареніи Анны Іоанновны пользовался большимъ вліяніемъ сперва въ качествѣ кабинетъ-министра, а впослѣдствіи даже канцлера. Такимъ образомъ этотъ бракъ могъ не только обезпечить семейное счастье нашего сатирика, но и вывести его изъ матеріальныхъ затрудненій, обезпечить его на всю жизнь и открыть ему дорогу къ высшимъ государственнымъ должностямъ. Добавимъ къ этому, что самъ князь Черкасскій очень благоволилъ къ Кантемиру и вполнѣ сочувствовалъ браку своей дочери съ нимъ, хотя, подчиняясь вліянію жены, расположенъ былъ выждать назначенія его на какой-нибудь видный постъ. Къ тому же князь Черкасскій былъ человѣкъ вообще нерѣшительнаго характера, вѣчно колебался, такъ что княжна Марья не даромъ прозвала его «черепахою» и въ своихъ письмахъ неоднократно выражаетъ желаніе, чтобъ у этой «черепахи» наконецъ выросли крылья. Значитъ, настойчивости отъ князя Черкасскаго ожидать было нельзя; но несомнѣнно, что онъ возлагалъ большія надежды на Кантемира и вполнѣ сочувствовалъ его сватовству, отказывая всѣмъ другимъ женихамъ. Чувства самой княжны Черкасской выразились въ слѣдующихъ ея словахъ: «Я выйду замужъ за князя Кантемира; ни мать, ни отецъ не могутъ меня удержать отъ этого». Одна лишь мать невѣсты не особенно благоволила къ нашему сатирику, такъ какъ она не считала его достаточно сановитымъ женихомъ для своей дочери. Тѣмъ не менѣе и она, какъ видно изъ переписки брата съ сестрою, колебалась и по временамъ была очень склонна согласиться на бракъ, тѣмъ болѣе, что дочь уже переступила возрастъ первой молодости и относилась несочувственно къ другимъ женихамъ.

Несмотря на всѣ эти благопріятныя обстоятельства, бракъ Кантемира съ княжною Черкасскою однако не состоялся. Всякій другой женихъ съ болѣе рѣшительными видами одержалъ бы въ томъ же положеніи легкую побѣду надъ встрѣтившимися ничтожными препятствіями. Но Кантемиръ какъ будто не только не старался ихъ преодолѣть, но даже прямо уклонялся отъ брака или во всякомъ

случаѣ, какъ бы въ угоду родителямъ невѣсты, старался его отсрочить. Трудно съ точностью указать причины, заставлявшія его такъ дѣйствовать, но въ общемъ можно возстановить то душевное настроеніе, которымъ это объясняется. Прежде всего нельзя предположить, чтобы нашъ сатирикъ дѣйствительно питалъ любовь или даже глубокую привязанность къ своей невѣстѣ. На это мы имѣемъ много указаній. Въ своихъ письмахъ онъ называетъ княжну Черкасскую въ шутку въ pendant къ прозвищу, данному ея отцу, «тигрицей», намекая на то, что ее приручить трудно, хотя она съ своей стороны несомнѣнно любила Кантемира. Въ своихъ стихахъ онъ надъ нею, какъ мы видѣли, подсмѣивался еще злѣе. Кромѣ того, тотчасъ по пріѣздѣ въ Лондонъ, онъ обзавелся подругою жизни, къ которой питалъ довольно серьезную привязанность. На это мы имѣемъ прямое указаніе въ письмахъ его сестры. «Кланяюсь вашей подругѣ,—пишетъ она ему въ 1733 г.:—и благодарю ее за выказываемую ко мнѣ преданность... Этимъ письмомъ вы должны увѣрить ее въ чувствахъ моей любви и благодарности». Черезъ три года княжна Марья посылаетъ той же подругѣ Кантемира подарокъ и прибавляетъ: «Все это дѣлается мною изъ-за преданности, какую вы къ ней питаете». Это однако не мѣшаетъ княжнѣ Марьѣ мечтать о бракѣ ея брата съ княжною Черкасскою и писать ему: «Я также согласна любить вашу подругу съ тѣмъ только условіемъ, чтобы изъ поцѣлуевъ и разговоровъ не вышло чего-нибудь серьезнаго, а главное, чтобы намъ не нажить непріятностей и не обидѣть невѣсту». Самъ Кантемиръ однако смотрѣлъ иначе на дѣло, потому что онъ мало скрываетъ свои отношенія къ подругѣ и очень часто даетъ сестрѣ чувствовать, что разговоры о «тигрицѣ» ему надоѣдаютъ. Онъ даже «жалѣетъ о бѣдной дѣвушкѣ, которая такъ печально проводитъ лучшее время своей жизни. Еще нѣсколько лѣтъ,—и она будетъ старой дѣвой, которая всегда найдетъ себѣ мужа, но только такого, который пожелаетъ жениться на ея приданомъ, а не на ней. Впрочемъ,—заключаетъ Кантемиръ:—это не наше дѣло».

Письмо, изъ котораго мы взяли эту выдержку, относится къ 1740 г., но стихи, въ которыхъ онъ подсмѣивается надъ своей невѣстой, написаны раньше, и вообще у насъ нѣтъ никакихъ серьезныхъ указаній, чтобы Кантемиръ относился съ искренною привязанностью къ княжнѣ Черкасской, за исключеніемъ развѣ тѣхъ подарковъ, которые онъ посылаетъ ей изъ-заграницы и которые состояли преимущественно изъ нюхательнаго табаку а-ла-віолетъ. Изъ Кенигсберга, во время своего переѣзда въ Англію, Кантемиръ

посылаетъ своей невѣстѣ шесть ящиковъ этого табаку, обѣщаясь выслать изъ Голландіи цѣлый пудъ. Между тѣмъ съ тою же оказіею Кантемиръ высылаетъ сестрѣ два изящныхъ янтарныхъ подсвѣчника, которые онъ, не щадя труда, долго отыскивалъ въ Кенигсбергѣ, и конечно послалъ бы своей невѣстѣ, если бы питалъ къ ней болѣе нѣжныя чувства.

Независимо отъ недостатка серьезнаго расположенія къ невѣстѣ, были и другія причины, заставлявшія Кантемира избѣгать женитьбы на княжнѣ Черкасской. Мы уже видѣли, какъ велико было пристрастіе Кантемира къ научнымъ и литературнымъ занятіямъ, предполагавшимъ тихую жизнь вдали отъ политическихъ волненій и свѣтской суеты. Вообще онъ по природѣ своей, по воспитанію и, какъ мы видѣли, по впечатлѣніямъ, вынесеннымъ изъ родительскаго дома, мало былъ пригоденъ для борьбы за существованіе въ бурномъ водоворотѣ жизни, а въ его время надо было вести отчаянную и жестокую борьбу, чтобы одержать побѣду. Это было время, когда, какъ вѣрно замѣчаетъ одинъ изъ самыхъ глубокихъ изслѣдователей этой эпохи, — «всякій мало-мальски значительный человѣкъ считалъ благоразумнымъ въ видахъ собственнаго самосохраненія слѣдовать правилу: губи другихъ, иначе эти другіе тебя погубятъ». Дѣйствительно мы видимъ, что всѣ другъ друга тогда губили, что это была какая-то отчаянная борьба изъ-за политическаго вліянія, изъ-за власти, — борьба, быть можетъ, вызванная не столько прелестью самой власти, сколько желаніемъ обезпечить собственную безопасность, оградить свое имущество отъ насильственнаго захвата. Меншиковъ, Голицынъ, Долгорукіе, Биронъ, Минихъ, Остерманъ, даже такія свѣтлыя личности, какъ Прокоповичъ, губили другихъ, чтобы спасти себя. Нельзя себѣ даже и представить, какъ среди такихъ людей, слабый тѣломъ и тихій нравомъ, Кантемиръ могъ-бы съ успѣхомъ выдержать борьбу, если-бы вступился за свои идеи, какъ практическій дѣятель. Его немедленно задавили-бы тѣ, кто былъ неразборчивъ въ средствахъ, кому ничего не значило погубить противника, каковы-бы ни были его достоинства или заслуги предъ отечествомъ. Мягкій Кантемиръ, искавшій уединенной жизни, жизни трудовой, посвященной литературѣ и наукѣ, очевидно не былъ созданъ для такого времени и для такой среды. Между тѣмъ бракъ съ княжною Черкасскою заставилъ бы его принять участіе въ политической борьбѣ, которая приходилась ему не подъ силу. Онъ самъ неоднократно выражаетъ эту мысль въ своихъ письмахъ. Онъ чувствовалъ, что, въ качествѣ зятя вліятельнаго князя Черкасскаго,

ему придется бывать и въ свѣтѣ, и домогаться виднаго поста, вообще принять участіе въ политической жизни, къ которой онъ, въ особенности послѣ того, какъ надежды его при воцареніи Анны Іоанновны не сбылись, чувствовалъ инстинктивное отвращеніе.

Ко всему этому присоединялся еще одинъ мотивъ: его сильно тянуло заграницу; онъ хотѣлъ видѣть другихъ людей, другія порядки, чтобы, заручившись новыми знаніями, быть полезнымъ своему отечеству. Кромѣ того онъ отъ заграничной поѣздки ожидалъ себѣ большой пользы въ смыслѣ довершенія своего образованія. Въ то время было очень трудно слѣдить за наукой и за литературою изъ Москвы или Петербурга. Давнишняя мечта нашего сатирика заключалась въ томъ, чтобы усовершенствоваться въ наукахъ на Западѣ. Бракъ съ княжною Черкасскою могъ разстроить и этотъ планъ. Наврядъ-ли родители невѣсты согласились-бы отпустить свою дочь въ дальнія страны и позволили-бы ея мужу вести кабинетную жизнь среди книгъ гдѣ-нибудь, вдали отъ Россіи.

Такимъ образомъ мы убѣждаемся, что нашъ сатирикъ въ душѣ не могъ сочувствовать браку, о которомъ такъ сильно хлопотала его сестра. Онъ видимо обрадовался мысли князя Черкасскаго о назначеніи его резидентомъ въ Лондонъ. Мы однако не думаемъ, чтобы эта мысль родилась самостоятельно у князя Черкасскаго. Очевидно многія лица заразъ заботились о томъ, чтобы удалить Кантемира изъ Петербурга. Не всѣ его соперники понимали, что онъ для политической роли мало пригоденъ, такъ какъ его происхожденіе, его образованіе, широкая популярность, которую онъ пріобрѣлъ благодаря своимъ талантливымъ литературнымъ произведеніямъ, его дружескія отношенія къ князю Черкасскому, прочившему за него свою дочь,—все это заставляло ихъ видѣть въ Кантемирѣ будущаго выдающагося политическаго дѣятеля, а вмѣстѣ съ тѣмъ желать его удаленія изъ Петербурга. Кажется особенно ревностно объ этомъ заботился графъ Остерманъ, потому что Кантемиръ, вслѣдствіе прекраснаго знанія языковъ и своего происхожденія отъ владѣтельнаго князя, какъ-бы созданъ былъ для видной дипломатической роли. Дѣйствительно, графъ Остерманъ дѣлаетъ всевозможныя усилія, чтобы предоставить Кантемиру вакантный постъ резидента Россіи въ Англіи. Онъ предлагаетъ эту комбинацію новой императрицѣ, онъ-же убѣждаетъ представителя Англіи при нашемъ дворѣ, что годы князя Кантемира не могутъ составлять препятствія, что въ сущности ему уже двадцать восемь лѣтъ (это былъ сознательный обманъ, такъ какъ Кантемиру было тогда всего двадцать

два года, что конечно прекрасно зналъ Остерманъ). Но вѣроятно весь этотъ планъ удаленія нашего сатирика изъ Петербурга не удался-бы, если-бы онъ самъ не игралъ въ руку своимъ соперникамъ. Для него мысль о пребываніи заграницею, о довершеніи своего образованія среди знаменитыхъ ученыхъ, въ обществѣ корифеевъ общественной и научной мысли представляла особенную заманчивость тѣмъ болѣе, что при его молодости постъ резидента былъ весьма почетнымъ и конечно не могъ повредить дальнѣйшей его карьерѣ. Довершить свое образованіе ему дѣйствительно удалось, равно какъ и пользоваться обществомъ самыхъ выдающихся ученыхъ и литераторовъ того времени, но возвратиться въ отечество ему не было суждено. Тотъ же графъ Остерманъ противился всѣмъ попыткамъ Кантемира, направленнымъ къ этой цѣли; а когда Остерманъ палъ, здоровье нашего сатирика было уже настолько разстроено, что о возвращеніи въ Петербургъ не могло быть и рѣчи.

1-го января 1732 г. Кантемиръ выѣхалъ изъ Москвы, а 13-го — изъ Петербурга и навѣки разстался съ горячо любимою сестрою, многими друзьями и Россіею.

V.

Кантемиръ, какъ дипломатъ.—Его пребываніе въ Лондонѣ и Парижѣ.—Послѣдніе его литературные труды.—Его смерть.—Общая оцѣнка его дѣятельности.

На чужбинѣ Кантемиръ продолжалъ ревностно служить отечеству перомъ и дѣломъ. Служба эта была двоякаго рода: какъ дипломатъ, онъ старался по мѣрѣ силъ ограждать внѣшніе интересы Россіи; какъ писатель, онъ прилагалъ всевозможныя усилія, чтобы двинуть дѣло ея просвѣщенія. Трудъ на пользу просвѣщенія онъ признавалъ «корнемъ нашей славы», и несомнѣнно, что къ этому труду главнымъ образомъ лежала его душа. Но, какъ человѣкъ въ высшей степени добросовѣстный, онъ очень старательно исполнялъ принятыя имъ на себя дипломатическія обязанности, а будучи одаренъ необыкновенными способностями, исполнялъ эти обязанности съ умѣньемъ и большимъ знаніемъ дѣла. Этими качествами и отличается его дипломатическая дѣятельность, какъ ни тяжела она была для него по многимъ причинамъ. Сама по себѣ уже роль представителя Россіи на Западѣ была въ то время ролью далеко незавидною. Наше отечество только-что начинало вступать въ ряды великихъ державъ, равноправныхъ съ остальными. Къ нему относились свысока, иногда явно пренебрежительно, какъ къ странѣ варварской, внушавшей къ себѣ почтеніе развѣ только грубою силою, да и та по временамъ казалась сомнительною. Это пренебрежительное отношеніе къ Россіи выражалось между прочимъ въ томъ фактѣ, что русскимъ монархамъ систематически отказывали въ императорскомъ титулѣ. Русское правительство проявляло большую щекотливость въ этомъ вопросѣ, но въ то-же время само отказывало своимъ представителямъ въ необходимыхъ финансовыхъ средствахъ, чтобы они могли съ достоинствомъ поддерживать престижъ Россіи. Достаточно упомянуть о томъ, что Кантемиръ получалъ въ Лондонѣ 3.000 р. жалованья, и что въ Парижѣ послѣ долгихъ усилій ему удалось довести свое жалованье до 15.000, а между тѣмъ посолъ такого второстепеннаго государства, какимъ сравнительно была тогда Сардинія, получалъ 24.000 и содержалъ домъ, убранство котораго обошлось въ

100.000, въ то время, какъ Кантемиру почти никакихъ чрезвычайныхъ суммъ не давали. Онъ вынужденъ былъ нѣкоторое время угощать своихъ знатныхъ гостей на оловяной посудѣ, такъ какъ на его представленія о крайнемъ неудобствѣ этого обстоятельства при всеобщей роскоши ему отвѣчали изъ Петербурга заподозрѣваніями его честности. Прибавимъ къ этому, что за всѣ двѣнадцать лѣтъ его дипломатической дѣятельности ему постоянно приходилось вести переписку то о прибавкѣ жалованья, то о высылкѣ суммъ, недосланныхъ за цѣлые мѣсяцы и даже годы, что самъ онъ имѣлъ съ своихъ помѣстьевъ дохода всего 600 р., и что даже эта незначительная сумма рѣдко получалась, потому что она по большей части расходовалась на братьевъ или вовсе не взыскивались съ крестьянъ вслѣдствіе ихъ бѣдности или постигшихъ ихъ бѣдствій, что наконецъ ему приходилось дѣлать долги для покрытія расходовъ по исполненію своихъ обязанностей,—и мы поймемъ, какъ затруднительно было положеніе Кантемира въ этомъ отношеніи. Къ счастью, онъ своими необыкновенными дарованіями и нравственными достоинствами успѣвалъ заручаться любовью и уваженіемъ всѣхъ, съ кѣмъ сталкивала его жизнь, и вслѣдствіе этого могъ ослабить и по большей части даже совершенно устранить пренебрежительное недружелюбіе, съ какимъ относились тогда въ Европѣ къ представителямъ Россіи. Уваженіе, которое всѣ питали къ Кантемиру, какъ къ человѣку высокообразованному и не менѣе нравственному, оказало большую услугу и странѣ, представителемъ которой онъ состоялъ. Въ Лондонѣ и Парижѣ онъ одинаково съумѣлъ окружить себя людьми во всѣхъ отношеніяхъ достойными. Друзьями его были выдающіеся литераторы, ученые, общественные дѣятели, пользовавшіеся почетомъ въ своей странѣ и заграницею. Да иначе и быть не могло, потому что самъ Кантемиръ ставилъ выше всего интересы духа: науку, литературу, искусство, и потому что удовольствіе ему доставляло только общество людей, одинаково съ нимъ настроенныхъ въ этомъ отношеніи.

Такимъ образомъ, вопреки тѣмъ дѣйствіямъ, которыя исходили отъ русскаго правительства и которыя подчасъ набрасывали тѣнь и на его представителя, Кантемиръ умѣлъ своею личностью, безупречною, чистою, свѣтлою, во всѣхъ важныхъ случаяхъ ограждать обаяніе Россіи. Такъ напримѣръ было съ пресловутымъ дѣломъ объ убійствѣ маіора Синклера, ѣхавшаго изъ Турціи въ Швецію съ депешами, касавшимися союза между этими двумя государствами. Русское правительство было заинтересовано въ томъ, чтобы озна-

комиться съ этими бумагами, и поручило двумъ офицерамъ отобрать ихъ у шведскаго маіора, а его самого убить. Это и было исполнено, по приказанію Миниха, дѣйствовавшаго въ свою очередь по инструкціи Остермана, капитаномъ и поручикомъ русской службы Кутлеромъ и Левицкимъ. Они настигли маіора Синклера, умертвили его, отобрали у него упомянутые документы, а затѣмъ сами были доставлены сперва въ Шлиссельбургъ, а потомъ въ Тобольскъ, гдѣ ихъ держали въ строжайшей тайнѣ, но черезъ четыре года они уже были произведены въ высшіе чины съ переиначенными фамиліями: Туркеля и Ликевича. Понятно, что этотъ инцидентъ съ маіоромъ Синклеромъ надѣлалъ въ Европѣ страшнаго шума, и легко представить себѣ ложное положеніе, въ которомъ очутился Кантемиръ, конечно до глубины души гнушавшійся этимъ вопіющимъ насиліемъ. Только благодаря довѣрію, которое питали къ его честности, онъ могъ убѣдить и правительства, и общество, что во всемъ этомъ дѣлѣ личность императрицы ни причемъ, что оно совершено безъ ея вѣдома.

Въ такое-же затруднительное положеніе его ставили постоянныя требованія о преслѣдованіи или наказаніи того или другого иностраннаго писателя или редактора. Временщики, находившіеся во власти, всячески оберегали свою репутацію заграницею, не стѣсняясь позорить себя въ самой Россіи. Какъ только кто-нибудь заграницею указывалъ въ печати на ихъ прегрѣшенія, они тотчасъ же обращались къ представителю Россіи, настойчиво требуя конфискаціи данной книги или брошюры, запрещенія газеты или наказанія редактора. Съ такими требованіями то и дѣло обращались къ Кантемиру и Биронъ, и Остерманъ, и Минихъ, и другіе временщики. Сколько ни доказывалъ Кантемиръ, что эти требованія ни къ чему привести не могутъ, «потому что здѣшній народъ воленъ и убѣждается болѣе о томъ говорить, что говорить запрещено», ему приказывали разыскивать авторовъ неблагопріятныхъ для временщиковъ печатныхъ произведеній и требовать отъ правительства ихъ обузданія. И въ этомъ отношеніи положеніе Кантемира было весьма затруднительно. Онъ совѣтывалъ дѣлать «потребныя» опроверженія, признавая ихъ до извѣстной степени даже необходимыми, потому что при неблагопріятномъ мнѣніи иностранцевъ о Россіи «трудно будетъ вызывать мастеровыхъ людей въ службу»; но временщики не столько заботились объ этомъ, сколько добивались полнаго молчанія относительно своей неприглядной дѣятельности. Опровергать многое было трудно, потому что оно соотвѣтствовало истинѣ, легче было требовать, чтобы данная «книга яко пасквиль

надлежащимъ образомъ и подъ жестокимъ наказаніемъ конфискована и запрещена была». Такое требованіе было напримѣръ высказано относительно извѣстныхъ «Lettres moscovites» Локателли, вызвавшихъ такое неудовольствіе въ Петербургѣ, что даже еще два года спустя послѣ ихъ обнародованія отъ Кантемира требовали, чтобы онъ добился наказанія автора. Какіе доводы онъ ни представлялъ о невозможности добиться законнымъ путемъ наказанія, ему не вѣрили и продолжали настаивать на своемъ требованіи. Выведенный изъ терпѣнія, Кантемиръ наконецъ обратился къ императрицѣ съ слѣдующимъ оригинальнымъ предложеніемъ: «Никогда чрезъ судъ въ подобныхъ дѣлахъ сатисфакцію получить не можно. Потому къ наказанію его, Локателли, одинъ способъ остается, чтобъ своевольнымъ судомъ чрезъ тайно посланныхъ гораздо побить, и буде ваше императорское величество тотъ способъ апробовать изволитъ, то я оный въ дѣйство произведу». Само собою разумѣется, что императрица не могла «апробовать» ни оффиціально, ни конфиденціально подобнаго «своевольнаго суда», и такимъ образомъ дѣло наконецъ кануло въ Лету.

Но было много и другихъ условій, затруднявшихъ правильную политическую дѣятельность и отражавшихся весьма тяжело на положеніи посланника. Мы указывали уже, что Кантемира старались удалить изъ Петербурга, какъ опаснаго соперника. Остерманъ, завѣдывавшій внѣшними дѣлами Россіи при Аннѣ Іоанновнѣ, равно какъ и его преемники относились одинаково недружелюбно къ нашему сатирику. Малѣйшая его ошибка превращалась въ тяжелую вину, за которую Кантемиръ получалъ выговоры. Но и помимо всякихъ ошибокъ съ его стороны можно было всегда найти поводы къ неудовольствію. Вся тогдашняя дипломатія была еще въ большей степени, чѣмъ теперь, основана на хитрости, обманѣ, всякаго рода пронырствѣ; Кантемиръ же, по своимъ нравственнымъ правиламъ, на обманъ никогда не соглашался. Въ крайнемъ случаѣ онъ умалчивалъ о правдѣ, но лжи не допускалъ. И въ этомъ отношеніи онъ остался себѣ вѣренъ до конца. Само собою разумѣется, что это не могло нравиться дѣятелямъ, которые считали въ политикѣ все дозволеннымъ, до убійства изъ-за угла включительно. Не довѣряя Кантемиру въ этомъ отношеніи, они его часто обходили, не сообщали ему въ точности ни намѣреній, ни даже дѣйствій русскаго правительства. Кантемиромъ пользовались въ тѣхъ случаяхъ, когда надо было завязать дружественныя отношенія, потому что нашъ сатирикъ, благодаря личнымъ своимъ достоинствамъ, всегда умѣлъ расположить къ себѣ людей, съ которыми онъ имѣлъ дѣло; но, когда пу-

скались въ ходъ коварство и обманъ, его обѣгали, и такимъ образомъ онъ оказывался въ ложномъ положеніи, не зная въ точности, что затѣваетъ аккредитовавшее его правительство. Само собою разумѣется, что это сильно затрудняло его задачу и внушало ему нерасположеніе къ его дѣятельности. Его положеніе нѣсколько измѣнялось къ лучшему только тогда, когда въ Петербургѣ пріобрѣтали вліяніе люди достойные, болѣе или менѣе одинаковыхъ нравственныхъ правилъ съ нимъ самимъ. Такъ было напримѣръ при графѣ Воронцовѣ. Но какъ только эти люди оттѣснялись отъ вліянія на государственныя дѣла, положеніе Кантемира тотчасъ-же снова ухудшалось.

Другой источникъ вѣчныхъ безплодныхъ хлопотъ и неудовольствій былъ ложный взглядъ на истинное значеніе представителя Россіи при иностранномъ дворѣ. На посланника смотрѣли тогда, не какъ на должностное лицо съ чрезвычайно обширными и трудными обязанностями, а какъ на своего рода комиссіонера или, по нашему, приказчика, которому, не стѣсняясь, давали порученія всякаго рода. Мало того, въ правѣ считали себя давать эти порученія не только власть имущіе, но вообще всѣ, кто пользовался какимъ-либо вліяніемъ въ государствѣ, причемъ родъ этихъ порученій оставался совершенно неопредѣленнымъ. Нуженъ былъ искусный кондитеръ русскому двору,—немедленно объ этомъ извѣщали Кантемира, и онъ долженъ былъ пріискать его. Этимъ однако не довольствовались и требовали, чтобы самъ Кантемиръ внимательно слѣдилъ за искусною прислугою и рекомендовалъ ее петербургскому двору. Ему поручали покупать и «аглицкую дамскую эпанчу, долгую, чтобы на все платье надѣвать, камлотовую готовую, цвѣтомъ сѣренькую, съ позументомъ серебрянымъ и бандалетъ къ ней», и «табаку рапе съ віолетомъ», и «лошадь ѣзженную, а лѣтами, чтобъ была не молода и не стара, лѣтъ семь или восемь, а больше десяти лѣтъ не было-бы, съ ходу также смирна, и собою плотна, и крѣпконога, и не пуглива, и стрѣльбы не боялась», и «дюжину шелковыхъ чулковъ, половину бѣлыхъ съ стрѣлками, а другую половину съ другими цвѣтами», и «шесть тростей, дѣланныхъ, т. е. роровъ, которыми на басахъ играютъ». Обращаются къ нему съ подобными порученіями чуть не ежедневно разныя лица болѣе или менѣе вліятельныя, которымъ отказывать было трудно, да иногда и небезопасно. Волею, неволею приходилось ихъ исполнять, тѣмъ болѣе, что все это требовалось въ видѣ маленькой, ничтожной услуги, неисполненіе которой однако могло быть принято за серьезную обиду. Графъ Ягужинскій обра-

тился къ Кантемиру черезъ своего секретаря съ стихотворнымъ посланіемъ, въ которомъ дается ему слѣдующее порученіе:

Мнѣ, государь, пришелъ слухъ повсюды,
Что въ Лондонѣ есть хорошія уды,
Которыя съ принадлежности вложены въ тростяхъ,
Носятся на ремняхъ и на лентныхъ лопастяхъ;
Такихъ здѣсь никакъ не можно достать,
Чего ради прошу парочку прислать,
Чтобъ оными могли рыбу мы ловить,
И тѣхъ долгость дней лѣтнихъ съ скукой проводить,
Понеже живемъ въ домѣ лѣтнемъ надъ водою,
А сей забавы нѣтъ нынѣ съ собою.

Кажется, все это написано въ шутливомъ тонѣ, но попробуй Кантемиръ отказать графу Ягужинскому въ присылкѣ этихъ «удъ», и онъ навѣрное нажилъ-бы себѣ въ немъ серьезнаго врага. Графу Ягужинскому или любому изъ вліятельныхъ лицъ, заваливавшихъ Кантемира подобными вздорными порученіями, какъ вообще русскимъ людямъ вплоть до нашихъ дней, было чуждо простое соображеніе, что нельзя безпокоить другихъ ради своего удобства, и что такого рода безпокойство можетъ испортить другому жизнь, отрывая его отъ исполненія серьезныхъ обязанностей. Конечно Кантемиръ могъ помочь себѣ содержаніемъ большого штата подчиненныхъ, но на это, какъ мы уже видѣли, не хватало денежныхъ средствъ, въ которыхъ ему постоянно отказывали. Ему одно время пришлось содержать посольскаго священника и весь причтъ на собственныя средства. Иногда за иностранною коллегіею числился долгъ, превышавшій 20.000 р., и Кантемиръ рѣшительно не зналъ, при недостаткѣ собственныхъ средствъ, какъ выпутаться изъ бѣды. Все это внушало ему крайнее нерасположеніе къ его дипломатической дѣятельности. Онъ неоднократно просился въ отставку, тѣмъ болѣе, что здоровье его было далеко неудовлетворительно. Но въ отставкѣ ему отказывали, нисколько не улучшая его положенія, чѣмъ доводили его почти до отчаянія.

Тѣмъ не менѣе Кантемиръ, какъ мы уже указывали, ревностно занимался дипломатическими дѣлами. Его реляціи, до сихъ поръ не изданныя въ полномъ видѣ, когда онѣ этого дождутся, наполнятъ нѣсколько томовъ (первый томъ, изданный профессоромъ Александренко, обнимаетъ только два первые года дипломатической дѣятельности нашего сатирика). Отсюда видно, какъ много времени онъ посвящалъ исполненію дипломатическихъ своихъ обязанностей, а достоинства этихъ реляцій, которыя рекомендовались опытными и искусными русскими дипломатами, какъ весьма поучительное

чтеніе для всѣхъ, кто интересуется внѣшними дѣлами Россіи, не позволяютъ сомнѣваться, что Кантемиръ посвящалъ много времени и на собираніе матерьяловъ, необходимыхъ для столь компетентныхъ и даже глубокихъ дипломатическихъ отчетовъ. Всѣ они написаны собственноручно Кантемиромъ и только перебѣлены его секретарями. Въ оцѣнкѣ тѣхъ государственныхъ и общественныхъ дѣятелей, съ которыми ему приходилось сноситься, онъ проявилъ замѣчательную проницательность; такъ напримѣръ его судъ надъ государственными людьми, управлявшими судьбою Англіи при Георгѣ II, т. е. въ то время, когда Кантемиръ состоялъ представителемъ Россіи въ Лондонѣ, совпадаетъ почти буквально съ оцѣнкою ихъ лучшими историками. Чтобы дать читателямъ понятіе о манерѣ и достоинствахъ кантемировыхъ реляцій, мы познакомимъ ихъ съ этою характеристикою.

«Его королевское величество,—писалъ Кантемиръ въ 1733 г.:—какъ я многажды вашему императорскому величеству имѣлъ честь доносить, государь весьма честнаго характера и въ словѣ своемъ примѣтнаго постоянства, если-бы нужда здѣшнихъ законовъ и часто совѣты министровъ къ противному его величества не понуждали. Вспыльчивый его величества нравъ подалъ причину къ несогласію съ сыномъ, который съ своей стороны можетъ быть болѣе нежели прилично съ противниками его величества сообщается, и пока его высочества поступокъ въ семъ не отмѣнится, мало согласія съ отцомъ въ семъ ожидать можно. Господа Вальполли безсумнительно всю силу здѣшняго правленія въ своихъ рукахъ имѣютъ. Большой братъ Робертъ человѣкъ весьма добрый и остраго ума, и по своему ауторитету въ парламентѣ видно, что къ внутреннимъ дѣламъ много искусства имѣетъ и, зная совершенно склонность своей націи, куда хочетъ ихъ влечетъ, наипаче употребляя къ тому золотую узду. Въ дѣлахъ чужестранныхъ, какъ всѣ генерально здѣсь признаютъ, не много знанія имѣетъ и потому особливо брата своего почитаетъ, чая, что многія посольства, въ которыхъ онъ обрѣтался, дали ему способъ въ томъ искуситься. Я не могу сказать, праведно-ли то мнѣніе или нѣтъ, понеже за многословіемъ, которое г. Горасъ (Вальполь) въ своихъ разговорахъ употребляетъ, основательное разсужденіе почти оными подавлено, и удача въ его негоціаціяхъ мало въ его пользу показываетъ, хотя впрочемъ и онъ не лишается остроты ума и пріятнаго обхожденія. Оба брата, опасаяся отъ войны пріумноженія непріятелей своихъ или раздѣленія власти своей во многія руки, тишину любятъ и потому многіе авантажи потерять лучше склонятся, чѣмъ навесть себѣ оное опаство; потому при правленіи ихъ трудно ожидать отсюду какого смѣлаго дѣйства. Дюкъ Ньюкастль, статскій секретарь полуденныхъ дѣлъ, имѣетъ великую понятность и память, но весьма мало атенціи къ чужестраннымъ дѣламъ даетъ, будучи непрестанно въ своей деревнѣ и упражняяся пріумножать въ провинціяхъ друзей, которыми и мѣсто свое сохра-

няетъ. Великія его вотчины, число друзей и родни даютъ ему нѣсколько голосовъ въ парламетѣ, что понуждаетъ господъ Вальполевъ не учинить себѣ его непріятелемъ, а инако давно-бы свой чинъ потерялъ. Милорда Гаринтона, статскаго секретаря сѣверныхъ дѣлъ, можно взять образцомъ честнаго и добраго человѣка, который снабденъ природными основательными разсужденіями и многимъ искусствомъ. Обѣ здѣшнія противныя стороны, равно его любятъ и почитаютъ; нѣтъ такого, чтобъ былъ имъ недоволенъ; нраву весьма тихого, малорѣчивъ, не лукавъ и столько недругъ всякихъ замѣшательствъ и высокомыслія, что хотя его королевское величество къ нему гораздо милостивъ, кавалеръ Вальполь ему не ревнуетъ и подлинно способнѣйшаго онъ, Вальполь, себѣ пріискать не могъ-бы. Понеже милордъ, кромѣ своей должности, ни въ какія дѣла не вступаетъ, зачѣмъ я надѣюсь, что онъ мѣсто свое сохранитъ, со всѣмъ тѣмъ, что Горасъ Вальполь горячо желалъ-бы оное себѣ присвоить. О членахъ тайнаго совѣта не упоминаю, понеже ни силы никакой не имѣютъ, ни господину Вальполю противиться отважны. Ничего также примѣчать можно прочихъ придворныхъ, которые ни въ какія дѣла не вступаются, развѣ когда господинъ Вальполь кому что позволитъ, и его величество ни которому изъ нихъ отмѣнную милость не являетъ».

Если отрѣшиться отъ впечатлѣнія, которое производитъ этотъ документъ въ стилистическомъ отношеніи, какъ все, что написано Кантемиромъ, жившимъ полтораста лѣтъ тому назадъ, когда еще и помину не было о знаменитыхъ творцахъ современнаго русскаго языка, когда сильная и образная русская рѣчь еще всецѣло подчинялась ярму польско-латинскаго духовнаго витійства, когда даже еще такой сильный писатель, какъ Ломоносовъ, не успѣлъ еще сбросить съ себя это ярмо, то мы будемъ поражены проницательностью и глубиною этой характеристики, въ которой современникъ оцѣнилъ англійскихъ государственныхъ людей такъ, какъ дано ихъ было оцѣнить только позднѣйшимъ знаменитымъ историкамъ, писавшимъ сто лѣтъ спустя, когда безпристрастная историческая перспектива была уже вполнѣ возможна. Съ другой стороны мы должны будемъ признать, что если-бъ русская дипломатія временъ Кантемира руководствовалась, при огражденіи русскихъ интересовъ, его ясными, опредѣленными и столь проницательными реляціями или имѣла-бы въ виду болѣе эти интересы, чѣмъ выгоды того или другого временщика, то услуги, которыя оказалъ-бы нашъ сатирикъ Россіи въ дипломатическомъ отношеніи, были-бы гораздо значительнѣе, чѣмъ онѣ были на самомъ дѣлѣ. Къ его реляціямъ преднамѣренно возбуждалось недовѣріе тѣми, кому онѣ не были на руку, какъ вообще вся его дѣятельность ими дискредитировалась. Наши историки еще мало разработали дипломатическія реляціи Кантемира,

мало ими вообще занимались, а между тѣмъ онѣ заслуживаютъ лучшей участи. Тогдашнія взаимныя отношенія державъ удивительно мѣтко въ нихъ охарактеризованы, а въ этихъ отношеніяхъ, какъ они ни кажутся намъ отдаленными, заключается много точекъ опоры для уясненія себѣ и современнаго положенія Европы вообще, и Россіи въ частности. Усилія, употребленныя Кантемиромъ,—дѣятелемъ, одареннымъ, какъ онъ выражался о другихъ, «большою остротою ума»,—чтобы уяснить себѣ намѣренія разныхъ державъ, найтись въ лабиринтѣ лжи и обмана, созданномъ тогдашними дипломатами, далеко не пропали даромъ. Получается необычайно яркая картина тѣхъ побудительныхъ мотивовъ, которые заставляли государства ссориться, мириться, вести войны, заключать союзы и вообще придерживаться той или другой внѣшней политики.

Кантемиръ былъ одаренъ способностью видѣть дальше чисто-временныхъ явленій, предусматривать до нѣкоторой степени будущее и понимать то, что есть прочнаго въ измѣнчивомъ, неясномъ ходѣ событій: онъ имъ не подчинялся въ своихъ сужденіяхъ, онъ видѣлъ, откуда и куда они идутъ. Стараясь оградить, по мѣрѣ силъ и возможности, интересы своего отечества, нашъ дипломатъ уже тогда съ большою проницательностью утверждалъ, что мы сколько-нибудь искреннихъ друзей въ Европѣ не имѣемъ; онъ указывалъ и на причины этого явленія: на нашу отсталость въ культурномъ отношеніи, на страхъ, который вызываетъ военная наша сила при неизвѣстности, къ какой цѣли она будетъ направлена. Онъ даже совершенно ясно оттѣнилъ тѣ факторы, которые повліяютъ на ходъ нашей политики и политики другихъ государствъ, подмѣтилъ зависть, которую возбуждаетъ могущество Россіи въ другихъ первоклассныхъ европейскихъ государствахъ, и указалъ на то, что Франція, какъ самая сильная держава того времени, въ *искренній* союзъ съ нами не вступитъ, потому что она столько-же заинтересована въ ослабленіи Германской имперіи, какъ и въ ослабленіи Россіи. Наше правительство то и дѣло старалось вступать въ союзъ съ Франціей, подчиняясь въ этомъ отношеніи иногда весьма мелкимъ побудительнымъ мотивамъ. Такъ было напримѣръ при Биронѣ, когда онъ вздумалъ, будучи избранъ при содѣйствіи своего свояка, рижскаго коменданта, генерала Бисмарка, курляндскимъ герцогомъ, выдать племянницу Анны Іоанновны, молодую принцессу Анну Леопольдовну, замужъ за своего сына и съ этою цѣлью удалить отъ двора близкаго родственника германской императрицы, принца Антона-Ульриха. Этотъ бракъ вызвалъ-бы разрывъ съ германскимъ импе-

раторомъ, а потому Биронъ желалъ вступить въ союзъ съ Франціею и требовалъ отъ Кантемира, чтобы онъ подготовилъ сближеніе съ Франціею. Такъ было и по отношенію къ знаменитому маркизу Шетарди, постоянно увѣрявшему русское правительство въ дружбѣ Франціи, а на самомъ дѣлѣ дружившему съ тайными противниками Россіи: Швеціею, Польшею, Турціею.

Изъ реляцій нашего сатирика видно, что, несмотря на молодые свои годы и дипломатическую неопытность, не смотря также на честный и прямодушный свой характеръ, онъ почти съ самаго начала своей дипломатической карьеры ясно понялъ, что съ тѣхъ поръ, какъ, благодаря военнымъ успѣхамъ Петра Великаго, «мы вдругъ стали уже народъ новый, не меньше стройный другихъ, не меньше обильный, завидимъ врагу и въ немъ злобу унять сильный»,—съ тѣхъ поръ, какъ русское оружіе нанесло столь чувствительные удары ближайшимъ нашимъ сосѣдямъ, Швеціи и Турціи, а Польша очевидно уже клонилась къ упадку, Россія становилась державою равносильною другимъ великимъ державамъ и потому естественно вступала съ ними въ соперничество какъ относительно своего обаянія въ Европѣ, такъ и относительно способности ограждать свои интересы на европейскомъ материкѣ. Понималъ Кантемиръ и то, что это соперничество, этотъ быстрый ростъ могущества Россіи заставитъ другія державы, которымъ принадлежало первенство въ Европѣ, относиться недружелюбно къ нашему отечеству и строить противъ него всевозможныя козни. Онъ не довѣрялъ ни Англіи, ни Франціи, и событія вполнѣ оправдали это чувство недовѣрія. И министры Георга II, и знаменитый кардиналъ Флёри разсыпались въ увѣреніяхъ въ дружбѣ передъ Россіею и въ то же время отказывались признать за русскими царицами императорскій титулъ и постоянно натравливали Польшу, Швецію и Турцію на Россію, достигая нерѣдко успѣха и силясь послѣ войны отнять у нея возможность заключить выгодный миръ. Избраніе Станислава Лещинскаго польскимъ королемъ, невыгодный бѣлградскій миръ послѣ взятія Хотина и другіе факты этого рода служили яснымъ доказательствомъ проницательности Кантемира, какъ дипломата. Такимъ образомъ Кантемиръ быть можетъ первый далъ ясное выраженіе тому несомнѣнному въ настоящее время историческому закону, что Россія, какъ одна изъ наиболѣе могущественныхъ державъ въ Европѣ, будетъ всегда имѣть своими противниками тѣ государства, которыя претендуютъ на наиболѣе вліятельное положеніе, будь это Австрія, Франція, Англія или, какъ теперь, новая Германская имперія.

Мы не можемъ входить здѣсь въ подробное изложеніе дипломатической дѣятельности Кантемира и подтвердить выписками изъ его реляцій, какъ вѣрно онъ оцѣнивалъ тогдашнее внѣшнее положеніе Россіи. Но такая проницательность во всякомъ случаѣ свидѣтельствуетъ о блестящихъ дарованіяхъ Кантемира, тѣмъ болѣе, что, какъ мы видѣли, масса мелочныхъ хлопотъ и заботъ поминутно отрывали его отъ исполненія прямыхъ обязанностей. При такихъ обстоятельствахъ можно удивляться, что онъ находилъ еще время для весьма широкой литературной дѣятельности. Правда, его творчество оскудѣваетъ, но не оскудѣваетъ его желаніе служить отечеству на литературномъ поприщѣ, содѣйствовать, по мѣрѣ силъ и способностей, его просвѣщенію. За исключеніемъ первыхъ трехъ лѣтъ пребыванія заграницею, не проходитъ почти ни одного года, чтобы онъ не обогатилъ русскую литературу новыми оригинальными или переводными произведеніями. Въ Лондонѣ онъ пишетъ свои пѣсни: «Противу безбожныхъ», «О надеждѣ на Бога», «На злобнаго человѣка», «Въ похвалу наукъ», въ которыхъ онъ прославляетъ разумъ, «къ понятію отверстый», клеймитъ «суевѣрство злое», возвеличиваетъ науку съ ея «рѣчью тихою, но честнымъ ушамъ внятною, не знающую ни гнѣву, ни страху причину, ищущую и любящую истину едину». Въ то же время онъ знакомитъ русскую читающую публику съ классическими произведеніями древности, переводитъ Анакреона, приступаетъ къ переработкѣ своихъ сатиръ, придаетъ имъ совершенно новый видъ и отчасти замѣняетъ устарѣлый силлабическій стихъ тоническимъ, болѣе соотвѣтствующимъ духу русскаго языка. Въ это-же время онъ пишетъ свою шестую сатиру «О истинномъ блаженствѣ», въ которой выставляетъ идеалъ счастливаго человѣка, указываетъ на тщету богатства и власти, прославляетъ человѣка добраго и пробуждающаго въ другихъ добрыя чувства. Чѣмъ-то успокоительнымъ, свѣтлымъ и чистымъ вѣетъ отъ этой сатиры, написанной первымъ русскимъ писателемъ въ такое жестокое время, какимъ было начало восемнадцатаго столѣтія, когда люди губили другъ друга, не останавливаясь ни передъ чѣмъ, чтобы обогатиться или завладѣть властью, отъ этой неожиданной въ русскомъ обществѣ проповѣди, что

Добрымъ быть собою мзда есть уже не мала.

Одновременно съ этою сатирою онъ пишетъ еще и басни, стараясь ими убѣдить читателя въ той-же истинѣ.

Переселившись во Францію, гдѣ ему открывается болѣе широкая дипломатическая дѣятельность, онъ также не оставляетъ ли-

тературныхъ занятій. Въ Парижѣ имъ написана седьмая сатира «О воспитаніи», въ которой онъ выступаетъ истинно передовымъ человѣкомъ для своего времени и общества. Кантемиръ восполняетъ здѣсь недосказанное имъ въ прежнихъ сатирахъ, указываетъ на громадное значеніе правильнаго воспитанія, оттѣняя печальныя стороны того воспитанія, которое получали русскія дѣти въ его время, когда оно довѣрялось преимущественно прислугѣ изъ крѣпостныхъ, когда лучшимъ средствомъ исправленія признавались побои и розги, когда родители и не думали подавать хорошій примѣръ, сами грязли въ невѣжествѣ, заботясь только о поддержаніи внѣшняго блеска, роскоши. Въ такое время несомнѣнно была лучомъ совершенно новаго свѣта проповѣдь, что «слуги—язва дѣтей», что «родителей злѣе примѣръ», что «ласковость больше въ одинъ часъ дѣтей исправитъ, чѣмъ суровость въ цѣлый годъ», что «кормилицу, дядьку, слугъ, бесѣду, сколь можно лучшую надо избрать сыну», что «дѣти ближе гостя» и т. д. Всѣ эти мысли о воспитаніи, на которыхъ отразилось вліяніе Ювенала и Локка, легли впослѣдствіи въ основу знаменитой учебной реформы Бецкаго, и такимъ образомъ нашъ сатирикъ приложилъ и въ этомъ отношеніи дѣятельную руку къ обезпеченію высшихъ интересовъ русскаго общества. Почти одновременно написана имъ и восьмая сатира «На безстыдную нахальчивость», въ которой онъ указываетъ писателямъ, какъ осторожно надо обращаться съ печатнымъ словомъ. Онъ говритъ:

Когда за перо примусь, совѣсть испытаю,
Не съ страсти-ли я какой творцомъ стать желаю,
Не похвалъ-ли, что я жду отъ тѣхъ трудовъ, жадность,
Не гнѣвъ-ли, не зависть-ли, иль къ ближнимъ безпощадность,
Волю мнѣ вносить въ умъ.

Онъ совѣтуетъ обращаться съ печатнымъ словомъ такъ-же осторожно, какъ врачъ обращается съ ланцетомъ, когда пускаетъ больному кровь; онъ отдаетъ себѣ полный отчетъ въ важномъ значеніи печатнаго слова, какъ одного изъ средствъ воспитательнаго воздѣйствія на общество, и такимъ образомъ восьмая сатира естественно дополняетъ собою седьмую. Наконецъ въ 1740 г. онъ пишетъ свое «письмо къ князю Н. Ю. Трубецкому», въ которомъ выставляетъ свой идеалъ хорошаго администратора, заботящагося о томъ, чтобы «чинъ и правда цвѣла въ пользу люду», чтобы «страсти не качали вѣсовъ» правосудія, чтобы «слезы бѣдныхъ не падали на землю», словомъ—идеалъ того администратора, который видитъ «собственную пользу въ общей пользѣ». Послѣднее-же оригинальное стихотворе-

ніе: «Письмо къ стихамъ своимъ», онъ написалъ уже наканунѣ смерти, въ 1743 г. Это его прощальное слово, въ которомъ онъ выражаетъ надежду, что въ концѣ концовъ муза его найдетъ себѣ признаніе, что «умнымъ понравится голой правды сила», что потомство пойметъ, какъ онъ далекъ былъ отъ злословія и старался только «пятнать злой нравъ», наконецъ что сатира его имѣла источникомъ своимъ одну любовь.

Въ рѣчахъ вы признайте
Послѣднихъ моихъ любовь къ вамъ мою. Прощайте!

Это—прощанье не только съ музою, но и съ читателями,—прощаніе тѣмъ болѣе трогательное, что, несмотря на сатирическую соль стиховъ поэта, въ нихъ дѣйствительно было много любви, но не той любви, которую обыкновенно воспѣваютъ поэты, а высшей этической любви къ ближнему и къ отечеству.

Мы въ предыдущемъ уже указывали на нѣкоторые переводы Кантемира. Состоя представителемъ Россіи при иностранныхъ дворахъ, онъ продолжалъ знакомить русскую публику съ лучшими, по его мнѣнію, трудами другихъ народовъ. Такъ, онъ перевелъ исторію Юстина, жизнеописанія Корнелія Непота, знаменитыя «Персидскія письма» своего друга Монтескьё, этику Эпиктета, книгу Альгероти о свѣтѣ. Всѣ эти труды, къ сожалѣнію, потеряны, какъ утрачено и его руководство къ алгебрѣ, которое онъ составилъ для того, чтобы двинуть математическое образованіе въ Россіи. Утрачены также его разсужденія о просодіи. Но зато сохранилось написанное имъ незадолго до смерти письмо къ пріятелю о «сложеніи стиховъ русскихъ». Письмо это было вызвано извѣстнымъ трудомъ Тредьяковскаго: «Новый и краткій способъ къ сложенію россійскихъ стиховъ», въ которомъ послѣдній предлагаетъ замѣнить силлабическій стихъ тоническимъ, какъ болѣе свойственнымъ русскому языку. Кантемиръ отчасти соглашается съ Тредьяковскимъ, и дѣйствительно его стихи представляютъ нѣчто среднее между силлабическимъ и тоническимъ стихомъ. Равнымъ образомъ онъ передъ смертью еще перевелъ знаменитыя письма Горація и кромѣ того самъ написалъ прозою одиннадцать «писемъ о природѣ и человѣкѣ», въ которыхъ старается обосновать свои собственныя нравственныя правила и установить цѣлостное міросозерцаніе. Въ этихъ письмахъ Кантемиръ является глубоко религіознымъ человѣкомъ, стоящимъ однако на высотѣ образованности, прекрасно знакомымъ со всею этическою литературою и воодушевленнаго всѣмъ, что есть для человѣка наиболѣе святого.

Это были послѣднія произведенія Кантемира. Уже съ 1740 г.

его здоровье вызывало опасенія, хотя ему шелъ тогда всего 31-ый годъ. По общему отзыву біографовъ, онъ былъ всегда слабъ здоровьемъ, нѣжнаго тѣлосложенія и постоянно вредилъ себѣ неумѣреннымъ умственнымъ трудомъ. До какой степени Кантемиръ втянулся въ трудъ, показываетъ тотъ фактъ, что за нѣсколько дней до смерти онъ, почувствовавъ, что работать уже не можетъ, призналъ свое положеніе безнадежнымъ; «не могу уже читать; значитъ, умираю»,—произнесъ сатирикъ. Нѣкоторые біографы, и въ томъ числѣ аббатъ Венути, утверждаютъ, что онъ одно время велъ заграницею разсѣянную жизнь и грѣшилъ чрезмѣрною любовью къ женщинамъ. Но это какъ то плохо мирится со всѣмъ, что мы знаемъ о Кантемирѣ, и противорѣчитъ вполнѣ констатированнымъ фактамъ. Такъ, мы видѣли уже, что въ Лондонѣ онъ постоянно имѣлъ одну подругу жизни, о которой отзывался чрезвычайно сердечно въ своихъ письмахъ къ сестрѣ. Въ Парижѣ-же онъ сошелся съ г-жею Д'Англеберъ, отъ которой прижилъ двухъ дѣтей (вскорѣ умершихъ) и которая вскорѣ послѣ смерти Кантемира вышла замужъ и зажила счастливой семейной жизнью. Кромѣ того намъ извѣстно, что Кантемиръ, несмотря на полную возможность постоянно вращаться въ блестящемъ и шумномъ парижскомъ обществѣ и принимать участіе въ его удовольствіяхъ, велъ жизнь очень уединенную, выѣзжая лишь тогда, когда этого требовали его оффиціальныя обязанности. Все это не мирится съ тѣмъ представленіемъ, будто-бы онъ могъ вести разсѣянный образъ жизни: слишкомъ пристрастился Кантемиръ къ наукѣ, выше которой онъ ничего не зналъ въ жизни, и къ литературѣ; слишкомъ былъ добросовѣстенъ въ исполненіи принятыхъ на себя обязанностей; слишкомъ преданъ высшимъ интересамъ человѣческаго духа... Батюшковъ очень мѣтко изобразилъ намъ въ своемъ извѣстномъ «Вечерѣ у Кантемира» не только основное міросозерцаніе нашего сатирика, но и, такъ сказать, нравственный его обликъ. Это была натура очень сосредоточенная, очень глубокая, чуждая всякой афектаціи и театральности, трезвая, но теплая по своему любовному отношенію къ людямъ и родинѣ, увлекающаяся только въ кабинетной тиши, за книгою или съ перомъ въ рукахъ, еще въ задушевномъ разговорѣ съ друзьями, одинаково съ нимъ настроенными. Но и такого рода увлеченіе никогда не переступало у него границъ, внѣ которыхъ нарушается пріятный тонъ бесѣды и слово становится желчнымъ или язвительнымъ. Даже въ его «смѣхѣ сквозь слезы» было очень много добродушія и теплоты. Только въ первыхъ своихъ сатирахъ, т. е. въ трудахъ ранней мо-

лодости, Кантемиръ нападалъ на личности и слѣдовательно могъ нажить себѣ враговъ. Но эти сатиры онъ впослѣдствіи переработалъ, отчасти съ цѣлью, чтобы устранить въ нихъ все личное и направить свои сатирическія стрѣлы исключительно на «злые нравы» всего общества, а не отдѣльныхъ лицъ. Его сосредоточенная, уравновѣшанная, философски-настроенная натура проявилась вполнѣ и въ послѣдніе дни его жизни, передъ самою кончиною. Онъ не боялся смерти, хотя умиралъ такъ рано. Онъ ожидалъ ее стойко, какъ глубоко вѣрующій человѣкъ, какъ писатель, совершившій то, что могъ, и не покривившій никогда душою, какъ сынъ своей страны, посвятившій ей всѣ свои помыслы и силы. Его окружали друзья, умѣвшіе его цѣнить: секретарь посольства Гроссъ, братъ его учителя-академика, знаменитый въ то время философъ и математикъ Мопертюи, аббатъ Венути и нѣкоторые другіе близкіе ему люди.

Очень неблагодарно оказалось отечество по отношеніи къ нему и въ послѣдніе мѣсяцы его жизни. Онъ умиралъ, а ему съ трудомъ согласились дать отпускъ, и когда согласились, то только съ условіемъ соотвѣтственнаго вычета изъ жалованья за проведенные въ отпуску мѣсяцы. О пособіи и слышать не хотѣли, и Кантемиру даже угрожали, что если онъ будетъ болѣть слишкомъ долго, то его замѣнятъ другимъ дипломатомъ. Съ такою угрозою обращались къ человѣку, который неоднократно просился самъ въ отставку, жаждалъ вернуться на родину и только мечталъ объ осуществленіи давнишней своей надежды занять наиболѣе, быть можетъ, свойственный ему постъ,—постъ президента задуманной Петромъ Великимъ академіи наукъ. Угроза эта понятно не могла напугать умиравшаго Кантемира, но она должна была вызвать въ немъ весьма горькое чувство: всѣ его заслуги были забыты въ Петербургѣ, и тѣ, на которыхъ онъ возлагалъ наибольшія надежды въ столь святомъ для него дѣлѣ, въ осуществленіи цѣли его жизни, отворачивались отъ него въ дни мучительной смертельной болѣзни. Но Кантемиръ не жаловался: по-истинѣ трогательно его самоотреченіе, его стойкость въ служеніи принципу, который онъ признавалъ вѣрнымъ. Его денежныя дѣла пришли въ полное разстройство вслѣдствіе постоянныхъ задержекъ въ высылкѣ причитавшихся ему денегъ. Отпускъ на поѣздку въ Италію для излеченія онъ получилъ только тогда, когда уже не могъ имъ воспользоваться. Ему угрожали отставкою послѣ всѣхъ значительныхъ его заслугъ, и тѣмъ не менѣе ни одной жалобы не срывалось съ его устъ: какъ глубоко долженъ былъ онъ вѣрить въ правоту своего дѣла, какъ высоко долженъ былъ онъ

стоять надъ личными соображеніями, чтобы безропотно перенести всѣ эти удары судьбы и остаться себѣ вѣрнымъ до конца.

Физическія его страданія были очень сильны. «Уже пятьдесятъ дней сряду,—писалъ Кантемиръ:—весь день мучитъ меня рѣзь въ желудкѣ; какъ скоро только крыло курицы съѣмъ, а всю ночь жаръ съ кашлемъ, такъ что иногда и трехъ часовъ не сплю, и никто никакой помощи подать мнѣ не можетъ... Сверхъ другихъ моихъ болѣзней, уже начинающія гнить мои легкія кусками выкашливаю». Но, несмотря на эти страданія, онъ не переставалъ заниматься, читалъ и исполнялъ всѣ свои обязанности. Только за три дня до смерти онъ пересталъ читать и заниматься, но у него хватило силъ въ Свѣтлое Воскресенье прослушать обѣдню, причаститься и быть даже во второй день праздника у обѣдни. На третій день, 31 марта 1744 г., его не стало. Его другъ, секретарь посольства Гроссъ, извѣщалъ дворъ о смерти Кантемира въ слѣдующихъ выраженіяхъ:

«Вашего императорскаго величества тайный совѣтникъ и полномочный министръ князь Антіохъ Дмитріевичъ Кантемиръ по долготерпѣнной жесточайшей болѣзни сначала въ желудкѣ и потомъ въ груди напослѣдокъ, вчерась, т. е. 11-го апрѣля (31 марта), въ вечеру въ восьмомъ часу перемѣнилъ сіе временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ. Ваше императорское величество подлинно въ немъ изволили потерять вѣрнаго раба и весьма искуснаго ученаго министра. Здѣсь такимъ обще всѣ его почитали».

Но, если всѣ его признавали просвѣщеннымъ человѣкомъ, хорошимъ гражданиномъ, замѣчательнымъ дипломатомъ заграницею, то, судя по вышеуказаннымъ условіямъ, при какихъ онъ «перемѣнилъ временное житіе съ вѣчнымъ блаженствомъ», нельзя думать, что взглядъ этотъ раздѣлялся въ Петербургѣ. Даже, когда онъ умеръ, къ послѣдней его волѣ отнеслись не особенно милостиво. Такъ, онъ выразилъ надежду, что, въ виду неудовлетворительнаго его матерьяльнаго положенія, бренные его останки будутъ перевезены въ Россію на казенный счетъ, какъ это практиковалось относительно другихъ посланниковъ. Въ виду этого обстоятельства онъ, слѣдуя влеченію своего добраго сердца, включилъ въ свое завѣщаніе пунктъ такого содержанія: «Ежели король французскій по обыкновенію пошлетъ по смерти моей къ моей фамиліи въ обыкновенный подарокъ портретъ свой, то оный продать и деньги (около 2,400 р.) употребить къ прибавленію дохода какого-нибудь бѣднаго госпиталя въ Москвѣ». Однако казна не только отказалась отъ уплаты долговъ Кантемира, сдѣланныхъ вслѣдствіе неуплаты ею самою около 20.000 р. жалованья и по покрытіи другихъ расходовъ Кантемира на содержаніе посольства и исполненіе разныхъ казенныхъ же порученій, но и рѣ-

шительно отвергла просьбу его о доставленіи его тѣла въ Москву на казенный счетъ. Такимъ образомъ прахъ его болѣе года оставался въ Парижѣ и, только благодаря заботливости сестры, былъ перевезенъ въ Москву, куда прибылъ лишь въ октябрѣ 1745 г., и преданъ землѣ ночью, безъ всякаго торжества, по желанію покойнаго въ зимней церкви Николаевскаго греческаго монастыря рядомъ съ могилою его отца. Отмѣтимъ тутъ же, что въ настоящее время посѣтителямъ этой церкви отыскать могилу нашего перваго сатирика весьма трудно, потому что чугунныя могильныя плиты семьи Кантемировъ застланы деревяннымъ помостомъ, сдѣланнымъ для богомольцевъ, не желающихъ смѣшиваться съ толпою. Такимъ образомъ эти аристократы между богомольцами попираютъ ногами прахъ того человѣка, который первый среди русскихъ писателей возвысилъ громко голосъ въ пользу равенства «пахаря и вельможи». Очевидно и общество наше, гордящееся своими гражданскими чувствами, плохо цѣнитъ заслуги своихъ руководителей, если такъ небрежно относится даже къ памяти того, кто первый указалъ на великое значеніе слова «гражданинъ».

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Мы старались вкратцѣ охарактеризовать жизнь и дѣятельность Кантемира, отмѣтить то, что представляется намъ наиболѣе существеннымъ, наиболѣе драгоцѣннымъ и поучительнымъ въ трудахъ перваго нашего классическаго писателя. Мы имѣемъ полное право гордиться имъ. Кантемиръ, какъ человѣкъ, былъ личностью безусловно свѣтлою. Трудно назвать другихъ дѣятелей или писателей, которые въ нравственномъ отношеніи могли бы быть поставлены выше его. Личная польза играла ничтожную роль во всей его жизни и дѣятельности. Онъ жилъ почти исключительно для пользы своего отечества; если къ кому-нибудь можно примѣнить древнее латинское изрѣченіе: «Saluti publicae vixit totus», то именно къ нему. Мы видѣли, какъ онъ даже въ ранней молодости считалъ себя вправѣ заботиться о собственныхъ интересахъ лицъ настолько, насколько они совпадали съ общественнымъ благомъ. Кантемиръ всегда умѣлъ прощать своихъ личныхъ враговъ и пользовался даннымъ ему природою талантомъ только во вредъ тѣмъ, кто забывалъ объ общей пользѣ. Онъ былъ любящимъ сыномъ, примѣрнымъ братомъ, хорошимъ человѣкомъ въ полномъ значеніи этого слова. Интересы духа рѣшительно преобладали въ немъ. Пламенная любовь къ литературѣ и наукѣ воодушевляли его въ такое время, когда

подавляющее большинство его согражданъ считали науку роскошью, а литературу—простою забавою. На словахъ Кантемиръ самъ оправдывался передъ своими согражданами въ чрезмѣрномъ пристрастіи къ литературѣ, но на самомъ дѣлѣ онъ жилъ исключительно для нея, признавалъ ее однимъ изъ самыхъ могущественнѣйшихъ орудій просвѣщенія. Не менѣе глубока была и любовь его къ отечеству. Для этой любви онъ также умѣлъ жертвовать своими личными интересами. По условію, заключенному между его отцомъ и Петромъ Великимъ, владѣтельныя права надъ Молдавіею должны были опять перейти въ родъ Кантемировъ, какъ только эта страна будетъ отвоевана Россіею у Турціи. Слѣдовательно, права нашего сатирика на молдавскій престолъ были безспорны, и тѣмъ не менѣе онъ съ жаромъ дѣйствовалъ въ пользу мирныхъ отношеній съ Турціей, когда этого требовали государственные интересы Россіи, забывая и въ этомъ случаѣ о личныхъ своихъ интересахъ: онъ былъ русскимъ гражданиномъ гораздо болѣе, чѣмъ претедентомъ на молдавскій престолъ. Верхъ его честолюбія заключался въ томъ, чтобы стать президентомъ русской академіи наукъ и на этомъ тогда единственномъ видномъ учебно-административномъ поприщѣ содѣйствовать успѣхамъ просвѣщенія въ Россіи. Когда ему предложена была честь быть воспитателемъ малолѣтняго Іоанна VI, онъ не уклонился отъ такой трудной обязанности, — «гробницы своей свободы», какъ онъ самъ выразился,—но почувствовалъ значительное облегченіе, когда этотъ планъ разстроился... Словомъ, его ничѣмъ нельзя было соблазнить, никакія почести его не прельщали: уяснивъ себѣ свое прямое назначеніе служить отечеству словомъ, онъ ни на шагъ не отступалъ отъ этого призванія, предпочитая такія служебныя занятія, которыя, какъ онъ думалъ, наиболѣе съ нимъ мирились.

Таковъ былъ Кантемиръ, какъ человѣкъ. Всѣмъ этимъ въ значительной степени опредѣляется и его физіономія, какъ политика, дипломата и писателя. Сынъ высоко-образованной семьи, онъ, какъ гражданинъ, долженъ былъ прежде всего остановиться на вопросѣ: что̀ собственно порождаетъ тѣ ненормальныя общественныя явленія, которыя такъ глубоко его печалили, и отвѣтить на этотъ вопросъ согласно глубокому убѣжденію, усвоенному себѣ, такъ сказать, съ молокомъ матери, что корень всѣхъ золъ—въ невѣжествѣ, въ недостаткѣ просвѣщенія. И не видѣлъ ли онъ, что именно къ устраненію этого источника общественныхъ и политическихъ неурядицъ, косности, застоя направлены были и усилія государственнаго дѣятеля, плѣнившаго его умъ геройскими начинаніями, испо-

линскою энергіею, самоотверженіемъ, мощью? Этимъ государственнымъ дѣятелемъ былъ Петръ Великій. Если Россія стала могущественною державою, если она старалась сравниться съ другими государствами по своимъ гражданскимъ учрежденіямъ и степени культуры и стряхнула съ себя вѣковые предразсудки, вѣковой застой, то она въ значительной степени была этимъ обязана Петру, одному Петру, какъ могло казаться Кантемиру. Такимъ образомъ въ этомъ монархѣ сливались и любовь къ отечеству, и любовь къ просвѣщенію, т. е. то, чѣмъ дышалъ и жилъ самъ Кантемиръ. Такъ сильно было впечатлѣніе, произведенное Петромъ на юнаго нашего сатирика, что вѣра въ спасительность могущественной государственной власти, стоящей выше народа и отвѣтственной только передъ Богомъ, разумомъ, просвѣщеніемъ, пережила въ немъ всѣ тѣ печальныя событія, которыми такъ полна наша исторія послѣ смерти великаго преобразователя. Небывалое злоупотребленіе государственною властью, эксплоатація ея для чисто-личныхъ цѣлей, въ которой такъ сильно провинились и Меншиковъ, и Долгорукіе, и Голицынъ, не говоря уже о Биронѣ, и которая такъ тяжело отразилась и на личныхъ интересахъ нашего сатирика, не могли подавить въ немъ этой вѣры, при которой онъ остался до послѣдняго своего вздоха. Его скромную спальню въ парижскомъ посольскомъ домѣ украшали только потретъ Анны Іоанновны и фигуры двухъ русскихъ мужичковъ. Въ другой его комнатѣ было сосредоточена его библіотека. Въ этой обстановкѣ выразился весь Кантемиръ. Онъ хотѣлъ служить русскому народу; службу эту онъ понималъ въ смыслѣ распространенія просвѣщенія, т. е. того, чего главнымъ образомъ недоставало Россіи, и надежнѣйшимъ орудіемъ для достиженія этой цѣли онъ признавалъ независимую государственную власть, хранящую «уставы Петровы». Власть эта могла находиться въ рукахъ неумѣлыхъ, но она должна была существовать, потому что она одна, по мнѣнію Кантемира, могла доставить въ Россіи побѣду просвѣщенію надъ невѣжествомъ, культурѣ надъ отсутствіемъ цивилизаціи. Съ этой точки зрѣнія становится понятнымъ и тотъ фактъ, что Кантемиръ, какъ политическій дѣятель, возсталъ противъ попытки Голицына, какъ представителя боярства, окончательно сосредоточить въ своихъ рукахъ государственное вліяніе; съ этой точки зрѣнія по истинѣ трогательно его самоотверженное служеніе принципу съ забвеніемъ личныхъ выгодъ и интересовъ. Въ его время русской интеллигенціи еще не существовало; въ его время болѣе чѣмъ когда нибудь предоставленіе государственной власти тому или другому

общественному классу, свѣтскому или духовному, означало принесеніе въ жертву общей пользы пользѣ одного сословія. Развѣ когда власть находилась въ рукахъ Голицына успѣхи просвѣщенія и благо народа были болѣе обезпечены? Развѣ онъ не злоупотреблялъ государственнымъ вліяніемъ для личныхъ своихъ цѣлей? А Голицынъ былъ чуть не самымъ виднымъ и просвѣщеннымъ представителемъ боярства, которое домогалось исключительнаго государственнаго вліянія. Лучшій изслѣдователь той эпохи, въ которую Кантемиру пришлось разыграть сомостоятельную политическую роль, г. Корсаковъ, слѣдующими словами характеризуетъ смыслъ переворота, совершеннаго при вступленіи Анны Іоанновны на престолъ:

«Движеніе, возбужденное замыслами верховниковъ и шляхетства, ограничивалось ихъ кругомъ. Слегка задѣвая духовенство, оно не проникало въ средніе и низшіе слои русскаго народа. Эти слои, не посвященные въ тайны политики, не могли быть заинтересованы вопросами о подробностяхъ государственнаго устройства. Весь государственный строй земли русской выражался у нихъ въ исконномъ представленіи о самодержавномъ государѣ. Они ничего не знали о замыслахъ верховниковъ и шляхетства, а вслѣдствіе этого и были безучастны въ событіяхъ, совершившихся въ Москвѣ въ началѣ 1730 г.».

А нужно замѣтить, что г. Корсаковъ относится не безъ симпатіи къ Голицыну. Но если современный защитникъ этого дѣятеля произноситъ надъ движеніемъ 1730 г. такой приговоръ, то что-же долженъ былъ думать о немъ Кантемиръ, непосредственно видѣвшій все происходившее и отлично понимавшій скрытыя причины переворота, затѣяннаго для удовлетворенія сословныхъ интересовъ? При Голицынѣ, т. е. въ тѣ дни, когда все государственное вліяніе сосредоточивалось въ его рукахъ, не было принято никакихъ мѣръ для облегченія финансовыхъ и другихъ тягостей, лежавшихъ на народѣ, и въ то же время приступлено было къ постепенной отмѣнѣ реформъ, задуманныхъ Петромъ Великимъ. Такимъ образомъ Кантемиръ видѣлъ, къ чему приводятъ стремленія старой боярской партіи, носившей при немъ названіе «шляхетской», а вмѣстѣ съ тѣмъ начинавшей во многомъ напоминать собою сословіе, причинившее столько вреда сосѣднему государству. Итакъ, интеллигенціи не было, даже напримѣръ такой, какая народилась въ восемнадцатомъ столѣтіи во Франціи и которая такъ сильно способствовала великому перевороту конца этого вѣка. Народъ коснѣлъ въ полномъ невѣжествѣ, а шляхетство или дворяне, возмущенные тѣми тягостями, которыя наложены были на нихъ Петромъ Великимъ, подорвавшимъ родовое значеніе дворянства, стремились назадъ, къ тѣмъ време-

намъ, когда царская власть была еще недостаточно сильна, чтобы противодѣйствовать ихъ соціальному и политическому вліянію, а вмѣстѣ съ тѣмъ естественно преграждали путь быстрымъ культурнымъ успѣхамъ и уравненію всѣхъ сословій въ правахъ и повинностяхъ. При такихъ обстоятельствахъ Кантемиръ не видѣлъ другого исхода, какъ возможно большее упроченіе поколебленной государственной власти въ ожиданіи того времени, когда она окажется въ рукахъ болѣе умѣлыхъ.

Роль Кантемира, какъ дипломата, была сравнительно уже роль второстепенная. Онъ не принималъ непосредственнаго участія въ рѣшеніи вопросовъ внѣшней политики, а являлся только исполнителемъ чужихъ предначертаній и старался по мѣрѣ силъ и средствъ дать петербургскимъ правителямъ матеріалъ, необходимый для правильнаго рѣшенія этихъ вопросовъ. Въ этомъ смыслѣ однако надо признать, что его дѣятельность была весьма плодотворна. Душа его не лежала къ дипломатіи, особенно къ дипломатіи того времени, сотканной изъ интригъ, козней, лжи, обмана, предательства и насилій. Какъ безусловно честная натура, онъ самъ не былъ способенъ на подобные пріемы и дѣйствовалъ всегда прямодушно, позволяя себѣ развѣ только скрывать чужія тайны. Кромѣ того онъ и избралъ дипломатическое поприще единственно потому, что оно давало ему возможность ближе ознакомиться съ европейскою наукою и передать своимъ соотечественникамъ ея выводы. Но, какъ человѣкъ умный и проницательный, онъ прекрасно уяснилъ себѣ, быть можетъ лучше и полнѣе, чѣмъ лица, дававшія ему инструкціи, стремленія разныхъ дворовъ и внѣшніе интересы Россіи. Если Кантемиръ не могъ дѣйствовать вполнѣ успѣшно, потому что лишенъ былъ самостоятельности и брезгалъ тѣмъ оружіемъ, которое пускалось въ ходъ другими дипломатами, то онъ оставилъ намъ въ своихъ реляціяхъ прекрасный памятникъ, замѣчательное указаніе, на чтó должно быть направлено вниманіе дипломата, широко понимающаго свою задачу, и въ этомъ отношеніи наиболѣе видные дипломаты прошлаго вѣка совершенно справедливо рекомендовали реляціи Кантемира всѣмъ, кто желалъ познакомиться съ взаимными отношеніями державъ и составить себѣ ясное сужденіе о международномъ положеніи Европы. Хотя петербургскіе правители оказались очень неблагодарными по отношенію къ Кантемиру, но они внимательно читали его реляціи, между тѣмъ какъ реляціи другихъ пословъ сдавались часто въ архивъ нечитанными. Такимъ образомъ нельзя отрицать, что Кантемиръ имѣлъ значительное, хотя только косвенное, вліяніе на рѣшеніе внѣшнихъ вопросовъ въ свою эпоху.

Но главную заслугу Кантемира составляетъ конечно его литературная дѣятельность. Мы постоянно говорили о любви Кантемира къ наукѣ. Это, какъ само собою разумѣется, надо понимать условно. Кантемиръ не былъ ученымъ и не занимался самостоятельною разработкою науки. Онъ только съ необычайнымъ рвенiемъ изучалъ ее для того, чтобы знакомить съ нею своихъ соотечественниковъ, видя въ знанiи одно изъ основныхъ условiй человѣческаго счастья. Быть можетъ и его отношенiе къ поэзiи однородно. Чрезвычайно характеренъ фактъ, что первый русскiй писатель, въ современномъ значенiи этого слова, нисколько не придерживался правила: наука для науки или искусство для искусства. И наука, и искусство служили въ его глазахъ другой, высшей цѣли: они должны были указывать путь къ человѣческому счастью. Если молодой Кантемиръ написалъ свою первую сатиру въ порывѣ лирическаго негодованiя, то онъ конечно менѣе всего имѣлъ въ виду быть поэтомъ, художникомъ: онъ искалъ только наиболѣе подходящей формы для выясненiя обществу того, чѣмъ болѣла его душа. Продолжая писать сатиры, онъ объ искусствѣ ради искусства мало заботился и стремился только къ тому, чтобы дать читателямъ вѣрную картину пороковъ и недостатковъ общества снизу до верху, съ народа до предержащихъ властей. Вооруженный самъ образованiемъ, чистый въ своихъ помыслахъ и чувствахъ, нашъ сатирикъ возмущался невѣжествомъ и безнравственностью и страстно жаждалъ исправить тотъ народъ, сыномъ котораго онъ себя признавалъ. Только съ этой точки зрѣнiя можно вѣрно оцѣнить литературную дѣятельность Кантемира. Его сатиры имѣли блестящiй успѣхъ. Не будучи напечатанными, онѣ распространялись въ громадномъ, по тогдашнему времени, числѣ рукописныхъ экземпляровъ. Но это нисколько не вскружило голову молодому поэту. Онъ не забываетъ ради самостоятельнаго творчества исполнять и другую сторону своей благодарной литературной задачи. Осмѣивая «злонравныхъ» людей, сатирикъ въ то же время предлагаетъ имъ средство отдѣлаться отъ «злонравiя». Кантемиръ съ лихорадочною поспѣшностью переводитъ на русскiй языкъ лучшiя иностранныя литературныя произведенiя, въ которыхъ устанавливается правильный взглядъ на жизнь и людей. Такимъ образомъ онъ въ двухъ направленiяхъ ведетъ борьбу съ невѣжествомъ и его спутниками: суевѣрiемъ и нетерпимостью, равно какъ съ дурными страстями и ихъ неизбѣжнымъ послѣдствiямъ,—порочностью. Только въ первоначальной редакцiи своихъ первыхъ сатиръ у него встрѣчаются личныя выходки и то лишь противъ дѣятелей, заслу-

живавшихъ дѣйствительно осужденія съ общественной точки зрѣнія. Но мы видимъ, что затѣмъ даже и въ этомъ отношеніи Кантемиръ имѣетъ исключительно въ виду общіе пороки, общія несовершенства. Слишкомъ у него широкій взглядъ, чтобы не признавать того или другого лица продуктомъ среды и времени. Поэтому онъ направляетъ свои сатирическія стрѣлы противъ общихъ недостатковъ этой среды, но направляетъ ихъ не какъ озлобленный человѣкъ, желающій отмстить тѣмъ, отъ кого онъ пострадалъ, а какъ товарищъ, желающій исправить тѣхъ, кто ему дорогъ. Такимъ образомъ Россія вполнѣ можетъ и въ этомъ отношеніи гордиться своимъ первымъ писателемъ. Теперь, по прошествіи 150 лѣтъ со времени смерти Кантемира, его языкъ устарѣлъ, его литературные пріемы могутъ намъ представляться наивными, но это не измѣняетъ сущности дѣла, не ослабляетъ его громаднаго значенія для нашей литературы. Безъ всякаго преувеличенія можно сказать, что Кантемиръ поставилъ первыя вѣхи, что онъ съ необычайною силою указалъ фарватеръ, по которому русская литература будетъ для своей славы и чести плыть еще долго. Не лишенъ назидательности и въ наше время фактъ, что въ поэзіи перваго нашего писателя такъ сильно звучатъ гражданскіе мотивы, что первый нашъ писатель является въ то же время родоначальникомъ столь многимъ нелюбезной обличительной литературы. Можетъ быть впослѣдствіи этотъ родъ литературы принялъ во многихъ отношеніяхъ характеръ уродливый, но, по существу своему, онъ вполнѣ соотвѣтствуетъ истиннымъ потребностямъ нашего общества. Мы еще и теперь—народъ сравнительно мало культурный; подавно мы страдали недостаткомъ культурности въ прошломъ вѣкѣ, и поэтому вполнѣ естественно, что мы болѣе, чѣмъ другіе народы, склонны оглянуться на себя и бичевать себя до острой боли. Въ этомъ отношеніи Кантемиръ подалъ первый примѣръ. Съ рѣдкимъ прямодушіемъ и честностью онъ сталъ называть «льва львомъ, свинью свиньей», смѣлою рукою отдернулъ завѣсу, скрывавшую насъ отъ самихъ себя. Молодой сатирикъ не щадилъ никого, когда дѣло касалось благъ, признаваемыхъ имъ высшими, онъ понималъ, что печати принадлежитъ въ духовной жизни та роль, которая принадлежитъ въ природѣ солнцу: печатное слово должно все освѣщать, чтобы нигдѣ не могли занестись ни гниль, ни плѣсень. Но у Кантемира есть важное преимущество предъ позднѣйшими болѣе сродными намъ писателями. Кантемиръ зло осмѣивалъ русское общество, но при этомъ хорошо зналъ, во имя чего онъ его осмѣиваетъ, и куда хочетъ его привести; идеалы

его ясны, опредѣленны и не возбуждаютъ никакихъ сомнѣній. Всевозможное распространеніе знаній, пригодныхъ для обезпеченія человѣческаго довольства, если ужъ безусловнаго счастья нѣтъ на землѣ,—вотъ его идеалъ, вотъ для чего онъ работаетъ, ради чего онъ борется. Гоголь не менѣе отрицательно отнесся къ нашему обществу, онъ осмѣялъ его еще злѣе Кантемира, — но идеалъ, во имя котораго онъ осмѣивалъ своихъ соотечественниковъ, остался не только для другихъ, но и для него самого темнымъ. Въ этомъ отношеніи быть можетъ втеченіи приблизительно вѣка, прошедшаго между смертью Кантемира и Гоголя, совершился регрессъ. Если бы всѣ русскіе писатели, имѣющіе своимъ родоначальникомъ такого просвѣщеннаго дѣятеля, какимъ былъ Кантемиръ, ратовали съ его воодушевленіемъ за всевозможное распространеніе знаній среди русскаго народа, если бы всѣ правители относились къ знанію съ такимъ уваженіемъ, съ какимъ относился къ нему великій преобразователь, вдохновленнымъ и вѣрнымъ слугою котораго былъ нашъ первый сатирикъ, можетъ быть давно уже миновало бы время такъ называемой обличительной литературы. Но къ сожалѣнію уже вскорѣ послѣ Кантемира началась реакція противъ установленнаго имъ идеала. Польза знаній была подвергнута сомнѣнію, какъ была подвергнута сомнѣніямъ и плодотворная роль печатнаго слова. И, къ стыду нашему, мы должны признать, что сами писатели нерѣдко колебали эти идеалы. Вредъ, который они принесли въ этомъ отношеніи, общеизвѣстенъ, но тѣмъ болѣе мы должны быть благодарны Кантемиру, что онъ въ такое время, когда громадное значенія просвѣщенія не сознавалось еще такъ ясно, какъ теперь, возвысилъ голосъ въ его пользу и приложилъ дѣятельную руку къ его распространенію въ нашемъ отечествѣ. Позднѣйшіе успѣхи Россіи въ значительной степени объясняются тѣмъ, что въ нашей исторіи былъ моментъ, когда государственная власть въ лицѣ Петра, духовенство въ лицѣ Прокоповича и только что народившаяся свѣтская литература въ лицѣ Кантемира дружно соединились для освѣщенія Россіи лучами того солнца, которое мы называемъ европейскою цивилизаціею. Вѣчная заслуга Кантемира несомнѣнна: онъ указалъ русской литературѣ основное ея направленіе.

——— КОНЕЦЪ. ———

Популярно-научныя книги.

Философія Г. Спенсера въ сокращен. изложеніи *Г. Коллинса.* Пер *П. Мокіевскаго.* Ц. **2** р.
Рабочій вопросъ. *Ф. А. Ланге.* Переводъ съ нѣмецкаго. Ц. **1** р. **25** к.
Законы подражанія. *Тарда.* Ц **1** р **50** к.
Домашній опредѣлитель поддѣлокъ. *А. Альмедингена.* Ц. **60** коп.
На всякій случай! Научно-практическіе совѣты сельскимъ хозяевамъ. *А. Альмедингена.* Части 1 и 2-я. Ц. каждой **50** к
Бактеріи и нхъ роль въ жизни человѣка *Мигулы.* Съ 35 рис. Ц. **1** р.
Берегите легкія! Гигіенич. бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц. **75** к.
Сохраненіе здоровья. Общая гигіена въ примѣненіи къ обыденной жизни. *Д-ра Эйдама.* Съ 7 рис. Ц. **40** к.
Предсказаніе погоды. *Г. Далле.* Переводъ съ франц. съ 40 рис. Цѣна **1** р. **25** к.
Дарвинизмъ. *Э. Ферьера.* Пер. съ франц. Популярное изложеніе ученія Дарвина Ц **60** к.
Жизнь на Сѣверѣ и Югѣ. (Отъ полюса до экватора). *А. Брэма.* Со многими рис. Ц **2** р.
Первобытные люди. *Дебьера.* Съ многими рисунками. Ц **1** р
Фабричная гигіена. *В. В Святловскаго.* 720 стр. и 153 рис. Ц. **4** р
Огородничество. Практическія наставленія для народн. учителей. *Шубелера.* Съ137 рис Ц. **60**к.
Который часъ? *И. Вавилова.* Руководство для повѣрки часовъ безъ часовщика и для устройства солнеч часовъ Съ 13 рис Ц. **30** к
Психологія вниманія. Д-ра *Рибо.* 2 изд. Ц **40** к.
Записки желудка. Перев. съ 10 анг изд Ц. **50** к.
Физіологія души. *А. Герцена* Ц **1** р
Міръ грезъ. *Д-ра Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, экстазъ, гипнотизмъ, иллюзіи. Перев съ франц Ц **1** р.
Ручной трудъ. *Графиньи.* Руководство къ домашнимъ занятіямъ, ремесламн Съ 400 рис. Ц. **1** р. **50**к. Въ папкѣ **1** р **75** к Въ пер.—**2** р.
Экстазы человѣка. *П. Мантегацца* Переводъ съ 5-го итальян изданія Ц **1** р **50** к.
Умственныя эпидеміи. Историко-психіатрич. очерки. *Д-ра Реньяра* Съ 110 рис Ц. **1** р **75**к.
Свѣтъ Божій. Популярные очерки міровѣдѣнія 5-е изд (60 рис.) Ц **30** к
Общедоступная астрономія. *К. Фламмаріона.* 2-е изд Съ 100 рис Ц **1** р.
Телефонъ и его практическія примѣненія *Майера* и *Присса.* Съ 293 рис Ц **2** р. **50** к.
Электрическіе элементы. Соч. *Ніоде.* Со многими рисунками. Ц. **2** р.
Электр. аккумуляторы. *Ренье.* Съ 76 рис. Ц **1**р **25** к.
Электрическое освѣщеніе. Составилъ *В. Чиколевъ.* Съ 151 рис Ц. **2** р **50** к.
Чудеса техники и электричества *Чиколева* **30**к.
О безопасности электрическаго освѣщенія. *В. Чиколева.* Съ 6-ю рисунками. Ц. **25** к.
Электричество и магнитизмъ. *А. Гано* и *Ж. Маневрье.* 340 рис. Ц. **1** р. **50** коп.
Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнитизмѣ. *Хвольсона.* Съ 230 рис. Ц **2** р
Главнѣйшія приложенія электричества. *Э Госпиталье.* Съ 115 рис. 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к
Электричество въ домашнемъ быту. *Э. Госпиталье.* Со множествомъ рис. Ц **2** р.
Электрическіе звонки. *Боттона.* Съ крат свѣдѣніями о воздуш звонкахъ. 114 рис. Ц. **1** р
Что сдѣлалъ для науки Ч. Дарвинъ? Съ портретомъ Дарвина Ц **75** к.
Психологія великихъ людей. Проф. *Жоли.* Пер съ франц. 2-е изд. Ц. **1** р.
Соціальная жизнь животныхъ. *Эспинаса.* Пер. съ франц. *Ф. Павленкова.* 2-е изд. Ц. **2** р. **50** к
Единство физическихъ силъ. Опытъ популярно-научной философіи. *А Секки.* Перев съ франц. *Ф. Павленкова.* 3-е изд. Ц. **2** р. **50** к.
Частная медицинская діагностика. Руководство для прак. врачей. Составилъ проф. *Да Коста.* 704 стр. съ 43 рис 2-е изд. Ц **2** р
Современные психопаты. Д-ра *А. Кюллера.* Переводъ съ франц Ц. **1** р **50** к
Геніальность и помѣшательство. *Ц. Ломброзо.* Съ портретомъ автора и рис 2-е изд. Ц. **1** р.
Вредныя полевыя насѣкомыя. Сост. *Иверсенъ.* Съ 43 рис Ц. **80** к.
Эйфелева башня. Состав. *Г. Тисандье.* Съ 34 рисун Ц. **50** к.
Хлѣбный жукъ. Чтеніе для народа, съ 3 рис Бар *Н. Корфа.* Ц **10** к.
Воздушное садоводство. *Н. Жуковскаго.* Съ 73 рис 2-е изд Цѣна **60** коп.
Школьный садоводъ. Объ устройствѣ при сельскихъ школахъ питомниковъ и способахъ обученія первымъ началамъ садоводства *А Волотовскаго* Ц **20** к.
Азбука домоводства и домашней гигіены. Состав *М. Клима.* Пер *Н. Корфъ.* Ц **75** к.
Гигіена семьи. *Гебера* Ц **50** к.
Гигіена женщины. *М. Тило.* Ц. **40** к

ПОПУЛЯРНО-НАУЧНАЯ БИБЛІОТЕКА,

1) Экстазы человѣка. *П. Мантегацца.* Въ 2-хъ частяхъ Ц. **1** р **50** к.; **2) Психологія вниманія.** Д-ра *Рибо.* Ц. **40** к.; **3) Берегите легкія!** Гигіеническія бесѣды д-ра *Нимейера.* Съ 30 рис. Ц **75** к.; **4) Современные психопаты,** д-ра *А. Кюллера.* Ц. **1** р. **50** к.; **5) Предсказаніе погоды.** *А. Далле.* съ рис. Ц. **1** р. **25** к; **6) Физіологія души.** *А. Герцена.* Ц. **1** р; **7) Психологія великихъ людей.** *Г. Жоли.* 2-е изд. Ц. **1** р; **8) Дарвинизмъ.** *Э. Ферьера.* Общедоступное изложеніе идей Дарвина. Ц. **60** к; **9) Міръ грезъ.** Д-ра *Симона.* Сновидѣнія, галлюцинаціи, сомнамбулизмъ, гипнотизмъ, иллюзіи, Ц. **1** р. **10) Первобытные люди.** *Дебьера* Со многими рис. Ц. **1** р. **11) Законы подражанія.** *Тарда.* Ц. **1** р **50** к.; **12) Геніальность и помѣшательство.** *Ц. Ломброзо.* Съ портр. автора и нѣсколькими рис 2-е изд. Ц. **1** р. **13) Общедоступная астрономія.** *К. Фламмаріона.* Съ 100 рис. 2-е изд Ц. **1** р. **14) Гигіена семьи.** *Гебера.* Ц **50** к **15) Бактеріи и нхъ роль въ жизни человѣка** *Мигулы.* Съ 35 рис. **Ц. 1**

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 29 октября 1893 года.